
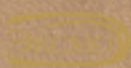

Андрей
ДЕМЕНТЬЕВ

— —
Избранное

Золотая серия поэзии (Эксмо)

Андрей Дементьев

Избранное

«ЭКСМО»

2012

Дементьев А. Д.

Избранное / А. Д. Дементьев — «Эксмо», 2012 — (Золотая серия поэзии (Эксмо))

«Избранное» Андрея Дементьева – поэтический документ времени, в котором он живет вместе со своими читателями. Его лирические произведения – это эпоха, отраженная через душу поэта, через его муки, радости, сомнения и надежды.

© Дементьев А. Д., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

От автора	13
Я родился на Волге...	14
«Я родился на Волге...»	14
«Военное детство. Простуженный класс...»	16
Волга	17
«Мне приснился мой старший брат...»	18
«Я помню первый день войны...»	19
Утро победы в Калининне	20
Баллада о матери	21
«Люблю пейзаж проселочных дорог...»	23
Мой хлеб	24
«Когда я долго дома не бываю...»	25
Торжокские золотошвеи	26
«Срывают отчий дом...»	27
Отец	28
«В актовом зале литинститута...»	29
«Нас остается все меньше...»	30
Тверской пейзаж	31
Калязинская колокольня	32
Хлеб	33
«Где-то около Бреста...»	34
Дочь	35
«Я возвращаюсь улицей детства...»	36
Русь	37
Сыновья	38
«Ты ставишь на видное место цветы...»	39
«Я – в гостинице...»	40
Черный ворон	41
Дочери	43
«Мне кажется, что всё еще вернется...»	44
«Под Новый год, когда зажглась звезда...»	45
«Как все на свете мамы – перед сном...»	46
«Ничего не вернешь...»	47
Памяти мамы	48
«Чужому успеху завидовать грех...»	49
«– Ну что ты плачешь, медсестра?...»	50
Сыну	52
«Идут дожди, идут дожди...»	53
«Я разных людей встречал...»	54
«Трамвай через шумный город...»	55
«Я хотел бы вернуться в юность...»	56
Жизнь моя – то долги, то потери...	57
«Жизнь моя – то долги, то потери...»	57
«Как важно вовремя успеть...»	59
«Не замечаем, как уходят годы...»	60
«Как руки у Вас красивы!...»	61

«Когда я возвращаюсь в Тверь...»	62
Россия	63
«Стихи читают молодые...»	64
«Я живу открыто...»	65
«Отец, расскажи мне о прошлой войне...»	66
«Не могу уйти из прошлого...»	67
Из биографии	68
Несказанные слова	69
«Я одинокий волк...»	70
«Мне всегда бывает грустно...»	71
«Как-то мне приснился серый сокол...»	72
«Дарю свои книги знакомым...»	73
«Какая поздняя весна!..»	74
Счастливчик	75
Люблю	76
«Мне приснился Президент...»	77
Тишина	78
«Поэта решили сделать начальством...»	79
«Хороших людей много меньше...»	80
Раздумье	81
«Платон придумал Атлантиду...»	82
«Везли по улицам Москвы...»	83
«После всех неистовых оваций...»	84
Родной язык	85
«Поменяв российский беспредел...»	86
Не смейте забывать учителей	87
Прощеное воскресенье	88
Характер	89
«Жизнь во власти пяти планет...»	90
«Держава застолий...»	91
«В ясную погоду «Юности» моей...»	93
«Учителей своих не позабуду...»	94
«Это правда...»	95
«Живу не так, как бы хотелось...»	96
«Пока я всем «услуживал»...»	97
«Я во сне не летаю...»	98
«Сколько спотыкался я и падал...»	99
Вся грусть земли поручена стихам...	100
«Вся грусть земли поручена стихам...»	100
«Говорят, при рожденьи...»	102
«Мы живем без неба...»	103
Ноль-ноль часов	104
«Когда вам беды застыт свет...»	105
«Я лишь теперь, на склоне лет...»	106
Чужая осень	107
Крест одиночества	108
Случай на охоте	109
«Левитановская осень...»	110
Встреча пушкина с анной керн	111

«Сандаловый профиль Плисецкой...»	113
«Зураб сказал...»	114
Кабинет Лермонтова	115
Лермонтов И Варенька Лопухина	116
Бабушка Лермонтова	117
«Поэзия жива своим уставом...»	118
Старый Крым	119
Продается романтика	120
Этюд	122
Раненый орел	123
Западные туристы	124
«Жизнь прожита...»	126
После грозы	127
«Солнце упало в море...»	128
А мне приснился сон	129
Мойка, 12	131
Аист	132
Воспоминание об осени	133
«За все несправедливости чужие...»	134
«Кто-то надеется жить...»	135
Сестра милосердия	136
«Ты любил писать красивых женщин...»	137
Времена года	138
Весна	138
Лето	138
Осень	139
Зима	139
«Бал только начался»	141
Дельфин	142
«Афганистан болит в моей душе...»	143
Русская эмиграция	144
Яблоки на снегу	145
«Зимой я тоскую по лету...»	146
Не ссорьтесь, влюбленные...	148
«Не ссорьтесь, влюбленные...»	148
О самом главном	150
«Ты родилась в конце весны...»	151
Давнее сновидение	152
Нет женщин нелюбимых	153
«Поставь свечу за здоровье любви...»	154
Подсолнух	155
Монологи Ф. И. Тютчева	157
«Кого благодарить мне за тебя?...»	157
«Прости, что жизнь прожита...»	157
«Выхода нет...»	158
«Сквозь золотое сито...»	158
«Чего ты больше ей принес...»	160
«Отбились лебеди от стаи...»	161
«Свое томление любви...»	162

«Давай помолчим...»	163
«В небе звездные россыпи...»	164
«Мне без тебя так одиноко...»	165
«Десять лет тому назад...»	166
«Ты вернулась через много лет...»	167
Спасибо за то, что была	168
«Если что-нибудь случится...»	169
«Ушла любовь...»	170
«У нас с тобой один знак Зодиака...»	171
«Я радуюсь тому, что я живу...»	172
«Прости, Париж, что я не рад тебе...»	173
«Как тебе сейчас живется?...»	174
«Я знаю, что все женщины прекрасны...»	175
«Разбитую чашку не склеишь...»	176
«У нас еще снег на полях...»	177
Встреча влюбленных	178
«Сомнений снежный ком...»	179
«Я вновь объясняюсь в любви...»	180
Спустя тридцать лет	181
«У меня красивая жена...»	182
«Женщина, а может быть, богиня...»	183
«Фотоснимок хранится в моем столе...»	184
«Двое Новый год встречают...»	185
Тверское воспоминание	186
Всего лишь день...	186
Под тихий шелест падавшей листвы...	186
Что делать...	187
Здравствуй, наш венчальный город!..	188
«Сегодня я все твои письма порвал»	189
«Ты остаешься, а я ухожу...»	190
Баллада о любви	191
«Была ты женщиной без имени...»	192
«Мы в первый раз летим с тобой в Нью-Йорк...»	193
Пока заря в душе восходит...	194
«В этот солнечный горестный час...»	195
«О благородство одиноких женщин!...»	196
Аварийное время любви	197
Анна	198
«Школьный зал...»	199
Из студенческих встреч	200
Размолвка	201
Женщина уходит из роддома	202
«Ничего у нас не выйдет...»	203
«Отцы, не оставляйте сыновей!...»	204
«В грустной музыке сентября...»	205
«Поздняя любовь...»	206
«Все должно когда-нибудь кончаться...»	207
«Наступил наш юбилейный год...»	208
Среди величавых красот Иудеи...	209

«Среди величавых красот Иудеи...»	209
«Рулю по библейским дорогам...»	211
«Со времен древнейших и поныне...»	212
«Моя Михайловская ссылка...»	213
Вечный город	214
«От Российской Голгофы...»	215
«Люблю подняться в Старый город...»	216
«Четвертый год живу среди иудеев...»	217
Поездка в ЦФАТ	218
«Здесь север так похож...»	219
«Нас с тобой венчал Иерусалим...»	220
«Из окна отеля “Хилтон”...»	221
День дерева	222
«Холмы, как опрокинутые чаши...»	223
Русские израильтяне	224
Гефсиманский сад	225
Галилейское море	226
«В Рождество Христово выпал снег...»	227
ВИА Долороза	228
Голгофа	229
Свеча от свечи	230
«На скалах растут оливы...»	231
«Мне снится вновь и не дает покоя...»	232
«На фоне гор и моря – пальмы...»	233
«И вновь февраль...»	234
Новогоднее	235
Арад	236
«Они хотели жить со всеми в мире...»	237
«Я в Израиле, как дома...»	238
Парад в Иерусалиме	239
Детский зал музея «Яд-Вашем»	240
«В Ашкелоне убили солдата...»	241
Парижская израильтянка	242
Лот и его жена	243
Мертвое море	244
«В Иерусалиме выпал русский снег...»	245
«В стране, что любим мы по-разному...»	246
В больнице Шаарей-Цедек	247
«Немало встречал я в Израиле лиц...»	248
Весенняя телеграмма	249
Прощание с Израилем	250
«Я все с тобой могу осилить...»	251
«Я иду по городу Давида...»	252
Вновь без тебя здесь началась весна	253
«Вновь без тебя здесь началась весна...»	253
Не дай вам Бог терять детей...	255
Я живу вне пространства...	256
«Что же ты, сын, наделал?..»	257
«Он тебе напоследок признался в любви...»	258

«Днем и ночью я тебя зову...»	259
«Остались фотографии...»	260
«Когда в сердцах нажал ты на курок...»	261
«Каждый день я помню о тебе...»	262
«Когда луна свой занимает пост...»	263
«Как же я не почувствовал...»	264
«Я молюсь о тебе в Иудейской стране...»	265
«Я живу, как в тяжелом сне...»	266
«Мне Героя Соцтруда...»	267
«Как я хотел бы в прошлое вернуться...»	268
«На Святую землю опустилась ночь...»	269
«Несправедливо мир устроен...»	270
«Мне очень тебя не хватает...»	271
«Сегодня ты приснился мне...»	272
«Третий год я на Святой земле...»	273
«Как много нас – людей одной судьбы...»	274
«Надо мне с тобой поговорить...»	275
«Я в память собираю по крупицам...»	276
«Пятый год как нет тебя со мною...»	277
«Я верил – на Святой земле...»	278
Мы скаковые лошади азарта...	279
Мы скаковые лошади азарта...	279
«У меня от хамства нет защиты...»	280
«Лишь рядом со смертью...»	281
«У нас в России власть не любят...»	282
«Вновь по небу скатилась звезда...»	283
«Я заново жизнь проживу...»	284
«Чтобы сердце минувшим не ранить...»	285
«Жизнь нуждается в милосердии...»	286
«Мамы, постаревшие до времени...»	287
«Наша жизнь немного стоит...»	288
«Печально и трепетно письма твои...»	289
«Нас разлучило с мамой утро...»	290
«Я к этой жизни непричастен...»	291
«Прихожу в твой опустевший дом...»	292
«Одни по воротам целят...»	293
«Уезжают мои земляки...»	294
«Если женщина исчезает...»	295
«На фоне бедности российской...»	296
«О, как порой природа опрометчива!..»	297
«Уже ничто от бед нас не спасает...»	298
«Неважно, кто старше из нас...»	299
«Я из этого времени выпал...»	300
«Какая-то неясная тревога...»	301
«Я эти стихи для тебя написал...»	302
«Московская элита...»	303
«Поэзия в опале...»	304
«Что же натворили мы с Природой?!..»	305
«Это вечная тема...»	306

«Живу в красотах пасмурного дня...»	307
«Ты верни, судьба, мне прежний голос...»	308
«Я забываюсь работой и музыкой...»	309
«Как на земле сейчас тревожно!..»	310
«Нам Эйнштейн все объяснил толково...»	311
«Богачам теперь у нас почет...»	312
«Если ты вдруг однажды уйдешь...»	313
«ТВ в России – нудный сериал...»	314
«Я стою у могилы Сергея Есенина...»	315
«Ты еще не можешь говорить...»	316
«Приватизировав экран...»	317
«Прошу прощенья у друзей...»	318
«Я с женщинами спорить не могу...»	319
«Пока мы боль чужую чувствуем...»	320
«Мы вновь летим в чужую благодать...»	321
«Три года мучений и счастья...»	322
«Не говорю тебе – “Прощай!”...»	323
«Не знаю, сколько мне судьба отмерит...»	324
«Я вспомнил Волгу возле Иордана...»	325
«Над горами легкая прохлада...»	326
«Мне в Россию пока нельзя...»	327
«Столько накопилось в мире зла...»	328
«Годы – как кочующие звезды...»	329
Мы – дети Пасмурного времени	330
«Мы – дети Пасмурного времени...»	330
«Я в равенство не верил никогда...»	332
«А Россия сейчас, как Голгофа...»	333
«Наше время ушло...»	335
Шестидесятники	336
«Ненадежные друзья...»	337
«Мне б научиться легко расставаться...»	338
«Запад развалил державу нашу...»	339
Гадание на книге	340
Вежливый чин	341
Вождь	342
Поэты и власть	343
«Никогда не читал анонимок...»	344
«С тех горячих дней «Норд Оста»...»	345
Черный лебедь	346
«Мне судьба не оставила шанса...»	347
«Как мне больно за российских женщин...»	348
«Отшумели выборы...»	349
«А в метро на переходах...»	350
«Разворована Россия...»	351
«Я отвык от России...»	352
Памяти Сергея Юшенкова	353
Лица кавказской национальности	354
Из прошлого	355
Чиновнику	356

Солдатские матери	357
Сторожа	358
«Президенты сменяют друг друга...»	359
«Мы все из XX века...»	360
Касты	361
«Сколько же вокруг нас бл-ва!..»	362
«Смерть всегда преждевременна...»	363
Я сбросил четверть века...	364
«Я сбросил четверть века...»	364
«Пока мои дочери молоды...»	366
«Нам жизнь дается напрокат...»	367
«Все придет, и все случится...»	368
«Я в зоне риска...»	369
Моим читателям	370
«Я к врагам теряю интерес...»	371
«Нелегко нам расставаться с прошлым...»	372
«Мы на Земле живем нелепо!..»	373
Предсказание	374
«Снова зажигаю в доме свечи...»	375
После нас	376
«Еще не спел я главной песни...»	377
«Я ничего и никому не должен...»	378
«Как весны меж собою схожи...»	379
«Кто на Западе не издан...»	380
«Мы меняемся с годами...»	381
«В том, что рядом твое крыло...»	382
«Куда бы ни вела меня дорога...»	383
Круговая порука	384
«Я друзьям посвящаю стихи...»	385
«Никогда ни о чем не жалейте вдогонку...»	386
«Я счастлив с тобой и спокоен...»	387

Андрей Дементьев Избранное

© А. Дементьев, 2012

© ООО «Издательство «Эксмо», 2012

* * *

От автора

Эту книгу я составлял не как «Избранное» в привычном его понимании, а как поэтический документ времени, в котором я жил и живу вместе со своими читателями – старыми и молодыми, вместе со страной, много перенесшей за эти годы. Стихи, написанные в далекие и уже ушедшие времена, дороги мне прежде всего потому, что они хранят атмосферу тех лет и наши общие настроения.

По моему глубокому убеждению, лирика тоже может быть гражданским свидетельством эпохи, отраженной через душу поэта, через его личные муки и радости, сомнения и надежды. Ныне стало модным отрицать или охаивать все, что происходило когда-то с нами. Особенно стараются те, кто не знает ни того времени, ни его промахов и взлетов, ни его потерь и завоеваний. К сожалению, необразованность многих «новых русских» и пришедших к власти бизнесменов смещает акценты духовности и культуры в сторону хлесткого китча, в область вседозволенной пошлости и примитива. Не случайно на отечественном телеэкране можно узреть передачу с провокационным названием «Пушкин безнадежно устарел» или выслушивать амбициозные выкрики о том, что Петр Первый погубил Россию. Кто действительно губит Россию, так это как раз те самые ниспровергатели великой российской культуры, которая оказалась им не по зубам, потому что в свои юные годы и позже они не прочли мудрых книг, что делают человека человеком, а не авоськой, набитой глупостью и высокомерием. Те же, кто сознательно провоцирует общественное мнение, зная истинную цену нашей истории и высоким завоеваниям искусства и литературы, ибо достаточно грамотны и начитанны, те совершают двойной грех перед страной, перед ее будущим и особенно перед молодежью, которая легко может принять провокацию за истину.

Сейчас, слава богу, многое меняется. Многолюдие в книжных магазинах, переполненные залы на поэтических вечерах, интерес к прошлому и неприятие насилия и порноликования на телеэкранах – всегда было и остается нравственной нормой интеллигентных граждан России. Хочу напомнить, что Великая Римская империя рухнула именно из-за пресыщенности. Разврат, жестокость и вседозволенность погубили ее будущее, ибо общество не может существовать на зловонных пустотах. Россия понемногу справляется с напастями, с отчаянием и гнетом денежных мешков, куда рыночные умельцы безуспешно хотели запихать всю страну, предварительно переплавив ее богатства в личные золотые слитки.

Но вернемся к поэзии и к этой книге, которую я представляю на ваш суд, дорогие читатели. Не могу не признаться, как мне радостно от того, что отечественная поэзия востребована в это непростое и противоречивое время. За последние два-три года тиражи и моих книг невероятно возросли. Вышло двадцать семь изданий общим тиражом более двухсот тысяч экземпляров. Только в советские времена, когда книготорговая сеть работала слаженно и результативно, а все любители поэзии имели *материальную* возможность покупать книги, был подобный спрос на стихи, какой ощущается сейчас. Видимо, люди устали от насилия, стрельбы, от детективных историй и сусальных сериалов. «Душа обязана трудиться и день и ночь...» – сказал великий русский интеллигент Николай Заболоцкий.

И этот труд, связанный с подлинной литературой и с ее самой таинственной и незащищенной областью – поэзией, – приносит не только радость, но и совершенствует человеческую натуру. В последние месяцы я написал много новых стихов, некоторую часть которых включил в эту книгу. И, хотя «Избранное» предполагает уже отмеченные временем произведения, я все-таки рискнул предложить вашему вниманию и новые стихи, ибо они о нашей жизни, которая в любом своем периоде всегда была для меня «избранной».

Андрей Дементьев

Я родился на Волге...

*Я родился на Волге,
Где в погожие дни
Нас баюкали волны
И будили они.*

«Я родился на Волге...»

Я родился на Волге,
Где в погожие дни

Нас баюкали волны
И будили они.
Я вставал на рассвете,
Лодку брал и – айда!
Только Волга да ветер,
Может, знали куда.

Выходил, где хотелось.
Шел созвездьями трав.
Падал в мяту и вереск,
От восторга устав.
Слушал утренний гомон
И вечернюю тишь.
Лес глядел в сотни окон
Из-под зелени крыш.
Я любил его очень
За приветливый нрав,
За бессонницу сосен
И безмолвие трав.

...С той поры миновало
Столько лет, столько зим.
Как ни в чем не бывало,
Мы встречаемся с ним.
Он по-майски наряжен,
Что гостям по душе.
И стучит тот же дятел
На своем этаже.
Узнаю эти тропы,
Тихий шепот осин,
И стволы высшей пробы,
И бездонную синь.

1964–2004

«Военное детство. Простуженный класс...»

Военное детство. Простуженный класс.
Уроки негромкие, словно поминки.
И булочки с чаем, как праздник для нас
И довоенные в книгах картинки.

Никто не прогуливал школу в тот год.
За это директор души в нас не чаял.
Мы были прилежны от горьких невзгод
Да, может, от булочек с жиденьким чаем.

Весной мы ходили копать огород,
Картошку сажали на школьном участке,
Чтоб как-то от голода выжить в тот год.
Но стали налеты на город все чаще.

Военное детство – потери и боль.
Уроки терпенья, уроки надежды.
Разрушенный бомбой забытый собор.
Примерка на вырост отцовской одежды.

И первая смерть... Брат погиб под Орлом.
И первые слезы, и пропуск уроков.
Но горе осилил наш старенький дом,
Когда постучались ребята к нам робко.
И робко расселись – среди фото и слов...
Да только ничто не исправишь словами.
И выложил класс из бумажных кульков
Заветные булочки плачущей маме...

2004

Волга

А я без Волги просто не могу.
Как хорошо малиновою ранью
Прийти и посидеть на берегу,
И помолчать вблизи ее молчанья.

Она меня радушно принимает.
С чем ни приду – с обидой иль бедой.
И все она, наверно, понимает,
Коль грусть моя уносится с водой.

Как будто бы расслабленная ленью,
Течет река без шума и волны.
Но я-то знаю, сколько в ней волненья
И сколько сил в глубинах тишины.

Она своих трудов не замечает.
Суда качает и ломает лед.
И ничего зазря не обещает.
И ничего легко не отдает...

1966

«Мне приснился мой старший брат...»

Мне приснился мой старший брат,
Что с войны не пришел назад.
Мне приснилось, что он вернулся –

Невредимый и молодой.
Маме радостно улыбнулся:
– Я проездом... А завтра в бой. –

Мать уткнулась ему в ладони...
– Что ты, мама! Ну, как вы здесь? –
По глазам угадав, что в доме
Хлеба нету, да горе есть.

– Угостить тебя даже нечем.
Если б знать – я сменяла б шаль... –
– Что ты! Разве я шел за этим?! –
– Не за этим... А все же жаль,
Что вот так я встречаю сына. –

Брат достал фронтовой паек,
На две равные половины
Поделил он его, как мог.
– Это вам... –
И, взглянув на брата,
Я набросился на еду.
– А теперь мне пора обратно.
А теперь я ТУДА пойду.
Завтра утром нам всем в атаку.
В ту, последнюю для меня... –

И тогда я во сне заплакал,
Не укрыв его от огня.

1960

«Я помню первый день войны...»

Я помню первый день войны...
И страх, и лай зениток.
И об отце скупые сны –
Живом, а не убитом.

Война ворвалась стоном – «Жди...»
В бессонницу солдаток.
Еще все было впереди –
И горе, и расплата.

А ныне добрая земля
Покрыта обелисками.
Война кончалась для меня
Слезами материнскими.

И возвращением отца.
И первым сытным ужином...

Но до сих пор ей нет конца
В душе моей контуженой.

1965

Утро победы в калинине

Весть о Победе разнеслась мгновенно...
Среди улыбок, радости и слез
Оркестр Академии военной
Ее по шумным улицам понес.

И мы, мальчишки, ринулись за ним –
Босое войско в одежонке драной.
Плыла труба на солнце, словно нимб,
Над головой седого оркестранта.

Гремел по переулкам марш победный,
И город от волнения обмирал.
И даже Колька, озорник отпетый,
В то утро никого не задира.

Мы шли по улицам, родным и бедным,
Как на вокзал,
Чтобы отцов встречать.
И свет скользил по нашим лицам бледным.
И чья-то громко зарыдала мать.

А Колька, друг мой,
Радостно и робко
Проходим улыбался во весь рот,
Не зная, что назавтра похоронка
С войны минувшей на отца придет.

1973

Баллада о матери

Постарела мать за двадцать лет.
А вестей от сына нет и нет.

Но она все продолжает ждать.
Потому что верит. Потому что мать.

И на что надеется она?
Много лет, как кончилась война.

Много лет, как все пришли назад.
Кроме мертвых, что в земле лежат.

Сколько их в то дальнее село,
Мальчиков безусых, не пришло.

Раз в село прислали по весне
Фильм документальный о войне.

Все пришли в кино – и стар, и мал.
Кто познал войну и кто не знал.

Перед горькой памятью людской
Разливалась ненависть рекой.

Трудно было это вспоминать.
Вдруг с экрана сын взглянул на мать.
Мать узнала сына в тот же миг.
И пронесся материнский крик:

– Алексей, Алешенька! Сынок... –
Словно сын ее услышать мог.

Он рванулся из траншеи в бой.
Встала мать прикрыть его собой.

Все боялась – вдруг он упадет.
Но сквозь годы мчался сын вперед.

– Алексей! – кричали земляки. –
– Алексей, – просили, – добеги...

Кадр сменился. Сын остался жить.
Просит мать о сыне повторить.

И опять в атаку он бежит.

Жив-здоров, не ранен, не убит.

Дома все ей чудилось кино.
Все ждала – вот-вот сейчас в окно

Посреди тревожной тишины
Постучится сын ее с войны.

1966

«Люблю пейзаж проселочных дорог...»

Люблю пейзаж проселочных дорог
С их живописными изгибами,
С белесой пылью из-под ног...

Как жаль – всему приходит срок –
Проселки под асфальтом сгнули.

Но если вдруг в чужой стране
Я натываюсь на проселок,
Вновь возвращается ко мне
Былая память дней веселых –
С тверской рыбалкой поутру,
Но чаще все ж – с грибным скитаньем.
И с благодарностью костру,
Когда гроза в лесу застанет...

Люблю пейзаж проселочных дорог.
Как жаль – всему отпущен срок.

1999

Мой хлеб

Тверской областной библиотеке имени А. М. Горького

Я с книгой породнился в дни войны.
О, как же было то родство печально!
Стянув потуже батькины штаны,
Я убежал от голода
В читальню.

Читальня помещалась в старом доме.
В ту пору был он вечерами слеп...
Знакомая усталая мадонна
Снимала с полки книгу,
Словно хлеб.

И подавала мне ее с улыбкой.
И, видно, этим счастлива была.
А я настороженною улиткой
Прилаживался к краешку стола.

И серый зал
С печальными огнями
Вмиг уплывал...
И всё казалось сном.
Хотя мне книги хлеб не заменяли,
Но помогали забывать о нем.
Мне встречи те
Запомнятся надолго...
И ныне –
В дни успехов иль невзгод –
Я снова здесь,
И юная мадонна
Насущный хлеб
Мне с полки подает.

1965

«Когда я долго дома не бываю...»

Когда я долго дома не бываю,
То снится мне один и тот же сон:
Я в доме нашем ставни открываю,
Хотя давно живет без ставен он.

Но всё равно я открываю ставни,
Распахиваю окна на рассвет.
Потом, во сне же, по привычке давней
Я рву жасмин и в дом несу букет.

Отец не доверяет мне жасмина
И ветви все подравнивает сам.
И входит мама.
Говорит: «Как мило...»,
Цветы подносит к радостным глазам.

А после ставит тот букет пахучий
В кувшин, который я давно разбил.
И просыпаюсь я на всякий случай,
Поскольку раз уже наказан был.

И всё меня в то утро беспокоит,
Спешат тревоги вновь со всех сторон.
И успокоить может только поезд,
Что много раз разгадывал мой сон.

1977

Торжокские золотошвей

Смотрела крепостная мастерица
На вышитую родину свою...
То ль серебро, то ль золото искрится,
То ли струятся слезы по шитью.

И лишь ночами вспоминала грустно,
Что жизнь ее ни в чем не берегла...
Откуда же пришло твое искусство?
Чьим колдовством помечена игла?

А было так... Проснувшись на печи,
Она по-детски улыбнулась солнцу,
Когда сквозь закопченное оконце
Пробились к ней весенние лучи.

Как нити золотые – всю избу
Они прошили радостным узором.
Она смотрела воскрешенным взором
И утро принимала за судьбу.

Все в ней дрожало, волновалось, пело.
И белый свет – как россыпи огней.
Она к оконцу оглушенно села...
И вот тогда пришло искусство к ней.
Пришло от солнца, от любви...
Оттуда,
Где ей открылась бездна красоты.
Она в иголку вдела это чудо,
Ниспосланное Небом с высоты.

И не было на ярмарке товара
Искусней, чем торжокское шитье.
Она надежду людям вышивала,
И слезы, и отчаянье свое...

1996

«Срывают отчий дом...»

Срывают отчий дом.
Как будто душу рушат.
Всё прошлое – на слом.
Прощаемся с минувшим.

Прощаемся с собой.
Ведь столько лет послушно,
Как маленький собор,
Хранил он наши души!

Всю жизнь мы жили в нем,
Беду и радость знали.
Охвачены огнем
Мои воспоминанья.

Как жаль, что довелось
Дожить до дня такого...
Отец не прячет слез.
Застряло в горле слово.

И дом в последний раз
Глядит на всех незряче.
То ли жалеет нас,
То ль о минувшем плачет.

1982

Отец

Отец мой сдает.
И тревожная старость
Уже начинает справлять торжество.
От силы былой так немного осталось.

Я с грустью смотрю на отца своего.

И прячу печаль, и смеюсь беззаботно,
Стараясь внезапно не выдать себя...
Он, словно поняв, поднимается бодро,
Как позднее солнце в конце октября.

Мы долгие годы в разлуке с ним были.
Пытались друг друга понять до конца.
Года, как тяжелые камни, побили
Веселое, доброе сердце отца.

Когда он идет по знакомой дороге,
И я выхожу, чтобы встретить его,
То сердце сжимается в поздней тревоге.

Уйдет...

И уже впереди никого.

1975

«В актовом зале литинститута...»

*От студенческих общежитий до бессмертья – рукой подать.
М. Светлов*

В актовом зале литинститута
Мы сдаем экзамены на самих себя.
Винокуров Женя, как юный Будда,
В кресле притих, листки теребя.

Здесь вся будущая литература –
Трифонов, Друнина, Соколов...
Смотрят классики то светло, то хмуро
На тех, кто их потеснить готов.

Мы получим с годами свои литпремии
За книги, за искренность и войну.
И останемся в том героическом времени,
Которое нам поставят в вину.

2003

«Нас остается все меньше...»

Нас остается все меньше –
Сверстников прошлых побед.
С фронта со славой пришедших
В будни надежды и бед.

Нас остается все меньше –
Сверстников давних невзгод.
Добрых, выносливых женщин,
Живших в нужде на измот.

Мы ни о чем не жалеем.
Мы – поколение войны.
Над клеветой и елеем
Судьбы вознесены.

Чтобы доверьем минувшим
Не обманули страну,
Наши солдатские души
Снова идут на войну.

2004

Тверской пейзаж

Я люблю апрельские рассветы.
Над округой – праздник тишины.
Старый дуб навесил эполеты
И река полна голубизны.

Здравствуй, день!
Побудь еще со мною.
Воздух льется в душу, как бальзам.
Этот свет и волшебство лесное
Расплескались по твоим глазам.

Скоро вновь сирень раскроет завязь
И поднимет голубой букет.
Я опять тебе в любви признаюсь,
Словно не промчалось столько лет.

Словно я тебя вчера увидел,
Увидал нежданно в первый раз.
Ты надела свой весенний свитер
Цвета неба, цвета грустных глаз.

Ты сейчас, как девочка, прелестна
В искренней наивности своей.
Лес расставил на поляне кресла –
Модную округлость тополей.
Я люблю апрельские рассветы.
Я люблю их – если рядом ты.
Тих наш лес, как в кризисе поэты.
И красив, как в праздники менты.

2003

Калязинская колокольня

Калязинская колокольня
Стоит причудливо в реке.
И всякий раз я жду невольно –
Зайдется колокол в тоске.

А по ночам над тихой Волгой
Восходит музыка ее.
И принимают молча волны
Тот звон в безмолвие свое.

Вновь оживает колокольня.
И слышу я в тиши ночной,
Что кто-то радостью и болью
Тревожно делится со мной.

В протяжном гуле колокольни
Мне слышен зов былых веков:
И песня пахаря на поле,
И стон идущих бурлаков.

1973

Хлеб

Трудно родится хлеб.
Трудно хлеб достается.
Тот, кто душою слеп,
Может быть, усмехнется.

И похохмит над тем,
Как я, с достатком в доме,
Хлеб суеверно ем,
Крошки собрав в ладони.

Это живет во мне
Память о той войне...

Горькие времена!
Худенький мальчик, где ж ты?
В сутки – лишь горсть зерна,
Триста граммов надежды.

Бабушка нам пекла
Хлеб из скупой мучицы.
Жизнь,
Что давно прошла,
В сердце мое стучится.

Хлеб нас от смерти спас.
Он и сейчас бессмертен...
Всё настоящее в нас
Этою мерой мерьте.

1982

«Где-то около Бреста...»

Где-то около Бреста
Вдруг вошла к нам в вагон
Невеселая песня
Военных времен.

Шла она по проходу –
И тиха, и грустна.
Сколько было народу, –
Всех смутила она.

Подняла с полок женщин.
Растревожила сны.
Вспомнив всех не пришедших
С той последней войны.

Как беде своей давней,
Мы смотрели ей вслед.
И пылали слова в ней,
Как июньский рассвет.

Песня вновь воскрешала
То, что было давно.
Что ни старым, ни малым
Позабыть не дано.

И прощалась поклоном.
Затихала вдали.
А сердца по вагонам
Все за песнею шли.

1963

Дочь

Новый год стучался веткой ели
В дом, где тяжело заболела дочь.
Мы с тобой уже какую ночь
Не отходим от ее постели.

А в углу игрушки в полном сборе
Тихо ждут Маринкиных забав.
Девочка, уставшая от боли,
Жарко спит, ручонки разбросав.

В этот миг нет ничего дороже
Повзрослевших, молчаливых глаз.
Доктор утешает нас как может,
И в душе тревожится за нас.

А когда болезнь вдруг уступила,
Дочка этой радости в ответ
Так нам улыбнулась через силу,
Словно мы не виделись сто лет.

Поманила нас к себе неслышно.
Я присел неловко на кровать...
Мама встала и на кухню вышла,
Чтобы дочке слез не показать.

1955

«Я возвращаюсь улицей детства...»

Я возвращаюсь улицей детства
В город по имени Тверь.
И вершится в душе моей действо,
Чтоб в былое открылась дверь.

– Здравствуй, мама! Как ты красива –
Ни морщинок, ни седины... –
И глядит на меня Россия
Фотографией со стены.

Это я подарил когда-то
Свой наивный тверской пейзаж.
Мать торопится виновато
Стол украсить на праздник наш.

Батя режет тугое сало.
Белое, как за окном мороз.
– Баба Сима тебе прислала,
Чтоб здоровым и сильным рос. –

На столе довоенный чайник
И крахмальная белизна...

Как мне горестно и печально
Сознавать нереальность сна.

2002

Русь

Я – русский.
Я из той породы,
Чья кровь смешалась
С небом и травой.
Чьи прадеды в зеленый храм
Природы
Входили с непокрытой головой.

И молча били низкие поклоны
Клочку земли –
В страду и в недород.
Им Русь казалась горькой и соленой,
Как слезы жен
Или над бровью пот.

Всё помнит Русь –
И звоны стрел каленых,
И отсветы пожаров на снегу...
Мы входим в жизнь
Открыто и влюбленно.
Уйдем –
Оставшись перед ней в долгу.

1959

СЫНОВЬЯ

Наивные акселераты,
Смешные наши малыши!
Они, наверно, втайне рады,
Что батек в росте обошли.

Мы были в их года пожиже –
Война, разруха, недород.
Тогда нам впору было б выжить
От тех харчей, от тех невзгод.

Смотрю на сына – и пугаюсь:
Что ждет их в этом мире гроз?
Он так доверчив, словно аист,
Что нам с тобой его принес.

1983

«Ты ставишь на видное место цветы...»

Ты ставишь на видное место цветы,
Но что-то мне грустно от их красоты.
Как будто ты их принесла из былого,
Из юности нашей, из той суеты,
Где было все радостно и бестолково.

Нам было тогда на двоих сорок лет.
А может быть, меньше чуть-чуть,
Я не помню.
...Мой поезд пришел из Твери
Только в полночь.
И первое, что я увидел, – букет.
Веселый, огромный – из белых гвоздик.
И так тебе шло это белое пламя,
Что даже перрон от восторга затих...

...А кончилось все,
Словно в чеховской драме –
Расстались влюбленные,
Вырублен сад...
Когда я смотрю на гвоздики чужие,
Я вижу сквозь них
Твой восторженный взгляд.
И думаю –
Как же красиво мы жили!

2002

«Я – в гостинице...»

Я – в гостинице.
А за окнами
По-осеннему грустный вид.
Бродит осень лугами мокрыми,
Заморозить их норовит.

Я печально смотрю на берег,
На крутой его поворот.
Словно где-то мой дом затерян.
И всё ждет он меня.
Всё ждет.

Словно юность моя осталась
На холодном на волжском дне.
И спокойная,
Будто старость,
Волга зябко течет по мне.

1956

Черный ворон

Этот зловеющий фургон, прозванный в народе «черным вороном», однажды остановился у нашего дома и увез моего отца.

Старели женщины до срока,
Когда в ночи
Он отъезжал от темных окон
И угрожал: «МОЛЧИ...»

И мы молчали, друзей стыдились,
Хотя не знали их вины.
А где-то стреляные гильзы
Им счет вели.

О «черный ворон», «черный ворон»!
Ты был внезапен, как испуг.
И просыпался целый город
На каждый стук.

Не видя слёз, забыв про жалость,
Свой суд творя,
Ты уезжал... Но оставалась,
Но оставалась тень твоя.

На доме том, где ночью побыл,
На чистом имени жены
Того, чей час нежданно пробил,
Час не дождавшейся вины.

На снах детей, на тыщах судеб,
На всей стране.
Как трудно было честным людям
Жить с тенью той наедине!

И закрывались глухо двери
Перед добром.
И люди разучились верить
Сперва себе. Ему – потом.

О «черный ворон», «черный ворон»!
Будь проклят ты!
Сейчас ты – лишь бумаги ворох
Да безымянные кресты.

Да память горькая, да слезы,
Да имена друзей.

Проехали твои колеса
По сердцу Родины моей.

1962

Дочери

У нас одинаковые глаза,
Только твои синее.
У нас одинаковые глаза,
Только мои грустнее.
У нас одинаковые глаза.
И разные адреса.

И разные по утрам рассветы
В моем окне,
На твоём этаже.
И разные радости и секреты
В сердце твоём
И в моей душе.

Через беды,
Через разлуки
Провожает тебя мой страх.
Слышишь сердце?
Ты –
В этом стуке.
Видишь слёзы?
Ты –
В тех слезах.

И приходят ко мне твои письма,
Как в горло приходит ком...
Словно ты на руках у меня повисла,
Прибежав из разлуки в дом.
– Здравствуй! –
Строчки прыгают вверх и вниз.
– Здравствуй!

И продолжается жизнь...

1966

«Мне кажется, что всё ещё вернется...»

Мне кажется, что всё ещё вернется,
Хотя уже полжизни позади.
А память нет да нет и обернется,
Как будто знает в прошлое пути.

Мне кажется, что всё ещё вернется
И чуда я когда-нибудь дождусь...
Погибший брат на карточке смеется,
А брату я уже в отцы гожусь.

Мне кажется, что всё ещё вернется, –
Как снова быть июню, январю.
Смотрю в былое, как на дно колодца.
А может быть, в грядущее смотрю?

Мне кажется, что всё ещё вернется.
Что время – просто некая игра.
Оно числом заветным обернется,
И жизнь начнется заново с утра.

Но возвратиться прошлое не может.
Не потому ль мы так к нему добры?
И каждый день, что пережит иль прожит,
Уже навек выходит из игры.

1975

«Под Новый год, когда зажглась звезда...»

Под Новый год, когда зажглась звезда
На елке, что мы украшали вместе,
Я упросил отца купить дрозда,
Пусть до весны поет он в доме песни.

И в тот же день отец дрозда принес.
И стало как-то веселее в доме.
Как брали летом мы птенцов из гнезд,
Так взял дрозда я в теплые ладони.

И дрозд нам пел, как будто тоже знал,
Что он свободу обретет весною.
И только кот, настырный, как шакал,
Был недоволен – и дроздом, и мною.

Прошла зима... Последний спал мороз.
Настало время с птицей расставаться.
Я вынес клетку... И веселый дрозд
Вдруг почему-то начал волноваться.

В прихожей было, как всегда, темно.
Пылала печь и освещала своды.
И дрозд решил, что этот свет – окно,
И что за ним желанная свобода.
Влетел он в пламя, словно в небеса.
И я от ужаса и боли замер.
Отец ладонью мне утер глаза.
И молча бросил клетку в то же пламя.

1998

«Как все на свете мамы – перед сном...»

Как все на свете мамы – перед сном
Она мне пела простенькие песни.
И наполнялся музыкаю дом,
И папа замирал над книгой в кресле.

И, засыпая, я их обнимал...
Но оставаясь в материнской власти,
Наверно, я тогда не понимал,
Что с этих песен начиналось счастье.

Любили с ней мы посидеть впотьмах,
Когда она рассказывала сказки.
И столько было нежности в словах,
Что страхи все я слушал без опаски.

Прошли года... Теперь вот я сажу
У заболевшей мамы в изголовье.
И мелочами Бога не сержу.
Молю ей жизни и чуть-чуть здоровья.

Но Бог не услышал моих молитв.
Остались только траурные звуки.
И жизнь ее теперь во мне болит,
Та жизнь, что прожита была в разлуке.

1998

«Ничего не вернешь...»

Ничего не вернешь...
Даже малого слова.
Ни ошибок,
Ни радости,
Ни обид.
Только кто-то окликнет меня
Из бывшего –
И душа замирает,
И сердце болит.

Мы когда-то о жизни своей загадали,
Да сгорели ромашки на прошлой войне.
Не мелели бы души,
Как речки, с годами.
Я хотел бы остаться на той глубине.

Ничего не вернешь...
Оттого все дороже
Переменчивый мир.
И морозы, и зной.
Мы судьбою не схожи,
Да памятью схожи.
А поэтому вы погрузите со мной.

1975

Памяти мамы

Повидаться лишний раз
Было некогда.
Я теперь спешить горазд,
Только некуда.

Было некогда, стало некуда.
Если можешь, то прости...
Все мы дети суеты,
Ее рекруты.

Прихожу в твой дом пустой.
Грустно в нем и тихо.
Ставлю рюмочки на стол
И кладу гвоздики.

Сколько праздников с тобой
Мы не встретили.
А теперь лишь я да боль.
Нету третьего.

Посажу и помяну
Одиноко.
Ты услышь мою вину,
Ради бога...

1998

«Чужому успеху завидовать грех...»

«Чужому успеху завидовать грех...» –
Когда-то мне дед говорил.
Прекрасная песня –
Ведь это для всех.
Спасибо тому, кто ее подарил.

Чужая удача вам сил не придаст,
Коль зависть вам душу горчит.
И чей-то успех не обрадует вас.
Простите, скорее он вас огорчит.

Написан роман. Установлен рекорд.
Неважно, что автор не ты.
Над залом звучит гениальный аккорд.
Он ждет и твоей доброты.

1982

«– Ну что ты плачешь, медсестра?..»

Б. Н. Полевому

– Ну что ты плачешь, медсестра?
Уже пора забыть комбата...
– Не знаю...
Может, и пора. –
И улыбнулась виновато.

Среди веселья и печали
И этих праздничных огней
Сидят в кафе однополчане
В гостях у памяти своей.

Их стол стоит чуть-чуть в сторонке,
И, от всего отрешены,
Они поют в углу негромко
То, что певали в дни войны.

Потом встают, подняв стаканы,
И молча пьют за тех солдат,
Что на Руси
И в разных странах
Под обелисками лежат.

А рядом праздник отмечали
Их дети –
Внуки иль сыны,
Среди веселья и печали
Совсем не знавшие войны.
И кто-то молвил глуховато,
Как будто был в чем виноват:
– Вон там в углу сидят солдаты –
Давайте выпьем за солдат...

Все с мест мгновенно повскакали,
К столу затихшему пошли –
И о гвардейские стаканы
Звенела юность от души.

А после в круг входили парами.
Но, возымев над всеми власть,
Гостей поразбросала «барыня»,
И тут же пляска началась.

И медсестру какой-то парень

Вприсядку весело повел.
Он лихо по полу ударил,
И загудел в восторге пол.

Вот медсестра уже напротив
Выводит дробный перестук.
И, двадцать пять годочков сбросив,
Она рванулась в тесный круг.

Ей показалось на мгновенье,
Что где-то виделись они:
То ль вместе шли из окруженья
В те злые памятные дни,

То ль, раненого, с поля боя
Его тащила на себе.
Но парень был моложе вдвое,
Пока чужой в ее судьбе.
Смешалось всё –
Улыбки, краски,
И молодость, и седина.
Нет ничего прекрасней пляски,
Когда от радости она.

Плясали бывшие солдаты,
Нежданно встретившись в пути
С солдатами семидесятых,
Еще мальчишками почти.

Плясали так они, как будто
Вот-вот закончилась война.
Как будто лишь одну минуту
Стоит над миром тишина.

1972

Сыну

Я помню, как мне в детстве
Хотелось быть взрослей...
Сейчас – куда бы деться
От взрослости своей.

Не стоит торопиться
Да забегать вперед.
И что должно случиться,
Тому придет черед.

Придет пора влюбиться,
Пора – сойти с ума.
Вернулись с юга птицы,
А здесь еще зима.

Вернулись с юга птицы,
Да не спешит весна.
Не стоит торопиться,
Ведь жизнь у всех одна.

1985

«Идут дожди, идут дожди...»

Идут дожди, идут дожди
Который день подряд.
Не видно брода впереди.
И нет пути назад.

Кругом вода, вода, вода...
Вода со всей земли.
Все реки хлынули сюда.
И все моря пришли.

Дорогу к черту развезло.
И кажется впотьмах –
Навстречу нам плывет село,
Как пароход в огнях.

Нам до него чуть-чуть совсем.
Но, выбившись из сил,
Наш «газик» встал –
И глух, и нем.
И фары погасил.

А мы безжалостны к нему.
И вновь мотор дрожит.
И свет ощупывает тьму,
Вода с колес бежит.
Шофер кричит: «Давай еще!»
А я совсем промок.
И «газик», чувствуя плечо,
Вдруг делает рывок.

А ливень бьется о стекло.
И ночь – как чернозем.
А мы спешим... Мы в то село
Хороший фильм везем.

И, может быть, мы б не смогли
Осилить тех дорог...
Но мы «Чапаева» везли.
И мы добрались в срок.

1958

«Я разных людей встречал...»

Я разных людей встречал –
Лукавых, смешных и добрых.
Крутых, как девятый вал.
И вспылчивых, словно порох.

Одни – как чужая речь.
Другие открыты настежь.
О, сколько же было встреч
И с бедами, и со счастьем.

То надолго, то на миг...
Все в сердце моем осталось.
Одни – это целый мир.
Иные – такая малость

Пусть встречи порой напасть.
Со всеми хочу встречаться:
Чтоб вдруг до одних не пасть
И до других подняться.

1960

«Трамвай через шумный город...»

Трамвай через шумный город
Вез свой обычный гам,
Дождя голубые шторы
Раздвинув по сторонам.

Луч солнца, блеснув из мрака,
На окнах его потух.
Бежала за ним собака
Во весь свой собачий дух.

На сутолочных остановках,
Передохнув чуток,
Карабкалась в дверь неловко,
Путалась между ног.

Но люди спешили мимо.
И трогался вновь трамвай.
И в окна тогда заливно
Стучался собачий лай.

А люди дивились в окна,
Жалели ее к тому ж.
Бежала она, измокнув,
По серому морю луж.
Бежала... А тут же рядом
Плыл человек у окна.
Усталая, влажным взглядом
Взглянула туда она.

Взглянула в крутой загрибок.
Плеча равнодушный край.
И кинулась торопливо
Вновь догонять трамвай.

1958

«Я хотел бы вернуться в юность...»

Я хотел бы вернуться в юность.
Не в журнал... А в те годы,
Где от бед спасал нас юмор,
Не утративший стыда.

Я хотел бы вернуться в юность,
В беззаботность и восторг,
Где не надо было думать,
Что годам отмерен срок.

И где все должно случиться –
В отчем доме иль вдали.
И где мамы, как тигрицы,
В нас наивность берегли.

Я б в азарт хотел вернуться.
В ту романтику дворов,
Где была лишь пара бутцев
На ораву мастеров.

Где девчонки на скамейках
Так болели за футбол,
Что попробуй не забей-ка!
Засмеет прекрасный пол.
Мне бы вновь вернуться в юность...
Впрочем, я не уходил,

Коль на небе та же лунность,
В майских грезах – тот же пыл.

Так же мальчишки на поле
Мяч гоняют поутру...

Я включаюсь поневоле
В эту вечную игру.

2004

Жизнь моя – то долги, то потери...

*Жизнь моя – то долги, то потери...
Сколько я задолжал доброты
Тем, кто в дружбе мне искренне верил,
Наводил меж сердцами мосты.*

«Жизнь моя – то долги, то потери...»

Жизнь моя – то долги, то потери...
Сколько я задолжал доброты

Тем, кто в дружбе мне искренне верил,
Наводил меж сердцами мосты.

Задолжал я сыновнюю нежность
Землякам на тверском берегу.
Пусть услышат мою безутешность
Все, пред кем я остался в долгу.

Я остался в долгу перед мамой,
Ожидавшей меня из разлук...
Наши встречи – как телеграммы.
Суета очертила свой круг.

Словно все мы расписаны свыше.
На счету каждый миг, каждый час.
Не успели войти – уже вышли...
Будто кто-то преследует нас.

Жизнь моя – то долги, то потери.
Близкий друг оборвал волшебство.
И оплакал неистовый Терек
Гениальные строки его.
Жизнь моя – то долги, то потери.
И теряются годы и дни.
Но душа – как заброшенный терем,
Где мы вновь остаемся одни.

Мне легко от таких одиночеств.
Мне светло от улыбки твоей.
Пусть судьба нам потерь не пророчит,
Чтоб долги возвратил я скорей.

2004

«Как важно вовремя успеть...»

Как важно вовремя успеть
Сказать кому-то слово доброе.
Чтоб от волненья сердце дрогнуло.
Ведь все порушить может смерть.

Но забываем мы подчас
Исполнить чью-то просьбу вовремя.
Не замечая, как обида кровная
Незримо отчуждает нас.

И запоздалая вина
Потом терзает наши души.
Всего-то надо – научиться слушать
Того, чья жизнь обнажена.

2001

«Не замечаем, как уходят годы...»

Не замечаем, как уходят годы.
Спыхватимся, когда они пройдут.
И все свои ошибки и невзгоды
Выносим мы на запоздалый суд.

И говорим: «Когда б не то да это,
Иначе жизнь мы прожили б свою...»
Но призывает совесть нас к ответу
В начале жизни, а не на краю.

Живите так, как будто наступает
Тот самый главный, самый строгий суд.
Живите, – словно дарите на память
Вы жизнь свою
Тем,
Что потом придут.

1974

«Как руки у Вас красивы!..»

Как руки у Вас красивы!
Редкостной белизны.
С врагами они пугливы.
С друзьями они нежны.

Вы холите их любовно,
Меняете цвет ногтей.
А я почему-то вспомнил
Руки мамы моей.

Упрека я Вам не сделаю.
Вроде бы не ко дню.
Но руки те огрубелые
С Вашими не сравню.

Теперь они некрасивы
И, словно земля, темны.
Красу они всю России
Отдали в дни войны.

Все делали – не просили
Ни платы и ни наград.
Как руки у Вас красивы!
Как руки мамы дрожат...

1965

«Когда я возвращаюсь в Тверь...»

А. П. Белоусову

Когда я возвращаюсь в Тверь,
Где столько пережил и прожил,
Мне кажется – я открываю дверь,
Чтоб оказаться снова в прошлом.

Пройду по улице родной,
Где отчий дом давно разрушен.
И Волга чистою волной
Омоет память мне и душу.

И, наложив на грусть запрет,
С друзьями давними побуду,
И вдруг ступлю на старый след,
И возвращусь в былое чудо.

Когда я приезжаю в Тверь,
Душа моя восторгом полнится.
И всё – от дружбы до потерь –
Живет во мне, болит и помнится.

1998

Россия

Сергею Баруздину

Нас в детстве ветры по Земле носили.
Я слушал лес и обнимал траву,
Еще не зная, что зовут Россией
Тот синий мир, в котором я живу.

Россия начиналась у порога
И в сердце продолжается моим.
Она была и полем, и дорогой,
И радугой, склоненной над селом.

И быстрой речкой, что вдали бежала
И о которой думал я тогда,
Что тушит в небе зарево пожара
Ее неудержимая вода.

Рассветом в сердце пролилась Россия.
Не оттого ли и моя любовь
Так неразлучна с ливнями косыми,
С разливом трав и запахом хлебов?

И мне казалось – нету ей предела...
А по весне я видел наяву:
Под парусами наших яблонь белых
Россия уплывала в синеву.
Прошли года. Объездил я полсвета.
Бывал в краях и близких, и чужих,
Где о России знают по ракетам
Да по могилам сверстников моих.

И я поверил – нету ей предела!
И чья бы ни встречала нас страна –
Россия всюду, что ты с ней ни делай,
В сердцах людей раскинулась она.

1958

«Стихи читают молодые...»

Стихи читают молодые...
И в поездах, летящих в полночь,
И у костра – в заре и в дыме.
Стихи читают молодые,
Чтоб душу радостью наполнить.

И я боюсь, когда пишу.
Я на костры в ночи гляжу.
Слежу за теми поездами,
Что где-то спорят с темнотой.
И, как на первое свиданье,
Иду я к молодости той.

Несу всё лучшее на свете –
Тепло друзей, любовь и грусть.
И всё боюсь ее не встретить.
И встречи каждый раз боюсь.

1959

«Я живу открыто...»

Р. Щедрицу

Я живу открыто,
Не хитрю с друзьями.
Для чужой обиды
Не бываю занят.

От чужого горя
В вежливость не прячусь.
С дураком не спорю,
В дураках не значусь.

В скольких бедах выжил,
В скольких дружбах умер!
От льстецов да выжиг
Охраняет юмор.

Против всех напастей
Есть одна защита:
Дом и душу настезь...
Я живу открыто.

В дружбе, в буднях быта
Завистью не болен.
Я живу открыто,
Как мишень на поле.

1982

«Отец, расскажи мне о прошлой войне...»

Отец, расскажи мне о прошлой войне.
Прости, что прошу тебя снова и снова.
Я знаю по ранней твоей седине,
Как юность твоя начиналась сурово.

Отец, расскажи мне о друге своем.
Мы с ним уже больше не встретимся в мае.
Я помню, как пели вы с другом вдвоем
Военные песни притихнувшей маме.

Отец, я их знаю давно наизусть,
Те песни, что стали твоею судьбою.
И, если тебе в подголоски гожусь,
Давай мы споем эти песни с тобою.

Отец, подели со мной память и грусть,
Как тихие радости с нами ты делишь.
Позволь, в День Победы я рядом пройдусь,
Когда ордена ты, волнуясь, наденешь.

1975

«Не могу уйти из прошлого...»

Не могу уйти из прошлого,
Разорвать живую нить...
Все, что было там хорошего,
Мне б хотелось повторить:

Возвратить отца бы с матерью,
Вместе с молодостью их,
В дом,
Где стол с крахмальной скатертью
Собирал друзей моих.

И вернуть бы из трагедии
Сына в радостные дни,
Где мы с ним футболом бредили,
Жгли бенгальские огни.

Где дожди сменяли радуги
И года сквозь нас неслись.
Где на счастье звёзды падали...
Да приметы не сбылись.

2001

Из биографии

В тот день меня в партию приняли.
В тот день исключали из партии
Любимца студенческой братии
Профессора Гринера.

Старик был нашим учителем.
Неуживчивым и сердитым.
Он сидел и молчал мучительно,
Уже равнодушный ко всем обидам.

Его обвиняли в таких грехах!
А мне все казалось, что это – травля.
И сердце твердило: «Неправда! Неправда!»
– А может быть, правда? –
Спрашивал страх.

Страх... И я поднял руку «ЗА».
За исключение. И, холодея,
Вдруг я увидел его глаза,
Как, наверно, Брюллов
Увидал Помпею.

Вовек не забуду я те глаза.
Вовек не прощу себе подлое «ЗА».
Мне было тогда девятнадцать лет.
Мне рано выдали партбилет.

1970

Несказанные слова

Матери,
Мы к вам несправедливы.
Нам бы вашей нежности запас.
В редкие душевные приливы
Мы поспешно вспоминаем вас.
И однажды все-таки приедем.
Посидим за праздничным столом.
Долго будут матери соседям
О сынах рассказывать потом.

А сыны
В делах больших и малых
Вновь забудут матерей своих.
И слова, не сказанные мамам,
Вспоминают на могилах их.

1969

«Я одинокий волк...»

Я одинокий волк...
Я не хочу быть в стае.
Пожар в крови уже заметно стих.
И одинокий след мой
По весне растает,
Как тает сила в мускулах моих.

Мне в одиночку выжить не удастся.
Крутую зиму мне не одолеть.
Но, чтобы волком до конца остаться,
В отчаянном броске
Хочу я встретить смерть.

В последний раз вкушу азарт погони,
Пройду по краю на семи ветрах.
Я старый волк.
Но я пока в законе,
И мой оскал еще внушает страх.

1993

«Мне всегда бывает грустно...»

Мне всегда бывает грустно
Обмануться в тех, кто мил.
И жалеть, что рано чувства
Перед ними обнажил.

Но уж так пошло издревле –
Человек то раб, то князь.
И ответом на доверье
Может вспыхнуть неприязнь.

От похвал или оваций,
От удач, идущих вверх,
Кто-то в зависть мог сорваться,
Ибо свет его померк.

Это все смешно и грустно,
Потому что суета.
Я доплыл уже до русла,
Где покой и красота.

Где все страхи беспричинны
Перед вечностью творца,
И где годы – как песчинки
Иль цветочная пыльца.
Но подводит нас натура,
Человеческая суть –
Мы живем с упорством тура
Хоть кого-то, но боднуть.

2003

«Как-то мне приснился серый сокол...»

Как-то мне приснился серый сокол,
Сбитый на лету моей стрелой.
И во сне мне стало одиноко,
Горько стало от вины былой.

Этот грех со мной случился в детстве.
Брат мне подарил волшебный лук.
И оружие возымело действие –
В девять лет я стал убийцей вдруг.

Птицу схоронили мы в овраге.
И с тех пор мне этот спорт не мил.
То ли дело – окуни да раки.
Сколько я за жизнь их наловил!

И когда я вижу на экране,
Как стреляют птиц или зверей,
Всякий раз я тем убийством ранен,
Будто в этом знак вины моей.

2000

«Дарю свои книги знакомым...»

Дарю свои книги знакомым –
Властителям судеб и снобам,
Которым всегда не до книг.
Поэтому черт с ней, с обидой,
Когда, полистав их для вида,
Они забывают о них.

Забросят на книжную полку,
Как в стог золотую иголку,
Где имя окутает тьма.
А я буду думать при этом,
Что стал их любимым поэтом,
Поскольку наивен весьма.

Когда же мы встретимся снова,
Сыграю уставшего сноба,
И тем их сразу наповал.
Но книг раздавать я не буду.
Плесну коньяку им в посуду,
Не слушая шумных похвал.

2003

«Какая поздняя весна!..»

Какая поздняя весна!
Опять за окнами бело.
А ты со мною холодна,
Как будто душу замело.
И я не знаю – чья вина.
И я не знаю – чья вина.
Всё перепуталось вокруг.
В календаре давно весна,
А за окном бело от вьюг.

А за окном бело от вьюг.
И ты прости меня, мой друг,
За эту хмарь, за этот дождь,
За эту белую метель,
За то, что наш с тобой апрель
На осень позднюю похож.

Мы непогоду переждем.
Еще иные дни придут,
Порядок в небе наведут.
Мы пробежимся под дождем,
И смоеет он печаль с души.
Растопит солнце
В сердце лед.
Ты огорчаться не спеши, –
Весна в пути,
Она придет.

Какая поздняя весна!..
Как велика ее вина!

1980

Счастливчик

Я выиграть надеюсь
Престижный миллион,
Чтоб у дверей халдеи
Мне стали бить поклон.

Чтоб все меня любили
За то, что я богат.
И в гости приходили,
Как танки на парад.

Чтобы по всей округе
Гремело имя рек.
Чтоб брал я на поруки
Голодных и калек.

Чтоб важное начальство
Ждало моих звонков.
И на экране часто
Теснил я м-ков.

А, впрочем, нет резона
Мне думать про барыш.
Я жил без миллиона,
Без килеров и крыш.
И он все эти годы
Жил тоже без меня.
И ухожу я гордо,
Монетами звеня.

2003

Люблю

Спускалась женщина к реке,
Красива и рыжеголова.
Я для нее одно лишь слово
Писал на выжженном песке.

Она его читала вслух.
«И я люблю...» –
Мне говорила.
И повторяла:
«Милый, милый...» –
Так,
Что захватывало дух.

Мы с ней сидели на песке,
И солнце грело наши спины.
Шумели сосны-исполины,
Грачи кричали вдалеке.

Я в честь ее стихи слагал,
Переплывал быстрину нашу,
Чтобы собрать букет ромашек
И положить к ее ногам.

Она смеялась и гадала,
И лепестки с цветов рвала.
То ль клятв моих ей не хватало,
То ль суеверною была.

С тех пор прошло немало лет.
Глаза закрою – вижу снова,
Как я пишу одно лишь слово,
Которому забвенья нет.

1976

«Мне приснился Президент...»

Мне приснился Президент.
Мы сидели рядом.
Я использовал момент –
Попросил награду.

Как-никак, а юбилей.
Сколько лет скопилось.
Президент сказал: «О'кэй!
Окажу вам милость». –

И, добавив – «Будет так!», –
Мило улыбнулся.
Ну, а я такой м-к, –
Взял, да и проснулся.

Тишина

Я стал бояться тишины...
Когда иду я улицей ночной,
Мне кажется – я слышу чьи-то сны.
И тишина смыкается за мной.

Всё безмятежно, всё в плену покоя.
Вокруг меня – ни одного лица.
Я в тишину вхожу, как входят в горе,
Когда ему ни края, ни конца.

Когда оно вот так неотвратимо,
Как эта притаившаяся тишь.
И улица – как старая картина,
Где ничего почти не различишь.

Но я ее намеренно бужу,
Стучусь в асфальт я злыми каблуками.
Уснувшему беспечно этажу
Кидаю в стену крик свой,
Словно камень.

Чтоб кто-нибудь бы вышел на порог
Или хотя бы выругался, что ли...
Я в той ночи, как будто в чистом поле,
Где голос мой и страх мой одинок.

1964

«Поэта решили сделать начальством...»

Поэта решили сделать начальством.
А он считает это несчастьем...

И происходят странные превращения:
Те, кто при встречах кивал едва,
Теперь, как пальто, подают слова.
Здороваются, словно просят прощенья.

Поэт не привык
К этим льстивым поклонам.
К фальшивым взглядам полувлюбленным.
Он остается во всем поэтом.
И еще чудаком при этом.
Прежним товарищем для друзей.
Чернорабочим для Музы своей.

И добрая слава о нем в народе...
А он продолжает свое твердить:
«Должности приходят и уходят.
Поэзии некуда уходить».

1969

«Хороших людей много меньше...»

Павлу Бородину

Хороших людей много меньше,
Как мало талантливых книг.
И лучшие люди – среди женщин.
И худшие – тоже среди них.

Хороших людей слишком мало,
Чтоб жизнь наша стала добрей,
Чтоб каждая русская мама
Спокойно была за детей.

Но как бы нас жизнь ни ломала,
В ней некое есть волшебство...
Хороший людей слишком мало.
И все-таки их большинство.

1999

Раздумье

Я подумал:
«Мне тридцать пять».
И, ей-богу, мне стало страшно.
Жизнь бы заново всю начать,
Возвратиться бы в день вчерашний.

Много там у меня долгов –
Неоконченных дел и песен.
Был я празден и бестолков,
Слишком в юности куролесил.

Я в те годы не мог понять,
Как ответственна в жизни юность.
И приходится в тридцать пять
За нее вершить
И думать.

1963

«Платон придумал Атлантиду...»

Алексею Абакумову

Платон придумал Атлантиду
И сам поверил в этот миф.
Хоть остров тот никто не видел,
Но знали все, что он красив.

Что все в нем было идеально –
Природа, власти и народ.
Что под волной мемориальной
Он спасся от земных невзгод.

Мы все немного Атлантиды,
Когда уходим от друзей:
Все радости и все обиды
Таим на дне души своей.

2004

«Везли по улицам Москвы...»

Везли по улицам Москвы
Прах Неизвестного Солдата.
Глазами скорби и любви
Смотрели вслед мы виновато.
И в те минуты вся страна
Прильнула горестно к экранам.
И ворвалась в сердца война –
И к молодым, и к ветеранам.
Ко дням потерь и дням разлук
Нас память снова уносила.
И рядом с дедом плакал внук,
Еще всего понять не в силах.

1980

«После всех неистовых оваций...»

Николаю Баскову

После всех неистовых оваций,
После всех триумфов и побед
Ты сумел самым собой остаться,
Соловьем, встречающим рассвет.

Слушаю я в горькую минуту
Голос твой, спасающий от бед.
И душа одолевает смуту –
Это ты ей посылаешь свет.

Милый Ленский, дорогой Карузо,
Не сердись на зависть мелких банд.
Слава тоже может быть обузой,
Но превыше славы – твой талант.

Будь Послом Объединенных Наций,
Чтоб искусством мир объединить.
Музыке хочу в любви признаться.
Нам с тобой еще всю жизнь дружить.

И хотя полвека между нами,
Юн талант и Муза молода,
Я опять перед экраном замер...
Коля Басков...

Коля, будь всегда!

2003

Родной язык

Хочу домой...
Хотя в России худо,
Что ныне не скрывает даже ТАСС.
Зато там есть немислимое чудо, –
Родной язык, –
Который не предаст.

И так надежно искреннее слово,
Когда в душе не остается сил...
Родной язык – как оголенный провод,
Что нас с тобой навек соединил.

И этот свет, что согревает сердце,
Немыслим без мелодий языка.
Не потому ли не боюсь я смерти,
Что зазвучит в тебе моя строка.

1998. Иерусалим

«Поменяв российский беспредел...»

Павлу Гусеву

Поменяв российский беспредел
На хороший климат и провизию,
Улетаю из Москвы в провинцию,
Чтобы оказаться не у дел.

Не у дел моих старинных дружб,
Без которых жизнь так одинока.
Ты всю эту музыку нарушь
С незаметной хитростью Востока.

И, когда я по стране несусь
На своем выдавшем виды «форде», –
На моей выдавшей виды морде
Лишь одно отчаянье и грусть.

2000

Не смейте забывать учителей

Не смейте забывать учителей.
Они о нас тревожатся и помнят.
И в тишине задумавшихся комнат
Ждут наших возвращений и вестей.

Им не хватает этих встреч нечастых.
И сколько бы ни миновало лет,
Слагается учительское счастье
Из наших ученических побед.

А мы порой так равнодушны к ним:
Под Новый год не шлем им поздравлений.
И в суете иль попросту из лени
Не пишем, не заходим, не звоним.

Они нас ждут. Они следят за нами.
И радуются всякий раз за тех,
Кто снова где-то выдержал экзамен
На мужество, на честность, на успех.

Не смейте забывать учителей.
Пусть будет жизнь достойна их усилий.
Учителями славится Россия.
Ученики приносят славу ей.

Не смейте забывать учителей.

1966

Прощеное воскресенье

Прощаю всех, кого простить нельзя.
Кто клеветой мостил мои дороги.
Господь учил: «Не будьте к ближним строги.
Вас все равно всех помирят земля».

Прощаю тех, кто добрые слова
Мне говорил, не веря в них нисколько.
И все-таки, как ни было мне горько,
Доверчивость моя была права.

Прощаю всех я, кто желал мне зла.
Но мезтью душу я свою не тешил.
Поскольку в битвах тоже не безгрешен.
Кого-то и моя нашла стрела.

1992

Характер

У мужчины должен быть характер.
Лучше, если тихий,
Словно кратер,
Под которым буря и огонь.

У мужчины должен быть характер,
Добрый взгляд
И крепкая ладонь.
Чтобы пламя сердце не сожгло,
Можно душу отвести на людях,
Лишь бы в сердце не копилось зло.

У мужчины должен быть характер.
Если есть –
Считай, что повезло.

1980

«Жизнь во власти пяти планет...»

Жизнь во власти пяти планет...
«Редкий случай, – сказал астролог. –
И пока не погас их свет,
Будешь ты и любим, и молод».

Я во власти пяти планет,
Заблудившийся в годах дервиш.
Может, в них-то и весь секрет,
Что меня ты так долго терпишь.

На какой из пяти планет
Наша боль и ушедшие близкие?

Мы уйдем... Еще много лет
Свет одной будет нас разыскивать.

1998

«Держава застолий...»

Тамаре Гвердцители

Держава застолий
Ночами мне снится.
Скучаю по Грузии –
По загранице.

По мудрым поэтам,
Безвизовым встречам,
По шуму воды
Темпераментных речек.

По старым друзьям,
Не сменившим пристрастий.
По тем временам,
Где делились мы счастьем.

И я не предаю
Эту память вовеки.
Как русло не предали
Горные реки.

Меж нами граница.
И взгляд Шеварднадзе...

А, может быть, все
Возвратится однажды.
И дружба былая,
И давние песни.
Те самые песни,
Что пели мы вместе.

На двух языках
При одном вдохновенье...
И было прекрасно
То тихое пенье.

Мы сядем бок о бок,
Нальем «Мукузани».
И ночь будет длинная,
Словно сказанье.

И нас побратает
Серебряный кубок.
В России светает.

В горах еще сумрак.

Декабрь 2003

«В ясную погоду «Юности» моей...»

В ясную погоду
«Юности» моей
Был я всем в угоду,
Стольких знал друзей.

За крамолу битый,
Возглавлял журнал.
Даже сам А. Битов
Как-то повесть дал.

Часто Вознесенский
Снисходил до нас.
Наш тираж вселенский
Был ему как раз.

И, поправив гранку,
Искромсав листы,
Уезжал в загранку
Гений суеты.

Имена, фамилии,
Блеск и мишура...
Что-то все забыли,
Как жилось вчера.

Вспоминаю с грустью
Сгинувших друзей.
Хор былых напутствий,
Их крутой елей.

1994

«Учителей своих не позабуду...»

Учителей своих не позабуду.
Учителям своим не изменю.
Они меня напутствуют оттуда,
Где нету смены вечеру и дню.

Я знаю их по книгам да портретам,
Ушедших до меня за много лет.
И на Земле, их пламенем согретой,
Я светом тем обласкан и согрет.

Звучат во мне бессмертные страницы,
Когда мы об искусстве говорим.
Всё в этом мире может повториться,
И лишь талант вовек неповторим.

К учителям я обращаюсь снова,
Как к Солнцу обращается Земля.
И все надеюсь: вдруг родится слово
И улыбнутся мне учителя.

1978

«Это правда...»

Это правда:
Чтобы долго жить,
Надо чаще видеться с друзьями.
Я все продолжаю мельтешить
Встречами, поступками, стихами.

Но однажды брошу все дела,
Сяду в самолет Аэрофлота...

Друг не ждал.
Душа его ждала,
Веря в неожиданность полета.

Так же побросав свои дела,
Соберутся милые мне люди.
Около веселого стола
Мы о дружбе говорить не будем.

Только память станет ворошить
Те слова, когда вернусь до дому.
Не затем,
Чтоб после долго жить.
Просто жить не стоит по-иному.

1981

«Живу не так, как бы хотелось...»

Живу не так, как бы хотелось.
Заели суета и быт.
И осторожность, а не смелость
Порою мной руководит.

Живу не так, как мне мечталось,
Когда я пылок был и юн.
И только музыка осталась
От тех, не знавших фальши, струн.

Живу не так, как нас учили
Ушедшие учителя,
Когда судьбу Земли вручили,
О чем не ведала Земля.

Живу не так... но, слава богу,
Я различаю свет и мрак.
И не судите слишком строго
Вы все, живущие не так.

1978

«Пока я всем «услуживал»...»

Пока я всем «услуживал» –
Шедевры перечитывал
И ставил в номер «Юности»
И прозу, и стихи,
Я был угоден битовым,
И жил в тусовке дружеской
Средь мудрости и глупости,
Как Ванька от сохи.

И время это долгое
Во мне печалью корчилось,
Неслось сквозь чьи-то бедствия,
Цензурные бои.
А время было дорого.
Я крал его у творчества,
Чужие строки пестовал
И забывал свои.

А годы шли и множились.
И от журнала юного
Я ринулся в грядущее
И наверстал его.
И в эти дни погожие
Друзей как ветром сдунуло.
И было в том признание
Успеха моего.

2003

«Я во сне не летаю...»

Я во сне не летаю,
А падаю вниз.
Для полетов, как видно,
Года мои вышли.
Вот гора надо мной,
Словно черный карниз
У покатоЙ,
Окрашенной в синее крыши.

Я боюсь высоты.
Наяву. И во сне.
И когда я лечу
В бесконечную пропасть,
Обрывается сон.
И приходит ко мне
Ожидание чуда
И смутная робость.

Начинается день.
Забывается сон.
Но лишь встречу тебя –
Та же на сердце робость.
Улыбаешься ты.
Я как будто спасен,
Хоть опять я лечу
В бесконечную пропасть.

1975

«Сколько спотыкался я и падал...»

Ане

Сколько спотыкался я и падал,
Только чтоб не разминуться нам!
И пока мы вместе,
И пока ты рядом –
Наша жизнь угодна Небесам.

И за этот долгий путь к надежде
Бог вознаградил мои труды:
Старые друзья верны, как прежде.
И враги слабеют от вражды.

Я не Нострадамус и не Мессинг.
Мне не предсказать своей судьбы.
Знаю лишь одно: пока мы вместе,
Будет так, как загадали мы.
Сколько б годы нам ни слали на дом
Горестей, испытывая нас,
Верую лишь в то – пока ты рядом,
Нам судьба за все добром воздаст.

Я не знаю, мало или много
Впереди у нас счастливых лет.
Но пока мы вместе – не предаст дорога,
Не устанет сердце, не сгорит рассвет.

2001

Вся грусть земли поручена стихам...

*Вся грусть земли поручена стихам.
И потому строка моя печальна,
Когда посвящена родным холмам
Или глазам твоим исповедальным.*

«Вся грусть земли поручена стихам...»

Вся грусть земли поручена стихам.
И потому строка моя печальна,
Когда посвящена родным холмам
Или глазам твоим исповедальным.

Вся грусть земли поручена стихам.
И это поручение от Бога
Исполнит бесконечная дорога,
Которой мы восходим в Божий храм.

Нас много – поручителей Его.
И потому не оборвется слово,
В котором грусть обрящет торжество,
И мир тем словом будет околдован.

Вся грусть земли поручена стихам.
И все надежды тоже им поручат,
Когда нас жизнь отчаяньем измучит,
И вознесем мы к иным верхам.

2004

«Говорят, при рождении...»

Владимиру Суслову

Говорят, при рождении любому из нас
Уготована участь своя.
Кто-то взял у отца синеву его глаз
И умчал с ней в чужие края.

Кто-то добрым характером в маму пошел.
Но не в славе теперь доброта.
Как бы ни был наш путь и тернист, и тяжел,
Все равно жизнь – всегда высота.

Уготована каждому участь своя.
Я о милости Бога молю,
Чтоб в России не гибли ни чьи сыновья.
Не скатилась надежда к нулю.

Будьте счастливы, люди, во веки веков.
Если даже все будни круты.
Отболят наши души от новых оков,
От позорных оков нищеты.

2003

«Мы живем без неба...»

Мы живем без неба.
Мы живем под смогом.
Смотрит бездна слепо
Мимо наших окон.
Как шинель солдата –
Небо виснет ветхо...
Тусклые закаты.
Серые рассветы.

Будто кто нарочно
Краски с неба выкрал.
Затерялась в прошлом
Звездная палитра.
Стало скучным небо
Без привычных красок.
Как обед без хлеба
Иль без песен праздник.

А земля дуреет
В выхлопных отровах.
Ей бы стать мудрее,
Да не сыщешь правых.

И она дуреет,
Как над нею небо.
Кто из них скорее
Задохнется гневом...

2004

Ноль-ноль часов

Вот еще один скончался год...
Мы беспечно-веселы при этом.
Так и жизнь когда-нибудь уйдет,
Вслед надеждам, радостям и бедам.

Но уж так устроен человек,
Что с былым легко он расстается...
Потому что не окончен бег,
Потому что дальше жить нейма.

Угадать бы, что нас ждет потом –
За салютом, озарившим лица,
За шампанским в блеске золотом,
За привычкой – власть наговориться.

Новый год... Привет тебе от нас!
Мы не в миг расстанемся с минувшим.
Ибо долог в нас еще запас
Прежних грез, что нелегко нарушить.

Новый год... Поклон тебе от всех.
И от тех, кого ты осчастливишь.
И от тех, чьи славу и успех
Ты уже, наверно, не увидишь.
Поседевший, как твои снега,
Я стою, уставший от бессонниц.
Я хочу, чтобы моя строка
При тебе была б еще весомей.

«Когда вам беды застыт свет...»

Когда вам беды застыт свет
И никуда от них не деться, –
Взгляните, как смеются дети,
И улыбнитесь им в ответ.

И если вас в тугие сети
Затянет и закрутит зло, –
Взгляните, как смеются дети...
И станет на сердце светло.

Я сына на руки беру.
Я прижимаю к сердцу сына
И говорю ему: «Спасибо
За то, что учишь нас добру...»

А педагогу только годик.
Он улыбается в ответ.
И доброта во мне восходит,
Как под лучами первый цвет.

1970

«Я лишь теперь, на склоне лет...»

Марине

Я лишь теперь, на склоне лет,
Истосковался о минувшем.
Но к прошлому возврата нет,
Как нет покоя нашим душам.

Да и какой сейчас покой,
Когда в нас каждый миг тревожен.
Несправедливостью людской
Он в нас безжалостно низложен.

Прости, что столько долгих лет
Мы жили на широтах разных.
Но ты была во мне, как свет,
Не дав душе моей угаснуть.

И как бы ни были круты
Мои дороги, чья-то ярость, –
Я помнил – есть на свете ты.
И всё плохое забывалось.

1993

Чужая осень

Во Франкфурте
Холодно розы цветут.
В Москве
Зацветают
Узоры
На стеклах.

Наш «бьюик» несется
В багряных потемках –
Сквозь сумерки
Строгих
Немецких минут,

Сквозь зарево кленов
И музыку сосен,
Сквозь тонкое кружево
Желтых берез.

Я в эти красоты
Ненадолго сослан,
Как спутник
В печальные залежи звезд.

Со мной переводчица –
Строгая женщина.
Мы с нею летим
Сквозь молчанье
И грусть.
И осень ее
Так прекрасна и женственна,
Что я своим словом
Нарушить боюсь.

Нас «бьюик»
Из старого леса выносит.
Дорога втекает
В оранжевый круг.

Как всё здесь похоже
На русскую осень!
Как Русь не похожа на всё,
Что вокруг!

1979

Крест одиночества

Илье Глазунову

В художнике превыше страсти долг.
А жизнь на грани радости и боли.
Но, чтобы голос Неба не умолк,
Душа не может пребывать в неволе.

Твой перекресток – словно тень Креста.
Пойдешь налево – поминай как звали.
Пойдешь направо – гиблые места.
А позади молчание развалин.

Но ты остался возле алтаря.
И кто-то шепчет: «Божий раб в опале...»
Другие, ничего не говоря,
Тебя давно на том Кресте распяли.

Минует жизнь...
И ты сойдешь с Креста,
Чтоб снова жить неистово в грядущем.
И кровь твоя с последнего холста
Незримо будет капать в наши души.

В художнике превыше страсти долг.
Превыше славы – к славе той дорога.
Но, чтобы голос Неба не умолк,
Душа должна возвыситься до Бога.

1992

Случай на охоте

Я выстрелил. – И вся земля
Вдруг визг собаки услышала.
Она ползла ко мне скуля,
И след в траве тянулся алый.

Мне от вины своей не скрыться.
Как всё случилось – не пойму!..
Из двух стволов я бил волчицу,
А угодил в свою Зурму.

Она легонько укусила
Меня за палец... –
Может быть, о чем-то, жалуясь, просила
Иль боль хотела поделить.

Ах, будь ты проклята, охота,
И этот выстрел наугад!
Я всё шептал ей: «Что ты, что ты...», –
Как будто был не виноват.

Зурма еще жива была,
Когда я нес ее в песчаник.
А рядом стыли два ствола,
Как стыла жизнь в глазах печальных.
Неосторожны мы подчас.
В азарте, в гневе ли, в обиде –
Бьем наугад, друзей не видя.
И боль потом находит нас.

1974

«Левитановская осень...»

Левитановская осень.
Золотые берега.
Месяц в реку ножик бросил,
Будто вышел на врага.

Красоту осенней чащи
Нанести бы на холсты.
Жаль, что нету подходящих
Рам для этой красоты.

А холодными ночами
Истерзали лес ветра.
Всё у нас с тобой вначале,
Хоть осенняя пора.

2001

Встреча пушкина с анной керн

А было это в день приезда.
С ней говорил какой-то князь.
«О боже! Как она прелестна!» –
Подумал Пушкин, наклонясь.

Она ничуть не оробела.
А он нахлынувший восторг
Переводил в слова несмело.
И вдруг нахмурился.
И смолк.

Она, не подавая вида,
К нему рванулась всей душой,
Как будто впрямь была повинна
В его задумчивости той.

– Что сочиняете вы ныне?
Чем, Пушкин, поразите нас? –
А он – как пилигрим в пустыне –
Шел к роднику далеких глаз.

Ему хотелось ей в ладони
Уткнуться. И смирить свой пыл.
– Что сочиняю?
Я... не помню.
Увидел вас –
И все забыл.

Она взглянула тихо, строго.
И грустный шепот, словно крик:
– Зачем вы так? Ну, ради Бога!
Не омрачайте этот миг... –

Ничто любви не предвещало.
Полуулыбка. Полувзгляд.
Но мы-то знаем –
Здесь начало
Тех строк,
Что нас потом пленят.

И он смотрел замороженно
Вслед уходившей красоте.
А чьи-то дочери и жены
Кружились в гулкой пустоте.

1974

«Сандаловый профиль Плисецкой...»

Сандаловый профиль Плисецкой
Взошел над земной суетой,
Над чьей-то безликостью светской,
Над хитростью и добротой.

Осенняя лебедь в полете.
Чем выше – тем ярче видна.
– Ну как вы внизу там живете?
Какие у вас времена? –

Вы Музыкой зачаты, Майя.
Серебряная струна.
Бессмертие – как это мало,
Когда ему жизнь отдана!

Во власти трагических судеб
Вы веку верны своему.
А гения время не судит –
Оно только служит ему.

Великая пантомима –
Ни бросить, ни подарить.
Но всё на Земле повторимо,
Лишь небо нельзя повторить.
Сандаловый профиль Плисецкой
Над временем – как небеса.
В доверчивости полудетской
Омытые грустью глаза...

Из зала я, как из колодца,
Смотрю в эту вечную синь.
– Ну как наверху Вам живется? –
Я Лебедя тихо спросил.

1982

«Зураб сказал...»

Зурабу Церетели

Зураб сказал:
Металл проснуться должен,
Чтоб музыку отдать колоколам.
А до того он, словно царь, низложен,
И ждет мелодий молчаливый Храм.

Зураб сказал:
Нет ничего прекрасней,
Чем сумеречный звон колоколов,
Когда закат под эти ноты гаснет,
И всё понятно, и не надо слов.

И вот над возродившимся собором
Поплыл впервые колокольный звон.
И тихо замер потрясенный город,
Как будто исповедовался он.

Минует всё. Останется искусство
И к Богу устремленные глаза.
Металл проснулся от чужого чувства,
Как в небе просыпается гроза.

И я стою, как пушкинский Евгений,
Пред новой загадкой Петра,
Вновь убеждаясь – всё, что может гений,
Понятно только гениям добра.

1999

Кабинет Лермонтова

Старинный стол. Свеча. Свет из окна.
Бумаги лист. И кожаное кресло.
Гусиное перо. И тишина.
И профиль, вычерченный резко.

Стою благоговейно у дверей.
И вновь хочу представить те мгновенья,
Когда он назначал свиданье Ей.
Она являлась – Жрица вдохновенья.

И если оставалась до утра,
Ее уста таинственно вещали...
И взгляд Ее на кончике пера
Старался удержать он на прощанье.

И засыпал внезапно у стола,
Едва Она исчезнет простодушно.
И снова ждал, как и Она ждала,
Когда Господь соединит их души.

И лишь однажды не пришла Она,
Как будто знала, что он смертью занят.
Старинный стол. Свеча. И тишина.
И чистый лист – как боль Ее и память.

2003

Лермонтов И Варенька Лопухина

I

Они прощались навсегда,
Хотя о том пока не знали.
Погасла в небе их звезда,
И тихо свечи догорали.

«Я обещаю помнить Вас...
Дай Бог дожить до новой встречи...»
И каждый день, и каждый час
Звучать в нем будут эти речи.

Она его не дождалась,
С другим печально обвенчалась.
Он думал: «Жизнь не удалась...»
А жизнь лишь только начиналась.

II

Он ставит в церкви две свечи.
Одна – за здоровье любимой,
Чтоб луч ее мерцал в ночи,
Как свет души его гонимой.
Свечу вторую он зажег
За упокой любви опальной.
И, может, пламя горьких строк
Зажглось от той свечи печальной?

Две горьких жизни...
Два конца...
И смерть их чувства уравнила,
Когда у женского лица
Свеча поэта догорала.

1980

Бабушка Лермонтова

Елизавета Алексеевна Арсеньева
Внука своего пережила...
И четыре черных года тень его
Душу ей страдальческую жгла.

Как она за Мишеньку молилась!
Чтоб здоров был и преуспевал.
Только Бог не оказал ей милость
И молитв ее не услышал.

И она на Бога возроптала,
Повелев убрать из комнат Спас.
А душа ее над Машуком витала:
«Господи, почто его не спас?!»

Во гробу свинцовом, во тяжелом,
Возвращался Лермонтов домой.
По российским побелевшим селам
Он катился черною слезой.

И откуда ей достало силы –
Выйти за порог его встречать...
Возле гроба бабы голосили.
«Господи, дай сил не закричать...»
Сколько лет он вдалеке томился,
Забывал между забот и дел.
А теперь навек к ней возвратился –
Напоследок бабку пожалел.

1979

«Поэзия жива своим уставом...»

Поэзия жива своим уставом.
И если к тридцати не генерал,
Хотя тебя и числят комсоставом,
Но ты как будто чей-то чин украл.

Не важно, поздно начал или рано,
Не все зависит от надежд твоих.
Вон тот мальчишка – в чине капитана,
А этот, старец, ходит в рядовых.

Пусть ничего исправить ты не вправе,
А может, и не надо исправлять.
Одни идут годами к трудной славе,
Другим всего-то перейти тетрадь.

1975

Старый Крым

Марине

Мы приехали не вовремя:
Домик Грина на замке.
Раскричались что-то вороны
На зеленом сквозняке.

Домик Грина в тишине.
Я смотрю поверх калитки.
И почудилась в окне
Мне печаль его улыбки.

Нас к нему не допускают,
Нас от Грина сторожат.
И ограда зубы скалит,
Точно сорок лет назад...

Но спасибо добрым людям:
Снят замок, открыта дверь.
Не одни мы Грина любим,
Не одни скорбим теперь.

Мы заходим в домик низкий,
В эту бедность и покой.
Свечи – словно обелиски
Над оборванной строкой.
Всюду даты и цитаты.
Не изменишь ничего.
Все мы горько виноваты
Перед памятью его.

И за то, что прожил мало,
И за то, что бедно жил,
И за то, что парус алый
Не всегда нам виден был.

1974

Продается романтика

Старый учитель
Продает клубнику
Вместе с торговками –
В одном ряду.
Я узнал его –
Тихого –
Среди крика.
И вдруг испугался:
«Не подойду...»

Но не сумел –
Подошел, поклонялся.
Взял от смущения
Ягоду в рот.
Старый учитель –
Торговец покладистый:
За пробу
Денег с меня не берет.

– Купите ягод!
Жалеть не станете... –
И смотрит.
И кажется, не узнает.
И я смотрю –
Какой же он старенький!
Зачем он ягоды продает?

– Берите!
Смотрите, какие спелые! –
И, глядя на лакомый
Тот товар,
Я вспомнил
Наши уроки первые –
Он нам романтику
Преподавал.

Но я его ни о чем
Не выпытываю.
Меня и так смутил
Его вид.
Продается
Романтика позабытая.
И горькой платой
Мой рубль звенит.

1961

Этюд

А. Алексишу

Мне с летом расставаться жаль.
С его теплом,
Цветами поздними.
Необъяснимую печаль
Таят в себе
Красоты осени.

Не слышно птичьих голосов.
И небеса –
Как парус стиранный.
Прохладный малахит лесов
Янтарной грустью инкрустирован.

Над полем мечутся ветра.
Я запасуюсь солнцем на зиму.
И всё во мне:
Печаль костра
И вздох листвы,
Летящей на землю.

1983

Раненый орел

Я к друзьям приехал в гости.
Горы, воздух...
Синий край.
И над быстрой речкой мостик –
Что твоя дорога в рай.

Здесь у речки утром ранним
Мы увидели орла.
Кем-то был он подло ранен,
В пятнах крови – полкрыла.

Не за то ль орел наказан,
Что так верен небесам?
Он смотрел зеленым глазом,
Полным ненависти к нам.

Мы с орлом вернулись к дому,
Оказав владыке честь...
Всё он понял по-другому,
Отказался пить и есть.

Мы снесли его к подножью,
В голубую круговерть.
В небо он взлететь не может,
Может рядом умереть.
Но, взглянув на нас без гнева,
Он поднялся тяжело
И пошел пешком на небо,
Волоча свое крыло.

Шел орел осиротело,
Клювом мясо рвал с крыла,
Будто выклевывать хотел он
Боль, что тоже в небо шла.

Только там он может выжить
Иль погибнуть в синеве...
Он успел на память вышить
Строчку красную в траве.

1981

Западные туристы

Приехали туристы из Германии.
Из Западной.
Где этот самый Бонн.
Их ждали,
Всё продумали заранее –
Экскурсии, купание и сон.

Их поселили в номерах с балконами,
Сперва оттуда выселив своих.
Мне показались очень уж знакомыми
Ухмылки немцев
И нахальство их.

Я слышу речь,
Пугавшую нас в детстве,
Когда она входила в города...
И никуда от памяти не деться,
От гнева не укрыться никуда!

Они горланят в ресторане гимны.
И эти гимны –
Словно вызов нам.
От пуль отцов их
Наши батьки гибли
Не для того, чтоб здесь
Наглеть сынам.
Я понимаю –
Мы гостеприимны
И для друзей распахиваем дом –
Ждем их вопросов,
Слушаем их гимны
И речи произносим за столом.

Но эти,
Что приехали из Бонна,
Скажу по правде –
Ненавистны мне.
И снова мне и яростно,
И больно,
И снова я как будто
На войне.

Они идут вдоль берега,
Гогочут...
Откормлены,

Чванливы
И горды.
А рядом море Черное грохочет.
С родной земли смывает их следы.

1966

«Жизнь прожита...»

Жизнь прожита...
Но всё еще в начале.
Я выйду в поле.
Как я полю рад!
Здесь тыщи солнц
Подсолнухи качали,
Посеянные сорок лет назад.

Как будто ничего не изменилось.
Село мое, сожженное в войну,
По-прежнему рассветами дымилось,
Не нарушая дымом тишину.

Сейчас пастух на луг коров погонит,
И ранний дрозд откликнется в лесу,
И тихие стреноженные кони
Повалятся в прохладную росу...

1981

После грозы

Гром в небо ударил со зла.
И небо,
как водится, –
в слезы.
Дырявая крыша берёзы
Опять надо мной потекла.
Как тыща серебряных гривен,
Тяжелые капли стучат.
Сердит неожиданный ливень,
Но я ему,
летнему,
рад.

Он радугу вывел за лес...
Веселый, напористый, быстрый,
Внезапно прозрачную искрой
На солнце блеснул и исчез.
С земли все цветы подобрал,
Украсилась радуга ими.
Тут всё в ней –
от зелени трав
До льнов затихающей сини.

От луж заблестела тропа...
И видно
на горизонте,
Как травы купаются в солнце
И тянутся к солнцу хлеба.

Вдали еще сердится гром,
Видать, из последних усилий.
И свежесть такая кругом,
Как будто арбуз разломали.

1957

«Солнце упало в море...»

Белеет парус одинокий...

М. Лермонтов

Солнце упало в море,
Окрасив его края.
Синее с алым спорит,
Как с грустью любовь моя.

И, словно бы падший ангел,
Парус вдали застыл...
Стекают краски заката
С его белоснежных крыл.

На юге темнеет быстро,
И вечер подвел итог.
А в небе мерцают искры, –
Словно там курит Бог.

Отсчитывает минуты
Волны осторожный плеск...
А парус исчез,
Как будто
И вовсе он не был здесь.

То ль сорванный сбился с курса,
То ль ангел по зову звезд
На небо свое вернулся
И парус туда унес.

2004. Иерусалим

А мне приснился сон

И. Л. Андроникову

А мне приснился сон,
Что Пушкин был спасен
Сергеем Соболевским...
Его любимый друг
С достоинством и блеском
Дуэль расстроил вдруг.

Дуэль не состоялась.
Остались боль да ярость.
Да шум великосветский,
Что так ему постыл...

К несчастью, Соболевский
В тот год в Европах жил.

А мне приснился сон,
Что Пушкин был спасен.

Все было очень просто:
У Троицкого моста
Он встретил Натали.
Их экипажи встали.
Она была в вуали, –
В серебряной пыли.

Он вышел поклониться.
Сказать – пускай не ждут.
Могло все измениться
В те несколько минут.

К несчастью, Натали
Была так близорука,
Что, не узнав супруга,
Растаяла вдали.

А мне приснился сон,
Что Пушкин был спасен.

Под дуло пистолета,
Не опуская глаз,
Шагнул вперед Данзас
И заслонил поэта.
И слышал только лес,

Что говорит он другу...

И опускает руку
Несбывшийся Дантес.

К несчастью, пленник чести
Так поступить не смел.
Остался он на месте.
И выстрел прогремел.

А мне приснился сон,
Что Пушкин был спасен.

1976

Мойка, 12

Марине

Душа его вернулась в этот дом.
Он счастлив был в своем веселом доме.
Отчаянье и боль пришли потом,
Когда его ничтожный Геккерн донял.

Среди знакомых дорогих святынь
Ты чувствуешь – он постоянно рядом...
Вот тот диван, где медленная стынь
Сковала сердце, овладела взглядом.

И каждый раз, ступая на порог,
Тыходишь в мир – загадочный и грустный.
И с высоты его бессмертных строк
Нисходит в душу чистое искусство.

Я иногда ловлю себя на том,
Что всё он видит из далекой дали,
И открывает свой великий дом
Твоей любви, восторгу и печали.

1999

Аист

Белый аист, печальный аист –
Из бамбука худые голени.
Он стоит, в синеве купаясь,
Над своими птенцами голыми.

А у ног его шелест ив
Да гнезда незавидный ворох.
Весь нескладный,
Он все ж красив –
И красив, и смешон, и дорог...

Говорят, будто к счастью аист.
И поэтому, может быть,
Я опять, я опять пытаюсь
С доброй птицей заговорить.

Оказав мне свое доверие,
С крыши первого этажа –
Он расскажет,
Как жил в Нигерии,
Сколько верст синевы измерили
Крылья эти, домой спеша.

Долго с ним говорить мы будем,
Будто снова ему в полет...
Аист очень доверчив к людям,
Даже зависть порой берет.

1958

Воспоминание об осени

Какая спокойная осень...
Ни хмурых дождей, ни ветров.
Давай все на время забросим
Во имя далеких костров.

Они разгораются где-то...
За крышами нам не видать.
Сгорает в них щедрое лето.
А нам еще долго пылать.

И, может быть, в пламени этом
Очистимся мы до конца.
Прозрачным ликующим светом
Наполнятся наши сердца.

Давай все на время оставим –
Дела городские и дом.
И вслед улетающим стаям
Прощальную песню споем.

Нам будет легко и прекрасно
Листвой золотою шуршать.
И листьям,
Как ласточкам красным,
В полете не будем мешать.

И станет нам близок и дорог
Закат,
Уходящий во тьму.
И новым покажется город,
Когда мы вернемся к нему.

1978

«За все несправедливости чужие...»

Л. Бадалянц

За все несправедливости чужие
Несу вину сквозь память и года.
За то, что на одной планете живы
Любовь и боль,
Надежда и беда.

Я виноват, что не промолвил слова,
Которое могло б все изменить:
Вернуть любовь –
Кто в ней разочарован,
Вернуть надежду –
Если нечем жить.

Будь проклято несовершенство мира –
Наш эгоизм и слабый мой язык.
Прошу прощенья у больных и сирых
За то,
Что я
К вине своей привык.

1982

«Кто-то надеется жить...»

Наташе

Кто-то надеется жить
Долго... И дай-то Бог.
А мне бы лишь одолжить
У Времени малый срок.

Чтобы успеть сказать
Другу, что он мне мил.
Да еще показать
Внукам зеленый мир.

Да, может быть, повидать
Деревню Старый Погост,
Где юной была моя мать,
Где с травами шел я в рост.

Где батя учил добру,
Скворечник к сосне крепя.

Я в поле ромашки рву,
Похожие на тебя.

Есть просьба еще одна.
О, если б помочь я мог,
Чтоб ожила страна,
Которую проклял Бог.

1991

Сестра милосердия

Слезы Мария вытерла.
Что-то взгрустнулось ей...
Мало счастья Мария видела
В жизни своей.

Мало счастья Мария видела.
И старалась не видеть зла.
Красотой ее мать обидела.
Юность радостью обошла.

А года проносились мимо,
Словно вальсы подруг.
Так ничьей и не стала милой,
Не сплела над плечами рук.

Так ничьей и не стала милой.
Но для многих стала родной.
Столько нежности накопила,
Что не справиться ей одной.

И, когда по утрам входила
В нашу белую тишину,
Эту нежность на всех делила,
Как делили мы хлеб в войну.
Забывала свои несчастья
Перед болью чужой.
Говорила: «Не возвращайся...» –
Тем, кто радостно шел домой.

На судьбу Мария не сердится.
Ну а слезы – они не в счет.
Вот такой сестры милосердия
Часто жизни недостает.

1975

«Ты любил писать красивых женщин...»

Александр Шиллову

Ты любил писать красивых женщин,
Может, даже больше, чем пейзаж,
Где роса нанизана, как жемчуг...
И в восторге кисть и карандаш.

И не тем ли дорого искусство,
Что с былым не порывает нить,
Говоря то радостно, то грустно
Обо всем, что не дано забыть?

И о том, как мучился художник
Возле молчаливого холста,
Чтобы, пересилив невозможность,
Восходила к людям красота.

Сколько ты воспел красивых женщин!
Сколько их тебя еще томят...
Если даже суждено обжечься,
Жизнь отдашь ты
За весенний взгляд.

Потому что в каждый женский образ
Ты влюблялся, словно в первый раз.
Буйство красок – как неожиданный возглас,
Как восторг, что никогда не гас.

Все минует...
Но твою влюбленность
Гениально сберегут холсты.
И войдут в бессмертье поименно
Все,
Кого запомнил кистью ты.

2001

Времена года

Весна

В лес весна нагрянула в апреле,
Шумная – от птичьей кутерьмы.
И стоят в весенних платьях ели,
Будто бы и не было зимы.

И ручьи, ожив от ветров вешних,
Песни разнесли по всем концам.
Воробьи покинули скворешни,
Чтобы сдать их на лето скворцам.

Дождь стучится робкою капелью,
Первый дождь – предвестник майских
гроз.
Так тепло, что сосны загорели
И открыты шеи у берез.

Ожил лес – теплу и солнцу рад он.
Ничего, что, выбравшись из тьмы,
В эту пору бедный лес залатан
Белыми заплатами зимы.

Лето

Тишина на заре в лесу.
Уползает прохлада в тень.
Ели пригоршнями росу
Держат бережно –
Не задень.

Тишину обрывает вдруг
Быстрых крыльев веселый всплеск:
Дятел, ловко вспорхнув на сук,
Будит вежливым стуком лес.

Солнце с хмарью вступает в спор,
Где-то тонко скрипит сосна –
Это, видимо, старый бор
Чуть потягивается со сна.

Осень

Лес, измотанный ветрами,
Еле сдерживает стон.
Он холодными кострами
Подожжен со всех сторон.

Сер от холода, как заяц,
По камням бежит ручей.
Травы ежатся, пытаюсь
Скинуть изморось с плечей.

По утрам здесь зори тают.
И ветра, сорвавшись вдруг,
Гонят в небе листьев стаи,
Словно птицы мчат на юг.

Я люблю в такую пору
Приходить в осенний лес,
Слушать сосен синий шорох
И берез прощальный плеск.

Я прощаюсь с лесом старым,
Ухожу тропой крутой,
Не спаленный тем пожаром,
Не смущенный грустью той.

Зима

Зимний лес, как дно большой реки,
Кажется задумчивым и странным,
Вон торчат у елей из карманов
Грустных сказок белые листки.

Я прочесть хочу и не могу...
В небе ветви – словно вспышки молний.
Я иду по белому безмолвью,
По заре, уснувшей на снегу.

Всюду царство белых лебедей.
Лебединым озером – опушка.
И мигает сонная избушка,
Где живет кудесник Берендей.

Выйдет он, лишь ночь подаст свой голос.

И, увидев звезды, вспомнит вдруг,
Как когда-то, зацепив за сук,
Об иголки небо уколось.

И, взобравшись на крутой сугроб,
Оглядит по-стариковски снова,
Хорошо ли лес запеленован,
Туго ль связан ленточками троп.

С ветки снег нечаянно стряхнет,
Улыбнется гномам бородатым –
Белым пням, собравшимся куда-то...
И с собою сказку уведет.

1958

«Бал только начался»

Бал только начался... Выстраивались пары.
Но Пушкин обходил их стороной.
Какой-то чин – нахохленный и старый,
Любезно говорил с его женой.

Сверкали люстры и горели свечи.
Там у окна поэта ожидал
Тот, кто давно просил его о встрече.
Он передал – пусть явится на бал.

Не жалуя балы... Он поневоле
Туда являлся ради Натали.
Она играла в высшем свете роли,
Что только настораживать могли.

Сегодня он явился для другого.
Загадочный певец «Бородина»
Просил о встрече...
Пушкин вспомнил снова,
Что Муза та была ему мила.

Но все пришлось перенести на завтра.
Наверно, по причине срочных дел...
И Пушкины уехали внезапно.
До Черной речки оставался день...

2004

Дельфин

Анатолию Алексицу

Дельфин плыл к берегу...
Порезанный винтами, он так кричал,
Что море содрогалось.
А мы лежали на песке прибрежном
И ничего не знали о беде.
Мы только волны слышали в то утро.

Дельфин плыл к берегу в надежде,
Что мы его заметим над волнами
И побежим навстречу,
Как однажды он кинулся на помощь человеку
И до земли ему доплыть помог.

Дельфина мы заметили случайно,
Когда вблизи взметнулся он высоко,
И кто-то громко крикнул:
– Посмотрите! Дельфин играет... –
А другой добавил: «Во, дает!»

Дельфин всё ближе подплывал.
Всё чаще показывалось тело над волнами.
Какой-то мальчик бросил в море булку.
Но булка до него не долетела.
Дельфин исчез.
Быть может, испугался?

А мы опять уткнулись в наши книги.
Жевали фрукты, в шахматы играли.
Смеялись анекдотам... И не знали,
Что наш дельфин, отчаянно поддавшись,
Навеки опускался в глубину.

И только мальчик всё смотрел на море.

«Афганистан болит в моей душе...»

Афганистан болит в моей душе.
Мне слышатся бессонными ночами
Стихи Лоика в гневе и печали...
И выстрелы на дальнем рубеже.

Я вспоминаю утренний Кабул.
Все необычно в маленькой столице:
И сумрак гор, и робкий голос птицы,
И улиц пробуждающийся гул.

Я вспоминаю утренний Кабул.
Его прохладу и его контрасты.
И вновь шепчу я сквозь разлуку:
– Здравствуй!
Прости, что на покой твой посягнул.

Но нет покоя на земле твоей,
А есть борьба,
Есть мужество и верность.
Надежду в сердце невозможно свергнуть,
Как невозможно позабыть друзей.

Я помню тот попутный самолет,
Которым мы летели над горами.
И среди нас один был ночью ранен,
Да все шутил –
до свадьбы заживет.

Как много дней промчалось с той поры!
Как много слов и встреч не позабылось.
Судьба моя, ты окажи мне милость –
Дай мне побыть у той святой горы,

Где завершится наш последний бой,
И кто-то вдруг ничком на землю ляжет,
И чья-то мать в слезах о детях скажет...
И те слова услышим мы с тобой.

Афганистан болит в моей душе.
И все – кого я встретил и не встретил –
Пусть долго будут жить на этом свете,
Как тишина на дальнем рубеже.

1985

Русская эмиграция

Ностальгия – чужое, не русское слово
Означает тоску по былым временам!
Но давно на дверях проржавели подковы,
Что в наследство оставило прошлое нам.

Как мне жаль их,
Достойных в своем отречении,
В неприятии всех этих лживых свобод, –
Именитых князей и наивной их челяди,
Без которых неполон был русский народ.

Как мне жаль,
Что они не вернулись в Россию...
И над старой Европой взошли имена
Тех, кто Родину в сердце озябшем носили,
Не надеясь, что их еще помнит страна.

Ничего не пройдет – ни печаль, ни обида.
И на плитах гранитных – их горестный след.
Завершилась великая горькая битва –
Победителей нет.

2001

Яблоки на снегу

Яблоки на снегу...
Розовые – на белом.
Что же нам с ними делать?
С яблоками на снегу.

Яблоки на снегу
В розовой нежной коже.
Им ты еще поможешь.
Я себе – не могу.

Яблоки на снегу
Так беззащитно мерзнут,
Словно бывлые весны,
Что в памяти берегу.

Яблоки на снегу
Медленно замерзают.
Ты их согрей слезами.
Я уже не могу.

Яблоки на снегу...
Я их снимаю с веток.
Светят прощальным светом
Яблоки на снегу.

1970

«Зимой я тоскую по лету...»

Зимой я тоскую по лету,
По вызревшей синеве,
По зябкому, росному следу
В пахучей, дремучей траве.

По грозам –
крутым, ошалелым,
С раскатами по ночам,
По вспыхнувшим на небе стрелам,
Что кажут дорогу дождям.

По граду, забившему в крышу
Десяток веселых гвоздей,
По первому цветку,
что вишню
Закутал до самых бровей.

По спрятанным в поднебесье
Двукрылым певцам тишины,
По древнему рогу,
чем месяц
Воды зачерпнул из волны.

По травам, встречающим косу
Равнением,
подобным стиху.
Еще – по душистому возу
С мальчишками наверху.

Еще – по грибному раздолью,
Густому румянцу рябин,
По песне, что вышла на поле
Под музыку грузных машин.

По первому празднику в доме,
По хлебам в печи,
– что хранят
Тепло наших жестких ладоней
И жарких полей аромат.

А летом –
– нежданно
– без спросу
Нахлынет другая тоска:
По злему седому морозу

И чистому пенью катка.

По первому хрупкому снегу,
По стону стремительных лыж,
Когда понесешься с разбегу
И птицей с трамплина взлетишь.

Люблю я метелицу злую
И дождика легкую прыть...
И так нашу землю люблю я,
Что просто не терпится жить.

1957

Не сорьтесь, влюбленные...

*Не сорьтесь, влюбленные, –
Жизнь коротка.
И ветры зеленые
Сменит пурга.*

«Не сорьтесь, влюбленные...»

Не сорьтесь, влюбленные, –
Жизнь коротка.
И ветры зеленые
Сменит пурга.

Носите красавиц
На крепких руках.
Ни боль и ни зависть
Не ждут вас впотьмах.

Избавьте любимых
От мелких обид,
Когда нестерпимо

В них ревность болит.

Пусть будет неведом
Вам горький разлад.
По вашему следу
Лишь весны спешат.

По вашему следу
Не ходит беда.

...Я снова уеду
В былые года.
Где были так юны
И счастливы мы,
Где долгие луны
Светили из тьмы.

Была ты со мною
Строга и горда,
А всё остальное
Сейчас, как тогда:

Те ж рощи зеленые,
Те же снега.

Не ссорьтесь, влюбленные,
Жизнь коротка.

1966

О самом главном

Самое горькое на свете состояние –
Одиночество.
Самое длинное на Земле расстояние
То, которое одолеть не хочется.

Самые злые на свете слова:
«Я тебя не люблю...»
Самое страшное –
Если ложь права,
А надежда равна нулю.
Самое трудное –
Ожиданье конца
Любви.

Ты ушла,
Как улыбка с лица,
И сердце
Считает
Шаги
Твои...

И все-таки я хочу
Самого страшного,
Самого неистового,
Хочу!
Пусть мне будет беда вчерашняя
И счастье завтрашнее по плечу.

Я хочу и болей, и радостей,
Я хочу свою жизнь прожить
Не вполсердца, не труся, не крадучись.
Я захлеб ее стану пить.

Я хочу ее полной мерой –
В руки, в сердце, в глаза и в сны...
Всю – с доверием и с изменой,
Всю – от крика до тишины.

1964

«Ты родилась в конце весны...»

Ты родилась в конце весны,
Когда все грозы оттрубили.
И возвращаются к нам сны,
Те, что когда-то явью были.

Ты родилась в конце весны,
В разгар надежд, – не потому ли
Все октябри твои грустны
И так неистовы июли.

Ты родилась в конце весны,
И стала жизнь навек весенней.
Твои ладони так нежны,
Как нежен миг прикосновенья.

Я буду помнить этот день.
В нем нет ни грусти, ни обиды...
Ты платье белое надень,
И я к тебе навстречу выйду.

2004

Давнее сновидение

Снова мы расстаемся с тобою.
За окном опускается ночь
Со слезами, с надеждой и болью,
С невозможностью чем-то помочь.

Нам в разлуке не будет покоя.
Как же слезы твои солонь!
Слишком коротко счастье людское.
Слишком редки прекрасные сны.

Посреди самолетного грома
Я впервые подумал о том,
Что Земля потому так огромна,
Что в разлуке на ней мы живем.

1979

Нет женщин нелюбимых

Нет женщин нелюбимых,
Невстреченные есть.
Проходит кто-то мимо,
Когда бы рядом сесть.

Когда бы слово молвить
И все переменить.
Былое светом молнии,
Как пленку засветить.

Нет нелюбимых женщин.
И каждая права.
Как в раковине жемчуг, —
В душе любовь жива.

Все в мире поправимо,
Лишь окажите честь...
Нет женщин нелюбимых,
Пока мужчины есть.

1979

«Поставь свечу за здоровье любви...»

Поставь свечу за здоровье любви.
Мы наших клятв вовеки не нарушим.
И, может быть, признания твои
Всего лишь наша память о минувшем.

Поставь свечу за упокой разлук.
Неужто мы расстанемся в грядущем?
Хоть время, словно заржавелый плуг,
Прошло по нашим обнаженным душам.

Поставь свечу за здоровье любви.
Я за тебя свечу поставлю в Храме.
И все, что было в этой жизни с нами,
Ты самым светлым словом назови.

2000

Подсолнух

Во ржи катились медленные волны,
За синим лесом собирался дождь.
Каким-то чудом
Озорник-подсолнух
Забрел по пояс в спеющую рожь.

Он, словно шапку,
Тень на землю бросил,
Смотрел, как поле набиралось сил,
Навстречу звонким
Бронзовым колосьям
Едва заметно голову клонил.

Он бед не ждал.
Но этим утром светлым
Пришел комбайн – и повалилась рожь...
И то ль от шума,
То ль от злого ветра
По крупным листьям пробежала дрожь.

А комбайнер, видать, веселый малый,
Кричит:
– Эй, рыжий, отступи на шаг! –
И тот рванулся,
Да земля держала,
Не может ногу вытащить никак.

Он знать не знал, что в этот миг тревожный
Водитель вспомнил, придержав штурвал,
Как год назад
Таким же днем погожим
Он поле это рожью засевал.

Как счастлив был, что Солнце плыло в небе,
Что пашня только начата почти,
Что с девушкой,
Стоявшей на прицепе,
Ему всю смену было по пути.

Вдруг, как назло,
Остановился трактор
И, поперхнувшись, песню потушил...
– Отсеялись! –
Ругнулся парень. –
Так-то!

Видать, свинью механик подложил.

Он влез под трактор,
Поворчал уныло,
На миг забыв про спутницу свою.
И девушка-насмешница спросила:
– Ну, как там, скоро вытащишь свинью?

А дела было самая-то малость.
И парень встал,
Скрывая торжество...
Она лущила семечки,
Смеялась
И озорно глядела на него.

И потому, что день был так чудесен,
Что трактор жил, –
Он улыбнулся вдруг,
Схватил девчонку,
Закружил на месте,
Да так,
Что только семечки из рук!
От глаз ее,
Еще испуга полных,
Свои не мог он отвести глаза...

Вот почему сюда забрел подсолнух,
Теплом руки спасенный год назад.

И вот дрожит он от густого гула,
Уже и тень на голову легла...
И вдруг машина в сторону свернула.
Потрогав листья,
Мимо проплыла.

1955

Монологи Ф. И. Тютчева

Когда писались эти строки, я думал о прекрасной и трагической любви Федора Ивановича Тютчева к Елене Александровне Денисьевой

«Кого благодарить мне за тебя?..»

Кого благодарить мне за тебя?
Ты слышишь,
В небе зазвучала скрипка?
В печальном листопаде октября
Явилась мне твоя улыбка.

Явилась мне улыбка,
Как рассвет.
А как прекрасны мысли на рассвете!
И я забыл,
Что прожил
Столько лет
И что так мало
Ты живешь на свете.

Но что года?
Их медленный недуг
Я излечу твоей улыбкой нежной.
И возле черных глаз
И белых рук
Я чувствую биенье жизни вешней.
Кого мне за тебя благодарить?
Судьбу свою?
Или неожиданный случай?
И, если хочешь жизнь мою продлить,
И веруй,
И люби меня,
И мучай.

«Прости, что жизнь прожита...»

Прости, что жизнь прожита...
И в этот осенний вечер
Взошла твоя красота
Над запоздавшей встречей.
Прости, что не в двадцать лет,
Когда всё должно случиться,

Я отыскал твой след
У самой своей границы.
Неистовый наш костер
Высветил наши души.
И пламя свое простер
Над будущим и минувшим.
Прости, что жизнь прожита
Не рядом... Но мне казалось,
Что, может, и жизнь не та...
А та, что еще осталась?

«Выхода нет...»

Выхода нет.
Есть неизбежность...
Наша любовь –
Это наша вина.
Не находящая выхода нежность
На вымирание обречена.
Выхода нет.

Есть безнадежность
И бесконечность разомкнутых рук.
Мне подарил твою нежность художник,
Чтобы спасти меня в годы разлук.
Видимо, ты опоздала родиться.

Или же я в ожиданье устал.
Мы – словно две одинокие птицы
Встретились в небе,
Отбившись от стай.
Выхода нет.

Ты страдаешь и любишь.
Выхода нет.
Не могу не любить.
Я и живу-то еще
Потому лишь,
Чтобы уходом тебя не убить.

«Сквозь золотое сито...»

Сквозь золотое сито
Поздних лиственниц
Процеживает солнце

Тихий свет.

И всё, что – ТЫ,
Всё для меня единственно.
На эту встречу и на много лет.

О, этот взгляд!
О, этот свет немеркнущий!
Молитву из признаний сотворю.
Я навсегда душой
И телом верующий
В твою любовь
И красоту твою.

1981

«Чего ты больше ей принес...»

Чего ты больше ей принес –
Нежданных радостей иль слез?
Печали тихой перед сном,
Когда так пуст бывает дом?

Когда подушка горяча
И горяча рука во тьме,
И нет любимого плеча,
Чтобы забыться в сладком сне?

Чего ты больше ей принес –
Переживаний или грез?
Веселой нежности любви?
Иль одиночества с людьми?
Весенних грез
Иль стылых вьюг?
Иль бесконечности разлук?
Чего ты больше ей принес? –
Себя ты спросишь в сотый раз.
И вновь забудешь свой вопрос
Вблизи ее счастливых глаз,
В медовом запахе волос...

Чего ты больше ей принес?

1982

«Отбились лебеди от стаи...»

Отбились лебеди от стаи.
Вдвоем остались в небесах.
С дороги сбились и устали.
И в сердце к ней
Прокрался страх.

Внизу была земля чужая,
Пустыня без глотка воды.
И песня в горле задрожала,
Как плач в предчувствии беды.

Чуть-чуть поднялся он над нею
И вновь позвал ее вперед.
Он был мудрее и сильнее.
Он знал –
Лишь небо их спасет.

И, забывая про усталость,
Рванулись белые крыла.
Она уже с собой рассталась...
Но с ним расстаться не могла.

1981

«Свое томление любви...»

Свое томление любви,
Свою тоску в далеких стенах,
И страсть,
И горести свои
Мне завещали предки в генах.

Недолюбившие тогда
Иль обойденные любовью,
Их души вновь через года
Я воскресил своею кровью.

Всепоглощающая страсть,
Пришедшая из дальней дали,
Не даст ни вознестись,
Ни пасть
В миг торжества
И в час печали.

И я не в силах совладать
С тем необузданным порывом,
Когда шепчу в ночи опять
Слова любви
Глазам счастливым.

Все перепуталось во мне –
Признаний миг,
И боль преданий,
И слезы счастья в тишине,
И чей-то шепот –
Дальний, дальний...

1980

«Давай помолчим...»

Давай помолчим.
Мы так долго не виделись.
Какие прекрасные сумерки выдались!

И все позабылось,
Что помнить не хочется:
Обиды твои и мое одиночество.

Душа моя,
Как холостяцкая комната –
Ни взглядов твоих в ней,
Ни детского гомона.

Завалена книгами
Площадь жилищная,
Как сердце словами,
Теперь уже лишними.
Ах, эти слова,
Будто листья опавшие.
И слезы,
На целую жизнь опоздавшие.

Не плачь...
У нас встреча с тобой,
А не проводы.
Мы снова сегодня наивны
И молоды.

Давай помолчим.
Мы так долго не виделись.
Какие прекрасные сумерки выдались!

1974

«В небе звездные россыпи...»

В небе звездные россыпи.
Тихий голос в ночи.
Пощади меня, Господи,
От любви отлучи.

Наша сказка вечерняя
Завершает свой круг.
Отлучи от мучения
Предстоящих разлук.

И меж синими соснами
Мы простимся навек.
Пощади меня, Господи,
Погаси этот свет.

Пусть все в жизни нарушится
И померкнет душа.
Отлучи от минувшего,
Чтобы боль отошла.

От улыбки божественной
И от слез отучи.
От единственной женщины
Отлучи...

1980

«Мне без тебя так одиноко...»

Мне без тебя так одиноко,
Как Робинзону в первый день...
Струится тихий свет из окон,
Но думать и работать лень.

И все меня здесь раздражает.
Безлико светится экран.
Белеет рукопись чужая.
Роняет капли медный кран.

Хожу бездарно по квартире.
Ношу бесцельно телефон.
Так что там происходит в мире?
Он болен? Взорван? Отменен?

А ты летишь сейчас над морем...
И я боюсь... И я молюсь,
Чтоб ночь не обернулась горем,
А сберегла нам только грусть.

2004

«Десять лет тому назад...»

Десять лет тому назад
В жизнь твою я постучался.
Повстречал меня твой взгляд,
Полный нежности и счастья.

Я не спрашивал тебя,
Как жилось тебе до встречи.
В поздних числах октября
Мы сошлись – как день и вечер.

Ты была тем самым днем,
Кто развеял тихий сумрак.
Полон радости наш дом,
Как мелодиями Сумак.

Десять лет – немалый срок.
Только нет такого срока,
Чтоб в любви я изнемог,
Чтоб нам стало одиноко.

Десять лет тому назад
В жизнь твою я постучался...
По судьбе иль наугад
Отыскал я наше счастье.

2004

«Ты вернулась через много лет...»

Ты вернулась через много лет.
Ты пришла из дней полузабытых,
Молчаливо наложив запрет
На мои вопросы и обиды.

Мы с тобой расстались в жизни той,
Где цветы и звезды не погасли.
– Сколько лет, а ты все молодой!
– Сколько лет, а ты еще прекрасней!

Мы с тобой друг другу честно лжем,
Потому что рады этой встрече,
Потому что долго на земле живем,
Знаем, как важны порою речи.

Потому что ни обид, ни бед
Никогда не вспоминает юность.
Потому что через столько лет
Ты ко мне из прошлого вернулась.

1976

Спасибо за то, что была

Мы столько не виделись лет –
От первой улыбки до слез.
В душе затерялся твой след,
Чужими словами зарос.

Мне так не хватало тебя,
Но в сердце дрожала стрела...
Последней листвой октября
Нас память с тобой замела.

Спасибо за то, что была.
За то, что забылась навек.
Судьба нас с тобою свела,
Да свет ее где-то померк.

Наверно, по воле любви
Сгорело бывшее дотла...
Шепчу сквозь обиды свои:
«Спасибо за то, что была».

Я вновь повторю те слова
И вспомню твой голос и смех.
Любовь лишь однажды права,
Когда она свет, а не грех.

Спасибо за то, что была.
А все наши беды не в счет.
Нас даже любовь не спасла.
Так, может быть, память спасет.

1983

«Если что-нибудь случится...»

Если что-нибудь случится
И расстаться суждено, –
Обернусь однажды птицей,
Постучусь в твое окно.

Ты подумаешь, что ветер,
Или ветка, или дождь...
Что-то смутно заметишь,
Вдруг к окошку подойдешь.

Полыхнет в глаза зарница.
Отпылет тишина.
И загадочная птица
Встрепенется у окна.

И душе тревожно станет,
Будто что произошло.
И предчувствий не обманет
Промелькнувшее крыло.

1982

«Ушла любовь...»

Ушла любовь...
А мне не верится.
Неужто вправду
Целый век
Она была моею
Пленницей?
И вдруг решилась
На побег.

Ушла любовь,
Забрав с собою
И грустный смех,
И добрый взгляд.
В душе так пусто,
Как в Соборе,
Когда в нем
Овощи хранят.

1975

«У нас с тобой один знак Зодиака...»

У нас с тобой один знак Зодиака.
Не в этом ли причина наших бед.
Готов уйти я из созвездья Рака,
Чтоб разногласья все свести на нет.

Характеры у нас настолько схожи,
Что кажется – мы часть одной судьбы.
Одни и те же мысли нас тревожат,
И оба перед хамством мы слабы.

И беды одинаково встречаем.
И в спорах обоюдно горячи.
Когда азарт мой в гневе нескончаем,
Я мысленно прошу тебя – «Молчи!»

Ты не молчишь... И я клянусь созвездье.
Но вскоре в дом приходит тишина.
Не потому ль мы в этой жизни вместе,
Что на двоих судьба у нас одна.

2001

«Я радуюсь тому, что я живу...»

Я радуюсь тому, что я живу.
Я радуюсь снегам и майским радугам.
И птицам, прилетевшим в синеву.
И солнцу в небе бесконечно радуюсь.

Я радуюсь твоим глазам в ночи,
Когда они так близко счастьем светятся.
Когда слова, как руки, горячи...
Я рад всему, во что с тобой нам верится.

Пусть никогда не покидает нас
Подаренная нам земная радость.
Хоть у судьбы велик ее запас, –
Храни ту радость и душой, и взглядом.

Я радуюсь, что встретила любовь.
Хотя казалось – встреча не случится.
Я радуюсь, что мой услышан зов,
Когда рассвет упал на наши лица.

И чтобы ни пришлось изведать мне,
Я все приму, к чему был небом призван.
Нет ничего прекрасней на земле,
Чем просто радоваться жизни.

2004

«Прости, Париж, что я не рад тебе...»

Прости, Париж, что я не рад тебе,
Хотя восторг мой пред тобою вечен.
Но так угодно, видимо, судьбе,
Что я один пришел к тебе на встречу.

А в первый раз мы были здесь вдвоем.
В родном Париже начался роман наш.
Вот тихий парк и тот старинный дом.
Он говорит: «Неужто не заглянешь?»

Мы от любви сходили здесь с ума.
Великий город – как алтарь влюбленных.
Спасибо и Вольтеру, и Дюма,
И всем бульварам, и Наполеону.

Судьбе спасибо, что нас здесь свела.
Не потому ль мне с каждой встречей ближе
Тот давний день заветного числа,
Когда шумела осень над Парижем.

2002 Москва – Париж

«Как тебе сейчас живется?..»

Как тебе сейчас живется?
Ты все так же молода?
Между нами мили, версты,
Километры и года.

Между нами – наша юность
И прощальные полдня...
Ты мне грустно улыбнулась,
Чтоб поплакать без меня.

Жизнь ушла и воротилась
Вещим сном наедине...
Оказала ты мне милость
Тем, что помнишь обо мне.

Значит, все-таки любила,
Потому что в те года
Все у нас впервые было.
Только жаль – не навсегда.

Как тебе теперь живется?
Предсказал ли встречу Грин?
Повторяются ли весны,
Те, что мы не повторим?

1998

«Я знаю, что все женщины прекрасны...»

Я знаю, что все женщины прекрасны.
И красотой своею и умом.
Еще весельем, если в доме праздник.
И верностью, – когда разлука в нем.

Не их одежда или профиль римский, –
Нас покоряет женская душа.
И молодость ее, и материнство.
И седина, когда пора пришла.

Покуда жив я, – им молиться буду.
Любовь иным восторгам предпочту.
Господь явил нам женщину, как чудо,
Доверив миру эту красоту.

И повелел нам рядом жить достойно –
По-рыцарски – и щедро, и светло.
Чтоб наши души миновали войны –
И в сердце не заглядывало зло.

1978

«Разбитую чашку не склеишь...»

Разбитую чашку не склеишь,
А склеишь – останутся швы.
Ты мне уже больше не веришь,
А веришь злорадству молвы.

Молва, к сожаленью, пристрастна.
Пришла, очернила, ушла.
Любви не хватает пространства,
Когда узковата душа.

Наверно, мы снова поладим.
Забудем обиды свои
Во имя бывшего
И ради
Едва не ушедшей любви.

Ошибки свои и невзгоды
Еще раз осилим вдвоем.
И через далекие годы
Мы опытом их назовем.

А чашку из давней эпохи
Я вдруг отыщу невзначай.
И ты, не заметив подвоха,
Спокойно заваришь в ней чай.

2003

«У нас еще снег на полях...»

У нас еще снег на полях –
У вас уже шум в тополях.
У нас еще ветер и холод
И нету на солнце надежд.
И кажется пасмурным город
От темных и теплых одежд.

У вас уже всё по-другому:
Струится с небес синева,
И каждому новому дому
К лицу молодая листва.

У нас еще пашня, что камень,
И бродит в лесу тишина...
Пошли мне улыбку на память!
С нее и начнется весна.

1980

Встреча влюбленных

Это чудо, что ты приехал!
Выйду к морю – на край Земли,
Чтоб глаза твои синим эхом
По моим, голубым, прошли.

Это чудо, что ты приехал!
Выйду к Солнцу – в его лучи.
Засмеются весенним смехом
Прибежавшие к нам ручьи.

Море льдами еще покрыто,
Замер в слайде янтарный бег.
В чью-то лодочку, как в корыто,
Белой пеной набился снег.

Мы идем вдоль волны застывшей,
Вдоль замерзших ее обид.
И никто, кроме нас, не слышит,
Как во льдах синева грустит.

1975

«Сомнений снежный ком...»

Сомнений снежный ком
Несется к нам из прошлого.
Не думай о плохом,
А помни про хорошее.

Сомнения твои
Я растопить сумею
Признанием в любви
И верностью своею.

Ты помнишь, в прошлый май
Мы заблудились в чаще.
И утренняя хмарь
Пророчила несчастья.

Нас спас зеленый холм
И чей-то дом заброшенный.
Не думай о плохом,
А помни про хорошее.

Мы вышли из болот,
Из той зловещей чащи.
С тех пор в тебе живет
Боязнь за наше счастье.

Как будто может лес
Нас разлучить с тобою.
Как будто синий плеск
Вдруг обернется болью.

Мы на конях верхом
Проскочим бездорожье.
Не думай о плохом,
А помни про хорошее.

1978

«Я вновь объясняюсь в любви...»

Я вновь объясняюсь в любви,
Хотя ты давно уже где-то.
Давно отцвело наше лето,
Но я объясняюсь в любви.

Нас добрые годы свели.
Навеки – как мне показалось.
И судьбы друг друга касались,
Как звезды касались земли.

Года не щадят нас, увы...
Твой образ возник из былого.
Прими запоздалое слово.
Я вновь объясняюсь в любви.

2000

Спустя тридцать лет

От жизни той,
Где ты была, –
Остались только два крыла.
Лишь два истерзанных крыла,
Когда ты в небо взмыть пыталась.
Да песня давняя осталась
От жизни той,
Где ты была.

От той любви,
Что в нас жила,
Остались пепел да зола.
Да писем радостные строки,
И даль невидимой дороги,
Которой та любовь ушла.

От той судьбы,
Что нас свела,
Осталась горькая вина.

1983

«У меня красивая жена...»

У меня красивая жена.
Да еще к тому же молодая.
Если в настроении она,
Я покой душевный обретаю.

А когда она раздражена –
Что-то ей не сделали в угоду, –
Всем п – ц... И мне тогда хана.
И всему еврейскому народу.

2000. Иерусалим

«Женщина, а может быть, богиня...»

Женщина, а может быть, богиня
Весело выходит из волны.
Рядом с нею женщины другие,
Мягко говоря, обречены.

Всем ее природа наградила –
И лицом пригожа, и стройна.
Вот идет по пляжу это диво,
Вновь в десятках глаз отражена.

Осторожно ноги поднимает:
По камням идет, не по траве.
Кто в богинях что-то понимает,
Мысленно ведет ее к себе.

Но она со мной садится рядом.
Выжимает волосы, смеясь.
И с богиней повстречавшись взглядом,
Я уже не отрываю глаз.

2004

«Фотоснимок хранится в моем столе...»

Фотоснимок хранится в моем столе
Грустной памятью прожитых дней.
Если фото поверить – на доброй земле
Нет красивей, душевней тебя и нежней.

Но меня не обманет твоя красота.
Хоть порою о ней вспоминаю, скорбя.
Не тревожь меня взглядом.
Ты вовсе не та,
За кого ты пытаешься выдать себя.

1958

«Двое Новый год встречают...»

Двое Новый год встречают
Не за праздничным столом.
Вряд ли это их печалит.
Главное – они вдвоем.

А над ними снег кружится.
Где-то ждет их милый дом.
Подвела стальная птица:
Села в городе чужом.

Ни шампанского, ни тостов.
В окнах елки зажжены.
Белый город, словно остров,
В океане тишины.

А над ними снег кружится,
Тихий-тихий – как слова...
На деревья снег ложится,
Превращаясь в кружева.

Старый год идет на убыль,
Уплывает к морю звезд.
Он ее целует в губы.
До чего же сладок тост!

1981

Тверское воспоминание

Всего лишь день...

Всего лишь день,
Всего лишь ночь
Остались нам до встречи.
Но эти сутки превозмочь
Двум нашим душам нечем.

Я выйду на угол Тверской –
В назначенное место.
И ты мне издали рукой
Махнешь,
Как в день отъезда.

На этом памятном углу
Средь гомона людского
Я вновь поверить не смогу,
Что ты вернулась снова.

Что снова всё со мной сейчас:
Твоя улыбка,
Голос...
Тревожный свет
Счастливых глаз
И тихая веселость.
Минуты,
Дни
Или года
Промчатся в этот вечер.

Любовь одна.
И жизнь одна.
И ночь одна –
До встречи.

Под тихий шелест падавшей листвы...

Под тихий шелест падавшей листвы
Мы шли вдвоем
Сквозь опустевший город.
Еще с тобою были мы на «вы».
И наша речь –

Как отдаленный говор
Реки,
Что тосковала вдалеке.
Мы ощущали грусть ее и свежесть.
Глаза твои –
В неясном холодке...
И я с тобою бесконечно вежлив.

Но что-то вдруг в душе произошло,
И ты взглянула ласково и мило.
Руки твоей прохладное тепло
Ответного порыва попросило.

И что случилось с нами –
Не пойму.
Охвачена надеждой и печалью,
Доверилась ты взгляду моему,
Как я поверил твоему молчанию.

Еще мне долго быть с тобой на «вы».
Но главное уже случилось с нами:
Та осень дождалась моей любви.
Весна еще ждала твоих признаний.

Что делать...

Что делать...
Мы столько с тобой
Расставались!
У встреч и разлук
Заколдованный круг.

Как раненый город
Встает из развалин,
Так мы возрождались
С тобой из разлук.

И, если куда-нибудь
Вновь улетаю,
Мне кажется –
Я возвращаюсь к тебе:

В тот город,
Где улицы снег заметает.
В тот город,
Где розы цветут в октябре.
Хотя ты навряд ли

Тот город увидишь,
И я в нем, наверно,
Единственный раз, –

Всё кажется мне:
Ты навстречу вдруг выйдешь
В условленном месте,
В условленный час.

Здравствуй, наш венчальный город!..

Здравствуй, наш венчальный город!
Давний свет в твоём окне.
Я целую землю,
По которой
Столько лет ты шла ко мне.

Как давно всё было это!
То ли жизнь, то ль день назад...
Тем же солнцем даль согрета,
Так же светел листопад.

Погрущу в пустынном сквере,
Посижу на той скамье,
На какой-то миг поверив,
Что ты вновь придешь ко мне.

Ты придешь и скажешь:
– Здравствуй!
– Не забыла? – я спрошу.
И сиреневые астры
На колени положу.
«Боже мой, какая прелесть!»
И на несколько минут,
От твоей улыбки греясь,
Астры ярче зацветут.

К сожаленью, день не вечен.
Мы весь день проговорим,
Словно жизнь свою той встречей
Незаметно повторим.

1982

«Сегодня я все твои письма порвал»

Сегодня
Я все твои письма
Порвал.
И сжег...
И смотрел на них с болью.
И вспомнил,
Как эти листки целовал,
Прощаясь с твоей любовью.

Печально и трепетно
Письма твои
Давно отпылали в камине.
А в сердце моем
Уголечек любви
Еще освещал твое имя.

1985

«Ты остаешься, а я ухожу...»

Ане

Ты остаешься, а я ухожу...
Что-то в нас есть, не подвластное смерти.
Пусть все идет по тому чертежу,
Что без меня тебе Время начертит.

Ты остаешься, а я ухожу.
Долгая жизнь,
Как пиджак, обносилась.
Муза ютится, подобно бомжу,
В душах чужих,
Оказавших ей милость.

Пусть мне простят, что останусь в долгу,
Мне бы успеть на тебя насмотреться.
Все те слова, что тебе берегу,
В книгах найдешь
Или в собственном сердце.

1999

Баллада о любви

– Я жить без тебя не могу.
Я с первого дня это понял...
Как будто на полном скаку
Коня вдруг над пропастью поднял.

– И я без тебя не могу.
Я столько ждала! И устала.
Как будто на белом снегу
Гроза мою душу застала...

Сошлись, разминулись пути.
Но он ей звонил отовсюду.
И тихо просил: «Не грусти».
И тихое слышалось: «Буду».

Однажды на полном скаку
С коня он сорвался на съёмках...
– Я жить без тебя не могу, –
Она ему шепчет в потемках.

Он бредил... Но сила любви
Вновь к жизни его возвращала.
И смерть уступила: «Живи!», –
И всё начиналось сначала.
– Я жить без тебя не могу... –
Он ей улыбался устало.
– А помнишь, на белом снегу
Гроза тебя как-то застала?

Прилипли снежинки к виску.
И капли грозы на ресницах...
Я жить без тебя не смогу.
И, значит, ничто не случится.

1982

«Была ты женщиной без имени...»

Была ты женщиной без имени.
В твоей загадочной стране –
Меж днями алыми и синими
Однажды ты явилась мне.

Я ни о чем тебя не спрашивал.
Смотрел, надеялся и ждал.
Как будто жизнь твою вчерашнюю
По синим отблескам читал.

Ты улыбнулась мне доверчиво
И, не спеша, ушла в закат.
И от несбывшегося вечера
Остался только влажный взгляд.

2000

«Мы в первый раз летим с тобой в Нью-Йорк...»

Мы в первый раз летим с тобой в Нью-Йорк.
Нас провожают облака и смог.
Внизу плывет холодная земля.
Ты молча держишь за руку меня,
Поскольку ты боишься высоты,
Как я твоей боялся красоты.

За окнами – сплошная синева.
Ты говоришь мне тихие слова,
Что в Небе хорошо тебе сейчас,
Как на Земле, благославившей нас.

Я буду вечно помнить тот полет.
И эту дату, и далекий год.
Улыбку в небе и небесный взгляд.
И самолет, летевший в звездопад.

2004

Пока заря в душе восходит...

Любовь не только возвышает –
Любовь порой нас разрушает,
Ломает судьбы и сердца...
В своих желаниях прекрасна,
Она бывает так опасна,
Как взрыв, как девять грамм свинца.
Она врывается внезапно,
И ты уже не можешь завтра
Не видеть милого лица.

Любовь не только возвышает –
Любовь вершит и всё решает.
А мы уходим в этот плен
И не мечтаем о свободе.
Пока заря в душе восходит,
Душа не хочет перемен.

1983

«В этот солнечный горестный час...»

В этот солнечный горестный час,
Что потом в наших душах продлится,
Снова счастье уходит от нас
Сквозь чужие улыбки и лица.

Мы сидим на пустынной скамье
В многолюдном распахнутом сквере.
И глаза твои плачут во мне,
И слова мои всё еще верят.

Мы уходим из этого дня,
Чтоб расставить в судьбе нашей вехи.
Как ты смотришь сейчас на меня! –
Словно мы расстаемся навеки.

И, когда тебя взгляд мой настиг,
Я услышал сквозь нежность и жалость,
Как в душе твоей мечется крик,
Нестерпимо во мне продолжаясь.

1985

«О благородство одиноких женщин!..»

О благородство одиноких женщин!
Как трудно женщиною быть.
Как часто надо через столько трещин
В своей судьбе переступить...

Всё ставят женщине в вину:
Любовь,
Когда она промчится,
Когда с печалью обручится,
Оставив надолго одну,
В воспоминанья погребенной...

А люди уж спешат на суд –
И всё – от клятв и до ребенка –
Словами злыми назовут.

И пусть...
Зато она любила...
Где знать им, как она любила!
Как целовала – аж в глазах рябило,
Как встреч ждала,
Как на свиданья шла...

О, где им знать, как счастлива была!
Пусть теперь ей вспомнят все пророчества.
(Да, осторожность, ты всегда права...)
Пусть ее пугают одиночеством.
А женщина целует ручки дочери
И шепчет вновь счастливые слова.

1963

Аварийное время любви

Твои смуглые руки – на белом руле.
Аварийное время сейчас на Земле.
Аварийное время – предчувствие сумерек.
В ветровое стекло вставлен синий пейзаж.
Выбираемся мы из сигналищающих сутолок,
И дорога за нами – как тесный гараж.

В чей-то город под нами спускается Солнце,
Угасает на небе холодный пожар.
Аварийное время навстречу несется,
Как слепые машины с бельмом вместо фар.

От себя убежать мы торопимся вроде.
Две тревожных морщинки на гретхенском лбу.
На каком-то неведомом нам повороте
Потеряли случайно мы нашу судьбу.

Аварийное время настало для нас.
Вот решусь – и в былое тебя унесу я.
Ты в азарте летишь на нетронутый наст,
И колеса сейчас, как слова, забуксуют.

Аварийное время недолгой любви.
Всё трудней и опаснее наше движенье.
Но не светятся радостью очи твои,
Словно кто-то в душе поменял напряженье.

Светофор зажигает свой яростный свет.
Подожди, не спеши...
Мы помедлим немного.
Будет желтый еще.
Это да или нет?
Пусть ответит дорога...

1977

Анна

Прости, что я в тебя влюблен
Уже под занавес, в финал...
Всю жизнь блуждая меж имен,
Я на твое их поменял.

Я выбрал имя неспроста –
Оно из Пушкинских времен,
Из грустной музыки, с холста
И с чудодейственных икон...

Но полон тайн открытый звук.
Хочу понять – что он таит?
То ли предчувствие разлук,
То ль эхо будущих обид.

И, чтоб развеять этот страх,
Я повторяю имя вслух...
И слышу свет в твоих глазах
Так, что захватывает дух.

1998

«ШКОЛЬНЫЙ ЗАЛ...»

Школьный зал огнями весь расцветен,
Песня голос робко подала...
В этот день не думал я о встрече,
Да и ты, наверно, не ждала.
Не ждала, не верила, не знала,
Что навек захочется сбегать
Первый взгляд –
                        любви моей начало,
Первый вальс –
                        начало наших встреч.
Я б, наверно, не рискнул признаться,
Чем так дорог этот вечер мне, –
Хорошо,
Что выдумали танцы:
Можно быть при всех наедине.

1955

Из студенческих встреч

Две монеты мы в море бросим,
Чтоб вернуться вдвоем сюда.
Ждет тебя золотая осень,
Ждут меня холода.

Возвращаюсь в свое ненастье,
Чтоб о солнце твоём грустить.
Не дано ещё людям власти –
Юг и Север соединить.

Поцелуй меня на прощанье.
Вытри слезы и улыбнись.
Увожу твоё обещанье.
Оставляю мольбу:
«Вернись...»

1980

Размолвка

Уходи! Не держу... Отпусти мою душу,
Как грехи отпускали у нас в старину.
И, хотя кто-то третий все к черту нарушил,
На себя я приму и печаль, и вину.

Не прошу у судьбы ни покоя, ни смерти,
А прошу справедливости только в одном:
Кто во имя любви все поймет и все стерпит,
Тот живет и минувшим, и будущим днем.

Все равно никуда не уйти от былого,
Даже в самые светлые ночи твои.
Между мной и тобой встанет прошлое слово,
Запоздалые слезы и память любви.

Я тебя никогда и ничем не унижу.
Не мужское занятие любовь унижать.
Мы чем дальше с тобой друг от друга –
Тем ближе
Всё, что в нас,
От чего ты хотела бежать.

Не спеши уходить... Отпусти мою душу.
Пусть в судьбе твоей будет всегда благодать.
Мы грозу переждем. И ненастье, и стужу.
Но былое, наверно, нельзя переждать.

1994

Женщина уходит из роддома

Уходит женщина от счастья.
Уходит от своей судьбы.
А то, что сердце бьется чаще, –
Так это просто от ходьбы.

Она от сына отказалась!
Зачем он ей в семнадцать лет...
Не мучат страх ее и жалость.
И только няни смотрят вслед.

Уходит женщина от счастья
Под горький ропот матерей.
Ее малыш – комочек спящий –
Пока не ведает о ней.

Она идет легко и бодро,
Не оглянувшись на роддом, –
Вся в предвкушении свободы,
Что опостылет ей потом.

Но рухнет мир, когда среди ночи
Приснится радостно почти
Тот теплый ласковый комочек,
Сопевший у ее груди.

1974

«Ничего у нас не выйдет...»

Ничего у нас не выйдет.
Мы из разных стай.
Небо твой торопит вылет.
Улетай.

Мы простимся на рассвете,
Вот и все дела.
И смахнет слезинку ветер
С твоего крыла.

Провожая взглядом стаю,
Отыщу тебя.
И печаль моя растает
В зорях сентября.

Но в холодном поднебесье,
Над землей паря,
Провожу тебя я песней –
Светлой, как заря.

И, быть может, песня эта
Облегчит твой путь.
И, вернувшись в чье-то лето,
Ты взгрустнешь чуть-чуть.

1983

«Отцы, не оставляйте сыновей!..»

Отцы, не оставляйте сыновей!
Не унижайте их подарком к дате...
Всё можно изменить в судьбе своей.
Но только сыновей не покидайте.

Пока малы – за них в ответе мать –
От первых слез и до вечерней сказки.
Но как потом им будет не хватать
Мужской поддержки и отцовской ласки.

Им непременно надо подражать
Своим отцам – на то они и дети.
Родную руку молча подержать,
Уйти с отцом рыбачить на рассвете.

Обида вас настигнет иль любовь –
Не уходите... Вы им всех дороже.
Ведь в жилах сыновей отцова кровь.
И заменить ее уже никто не сможет.

1982

«В грустной музыке сентября...»

В грустной музыке сентября
Шорох имени твоего.
Сколько лет я искал тебя
И не знал –
Спросить у кого.

Где была ты все эти годы,
Возле чьих тосковала рук?
Шел к тебе я через невзгоды,
Мимо радостей и разлук.

Ревновал тебя к белым зимам
Потому,
Что была вдали.
И к поклонникам нелюбимым,
И к друзьям,
Что давно ушли.

Ревновал тебя к летним зорям,
К звездам мая
И октября.
Много в жизни узнал я горя
Оттого, что не знал тебя.

1965

«Поздняя любовь...»

Поздняя любовь,
Как поздняя весна,
Что приходит на землю без солнца.
Поздняя любовь чуть-чуть грустна,
Даже если радостно смеется.
Пусть морщины бороздят чело.
Я забыл,
Когда мне было двадцать.
Все равно мне страшно повезло –
Ждать всю жизнь
И все-таки дожждаться
Той любви,
Единственной,
Моей,
Чьим дыханьем жизнь моя согрета.
Поздняя весна...
И пусть за ней
Будет жарким северное лето.

1969

«Все должно когда-нибудь кончаться...»

Всё должно когда-нибудь кончаться.
Жизнь верна законам бытия.
Все быстрее мои годы мчатся,
Все прекрасней молодость твоя.

Перемножу прожитые годы
На свою любовь и на твою.
Пусть скупы лимиты у природы, –
Я тебя стихами повторю.

1994

«Наступил наш юбилейный год...»

Ане

Наступил наш юбилейный год...
Мы его отпразднуем однажды
В день, когда последний снег сойдет
И пробьется к свету первый ландыш.

Юбилей – заветное число.
Грусть и радость на одной странице.
Грустно потому, что все прошло.
Радостно, поскольку все продлится.

Но велик любви моей запас.
И судьба не обойдет нас чашей.
Все бывшее – остается в нас.
Все проходит – заново начавшись.

2004

Среди величавых красот Иудеи...

*Среди величавых красот Иудеи
Я чувствую сердцем начало весны.
Притом, что здесь розы
И осенью рдеют,
А пальмы все зимние дни зелены.*

«Среди величавых красот Иудеи...»

Среди величавых красот Иудеи
Я чувствую сердцем начало весны.

Притом, что здесь розы
И осенью рдеют,
А пальмы все зимние дни зелены.

Но что-то случается и происходит.
То ль стала нежней в небесах акварель,
То ль музыка вдруг
Пробудилась в природе,
Хотя еще в дальних дорогах апрель.

И это невидимое пробужденье
Сначала в себе ощущает листва,
Как мать,
Что предчувствует тайну рожденья,
Как гений, сложив для бессмертья слова.
А мир еще полон сомнений и грусти,
Но он уже знает, что станется впредь.
И я молодею от смутных предчувствий,
Хотя по идее бы должен стареть.

Весеннее время ветрами изранено.
Неяркий закат тихо в море погас.
Природа волнуется встрече заранее
С весной,
Что вначале случается в нас.

2000

«Рулю по библейским дорогам...»

Рулю по библейским дорогам...

Дорожные знаки во мгле
Направлены стрелами к Богу,
Когда Он ходил по земле.

Содом проезжаю, не глядя...
Представив, как с этих высот
Бежал от греха и проклятья
С семьей целомудренный Лот.

Посадит три дерева старец.
И срубят из них три креста.
И Храм в этом месте поставят,
И фреской оплачут Христа.

Хоть верить преданиям – нонсенс, –
Я полон доверия к ним.
И слышу азарт крестоносцев,
И вижу Иерусалим.

Несусь по библейским легендам,
Сквозь память великих страниц.
Навеки обязанный генам,
Что с прошлым не порвана нить.

Рулю по библейским просторам.
По всполохам зорь и огня.
По чьим-то надеждам и стонам,
Ожившим в душе у меня.

2004

«Со времен древнейших и поныне...»

Со времен древнейших и поныне
Иудеи, встретясь, говорят:
«В будущем году – в Иерусалиме...» –
И на небо обращают взгляд.

На какой земле бы мы ни жили,
Всех нас породнил Иерусалим.
Близкие друг другу или чужие, –
Не судьбою, так душою с ним.

Увожу с визиткой чье-то имя,
Сувениры, книги, адреса...
«В будущем году – в Иерусалиме...»
С тем и отбываем в небеса.

...За окном шумит московский ливень.
Освежает краски на гербе.
«В будущем году – в Иерусалиме», –
Мысленно желаю я себе.

1992

«Моя Михайловская ссылка...»

Моя Михайловская ссылка
Проходит на земле Христа,
Где я навек влюбился пылко
В ее библейские места.

Всё здесь возвышенно и свято –
От храмов и до синагог.
Но град Давида в дни шабата
Пустынен, тих и одиноч.

Мы зажигаем в доме свечи
И пьем прохладное вино,
Негромко коротая вечер,
Как это здесь заведено.

Но иногда под настроенье
Мы уезжаем в Тель-Авив.
И забываемся на время,
Поскольку город так красив.

Где жизнь,
Как на иной планете, –
Веселье, блеск и суета...

И подает нам в баре бренди
Еврей, похожий на Христа.

2000

Вечный город

Земля уже предчувствует рассвет.
И алый цвет к лицу Иерусалиму.
Замри, мгновенье! Ты – неповторимо,
Хотя и повторялось тыщи лет.

Восход рисует вновь Иерусалим:
Одно движение гениальной кисти –
И вот уже зазеленели листья,
И вспыхнул Купол, и дома – за ним.

Поклон тебе, Святой Иерусалим!
Я эту землю увидеть не чаял.
И мой восторг пред нею нескончаем,
Как будто я удачливый олим.

А солнце поднимается все выше.
Я с городом Святым наедине.
И снова поражаюсь, как он выжил
В той ненависти, войнах и огне.

Настанет день – сюда сойдет Мессия.
И, встав у замурованных ворот,
Он усмехнется мрачному бессилью
Своих врагов, не веривших в Приход.
В долине состоится Страшный Суд.
Восстанут из могил Иерусалима
Умершие...
И нас судить придут.
И только совесть будет несудима.

«От Российской Голгофы...»

От Российской Голгофы
Голгофе Господней
Поклонюсь...
И пройду этим Скорбным путем.
Все, что было когда-то,
Вершится сегодня.
Повторяется памятью в сердце моем.

Но Голгофой не кончилась эта дорога.
Через души и судьбы она пролегла.
И когда отлучали нас силой от Бога,
Скольким людям в те годы она помогла.

Повторяется жизнь, продолжается время.
И страдальчески смотрит с иконы Христос.
Наши вечные беды, как общее бремя,
Принял Он на себя и со всеми их нес.

Потому, может быть, мы сумели осилить
И тюрьму, и войну, и разруху, и страх,
Что хранила в душе свою веру Россия,
Как хранили Россию мы в наших сердцах.

2000

«Люблю подняться в Старый город...»

Люблю подняться в Старый город,
Чтоб в храме возле алтаря
Свечу поставить,
От которой
В душе затеплится заря.

Еще мне бесконечно дорог
Тот миг у горестной Стены,
Когда я слышу шепот Торы,
Где нет суда и нет вины.

А за Стеной – мечеть Омара
Свой купол к небу подняла.
И возвышается полшара,
Как золотая пиала.

Несовместимость трех религий
Здесь совместил Иерусалим.

И смотрит небо многолико,
Рассыпав звезды перед ним.

1998

«Четвертый год живу среди иудеев...»

Памяти Абрама Когана

Четвертый год живу среди иудеев,
Законы чту и полюбил страну.
И, ничего плохого им не сделав,
Я чувствую в душе своей вину.

Не потому ль, что издавна в России
Таилась к этим людям неприязнь.
И чем им только в злобе не грозили!
Какие души втапывали в грязь!

Простите нас, хотя не все виновны.
Не все хулу держали про запас.
Прошли мы вместе лагеря и войны,
И покаянье примиряет нас.

Дай, Господи, Земле обетованной
На все века надежду и покой...
И, кем бы ни был ты –
Абрамом иль Иваном, –
Для нас с тобой планеты нет другой.

2001

Поездка в ЦФАТ

Встретились мы с ней накоротке
В мастерской среди полотен добрых.
Я читаю номер на руке –
Это смерть оставила автограф.

Узников в фашистских лагерях,
Как скотину, цифрами клеймили.
И развеян по планете прах
Тех, кому отказано в могиле.

Ей невероятно повезло –
Побывать в аду и возвратиться.
И синеет на руке число –
Горестная память Аушвица.

До сих пор пугаясь тех годов,
Пишет Вера радости людские.
Чей-то сад и множество цветов,
Детский взгляд и довоенный Киев.

Но с руки не сходит синий знак...
Я смотрю и молча поражаюсь:
Жизнь ее, прошедшая сквозь мрак,
Излучает свет нам, а не жалость.

Может быть, тому причиной Цфат –
Город живописцев и поэтов.
Выбираю взглядом наугад
Самый светлый из ее сюжетов.

«Здесь север так похож...»

Резо и Мзии Гачечиладзе

Здесь север так похож
На грузинскую природу:
И, когда бушует дождь,
И когда стоят погоды.

Здесь друзья мои живут,
Так же, как в Тбилиси жили:
Дом – изысканный уют.
День – с вином и чахохбили.

Мы за праздничным столом
Отмечаем встречу снова.
Вспоминаем о былом,
Ибо все мы из былого:
Мы оттуда, где была
Дружба, сверенная взглядом.
Где планета так мала,
Что дома стояли рядом.

И когда под шум ветвей
Гениально зазвучали
Песни Грузии моей,
Я омыл глаза печалью.

А пейзаж был так хорош!
Из цветов и солнца соткан,
Он и вправду был похож
На грузинские красоты.

Потому и грусть прошла,
Что душой мы снова схожи,
Словно «завтра» и «вчера...»
Лишь бы день был честно прожит.

2001

«Нас с тобой венчал Иерусалим...»

Ане

Нас с тобой венчал Иерусалим.
И пока ты рядом – жизнь неповторима.
Признаюсь в любви Иерусалиму,
Потому что здесь и я любим.

Этот город, как великий дар,
Принял я в свою судьбу и память.
И, пока его улыбка с нами,
Мне не страшен никакой удар.

Мне не страшно встретиться с бедой,
Лишь бы ты была со мною рядом.
Лишь бы город доброты не прятал –
Наше счастье под его Звездой.

Мы с тобою до последних дней
Под охраной города Святого.
Я хочу в тебя влюбиться снова,
Хоть нельзя уже любить сильнее.

Мир тебе, Святой Иерусалим,
Озаривший светом наши души!
И, пока ты рядом, – день грядущий,
Как твой взгляд, вовек неповторим.

1998

«Из окна отеля “Хилтон”...»

Алону и Кларе Решева

Из окна отеля «Хилтон»
Виден берег Иорданский.
А на море, словно чайки,
Яхты белые снуют.
Ждали, что приедет Клинтон,
Президент, угодник дамский...
Потому-то не случайно
Здесь божественный уют.

И хоть я не новый русский,
Чаевыми не бросаюсь, –
Нас престижно принимают,
Будто царскую семью.
Я смотрю на море грустно,
Как усталый смотрит аист
В небеса, что снова манят,
И на дом в родном краю.

Из окна отеля «Хилтон»
Виден берег Иорданский,
Но не виден отчий берег
И не светится Москва.
Вся надежда на молитву...
Я печали не поддамся,
Потому что я не верю,
Что поможет мне тоска.

А вернемся мы в Россию,
Из окна своей квартиры
Ничего я не увижу –
Ни Бейт-Лехем, ни Эйлат.
Даже берег тот красивый
С огоньками – как пунктиры –
Станет вдруг намного ближе.
И захочется назад.

2001

День дерева

Не перестану удивляться
Тому,
Как много лет назад
Без суеты и агитаций
Пустыню превратили в сад.

Теперь есть день такой,
В который
Выходят все сажать сады.
И потому здесь каждый город
В кругу зеленой красоты.

И я горжусь, что среди многих
Роскошных пальм – есть и мои.
Они стоят вблизи дороги
Как символ искренней любви.

Когда деревья мы сажали,
Я вдруг поймал себя на том,
Что некогда земля чужая
Мне заменила отчий дом.

И как бы жизнь здесь ни сложилась,
Я знаю, что на все года
С Израилем меня сдружила
Ее садовая страда.

2001

«Холмы, как опрокинутые чаши...»

Холмы, как опрокинутые чаши, –
В живых узорах городских огней.
И темные оливковые чаши
На этом фоне кажутся темней.

Иерусалим намерен отоспаться.
И замирает музыка дорог.
И небо – словно черепаший панцирь –
Накрыло город вдоль и поперек.

Как радостно звучит он на иврите –
Иерушалайм... Но в имени его
Есть что-то от трагических событий,
И боль потерь, и славы торжество.

На город сверху смотрят звезды строго
Глазами близких, кто покинул нас.
И даже все не верящие в Бога
В минуты эти слышат Божий глас.

1998

Русские израильтяне

Александру Поволоцкому

Затих самолет...
И прорвалось волнение –
Над скрытым восторгом –
Мальчишеский гвалт.
Старик опустил при всех на колени
И землю Святую поцеловал.

Страна не забыта... Забыты обиды,
Которых в той жизни хватало с лихвой.
И кто-то, быть может, подастся в хасиды.
А кто-то сменил лишь свой адрес и строй.

В России могли их словами поранить...
Израиль их «русскими» сходу нарек.
И «Русская улица» – это как память
Всему, что уже отслужило свой срок.

Но в сердце хранятся семейные даты.
И праздникам нашим оказана честь.
Российские парни уходят в солдаты.
И русская речь не кончается здесь.

А в душах иная страна прорастает
Сквозь беды и радость, бои и бедлам...
И молодость, словно израильский танец,
Несется по прошлым и будущим дням.

И местный пейзаж, как полотна Гогена,
Привычен уже и прочтен наизусть.
И только навеки останется в генах
Необъяснимая русская грусть.

2003

Гефсиманский сад

Христос молился...
Гефсиманский сад
К Его лицу склонил свои оливы.
А за холмами угасал закат.
И Он подумал:
«Боже, как красиво!»

Христос стоял вблизи учеников.
И между ними – горькое молчанье.
А с неба наклонился звездный ковш,
Как будто мог он вычерпать печаль их.

Он говорил: «Душа моя скорбит
Смертельно...»
И просил: «Побудьте рядом».
Своих сомнений и своих обид
Он в эту ночь ни от кого не прятал.

И о себе все зная наперед,
В душе своей не ощущал Он страха.
Не содрогнулся, слыша, как идет,
Гремя оружием, медленная стража.

И Он сказал: «Зачем же на меня
Идете вы с колами и мечами?
Я не разбойник среди бела дня...»
Но те хранили гнусное молчанье.

Дорога шла сквозь злобу и сквозь ложь.
Свое страданье выдавал Он взглядом.
И месяц плыл над Гефсиманским садом,
Как занесенный над землею нож.

1992

Галилейское море

*«...Кто же это, что и ветрам повелевает и воде, и повинуются
Ему?»
Евангелие от Луки*

Разыгрался Киннерет,
На людей осерчал.
Ярость билась о берег,
Как о ветхий причал.

И, мятежную душу
Распахнувши до дна,
Он внимал ей и слушал,
Как металась она.

Как от гнева темнела,
И грозя, и скуля...
И великого гнева
Испугалась земля.

А в пучине мятежной,
В шуме волн и дождя,
Распроставшись с надеждой,
Погибала ладья.

Обреченные люди,
Руки к небу воздев,
Все молили о чуде,
Чтоб смирить этот гнев.

«Мы судьбу не поборем.
Нам дорога – на дно...»
И пошел Он по морю.
И утихло оно.

Как смирившийся пленник,
Смолк Киннерет в тени.
И, упав на колени,
Зарыдали они.

И сходили на берег,
Не стыдясь своих слез.
...В одеянии белом
Удалялся Христос.

2000

«В Рождество Христово выпал снег...»

В Рождество Христово выпал снег.
Старый город выбелен метелью.
Улицы печально опустели,
Словно кто-то совершил набег.

Лавочки закрыты на замок.
Никого – на Виа Долороза.
Город от ненастья изнемог,
Побелел от гнева иль мороза.

Мы идем на Родину Христа.
И незримо с нами Богоматерь.
В синем небе – силуэт Креста,
И бела дорога, словно скатерть.

Вифлеем нас встретил тишиной,
Без рождественских иллюминаций.
И опять пахло здесь войной –
Слабиной Объединенных Наций.

И повсюду битое стекло,
Чьи-то угрожающие строчки...
Может, впрямь Христу не повезло,
Что родился Он в горячей точке.

Необычен был наш путь домой
Через КПП и автоматы...
И стоял Спаситель за спиной,
И смотрел вослед нам виновато.
2002. Иерусалим – Вифлеем

ВИА Долороза

Сквозь гул проклятий и молчанье слез
Дорогой Скорби шел на казнь Христос.

Тяжел был Крест... Изнемогала плоть.
И, обессилив, наземь пал Господь.

Но кто-то поспешил Его поднять...
И вдруг в толпе Христос увидел Мать.

Он с Ней глазами встретился на миг.
Был взгляд Ее – как молчаливый крик.

И с этого мгновенья не судим,
Он чувствовал, что Мать идет за Ним.

И на Голгофе во кровавой тьме,
Когда Христос был поднят и распят,
Она ловила ускользавший взгляд
И с Сыном умирала на Кресте.

И с той поры, чтоб жизнь была чиста,
Мы все проходим Скорбный Путь Христа.

1999

Голгофа

Возвышалось Распятье
На том самом месте,
Где стоял Его крест...
И подумалось мне:
«Наша горькая жизнь –
Это тоже возмездье.
Ибо лживо живем мы
На этой земле».

Я поставил свечу
Возле Гроба Господня.
Я у Господа милости
Поздней просил,
Чтоб великий народ мой
Он к радости поднял.
Чтобы всем нам хватило
Терпенья и сил.

И когда просветлённо
Я вышел из Храма,
Я был полон надежд
Беды все одолеть.
И душа моя,
Словно зажившая рана,
Успокоилась.
И перестала болеть.

1996

Свеча от свечи

В Пасхальную ночь
Небеса зажигают
Все свечи свои,
Чтобы ближе быть к нам.
Под праздничный звон
Крестный ход завершает
Свой круг.
И вливается медленно в Храм.

Вдруг гаснет свеча от внезапного ветра.
И ты суеверно глядишь на меня,
Как будто душа вдруг осталась без света...
Но вспыхнул фитиль от чужого огня.

Свеча от свечи...
И еще одно пламя,
Еще один маленький факел любви.
И стало светлее и радостней в Храме,
И слышу я сердцем молитвы твои.

А люди, что с нами огнем поделились,
Уже не чужие – ни мне, ни тебе.
Как будто мы с ними душой породнились.
И лица их словно лампы светились.
И свет их останется в нашей судьбе.

2000. Иерусалим

«На скалах растут оливы...»

Ане

На скалах растут оливы.
На камне цветут цветы.
Живут средь камней олимпы¹,
Как рядом со мною – ты.

Я твой нареченный камень.
Крутой и надежный грунт.
Попробуй меня руками,
Почувствуешь, как я груб.

Но весь я пророс цветами
И нежностью их пророс.
Со мной тебе легче станет
В минуты ветров и гроз.

Я твой нареченный камень,
Согретый огнем любви.
Когда же мы в бездну канем,
Ты вновь меня позови.

1998

---

¹ Олимпы – репатрианты.

«Мне снится вновь и не дает покоя...»

Мне снится вновь и не дает покоя
Моя Обетованная земля,
Где вдоль дорог зимой цветут левкои
И подпирают небо тополя.

А небо голубое-голубое.
И солнце ослепительное в нем.
Нам, как нигде, здесь хорошо с тобою.
Со всеми вместе.
И когда вдвоем.

И я молю Всевышнего о том лишь,
Чтоб здесь был мир...
И ныне, и всегда...

Вставал рассвет над городом,
Ты помнишь?
И угасала поздняя звезда.

Иерусалим светился куполами,
Вычерчивая контуры церквей.
В лучах зари – как в золоченой раме –
Вновь поражал он красотой своей.

Еще с тобой мы встретим не однажды
Библейских зорь неповторимый вид,
Чтоб сумрак не касался жизни нашей,
Как не коснулся он моей любви

2003

«На фоне гор и моря – пальмы...»

На фоне гор и моря – пальмы.
Как фрейлины небесных вахт...
Не то, чтобы в нарядах бальных,
Но при жабо и кружевах.

Мне по душе их величавость
И этот горделивый лик.
Они стоят – не то печальсь,
Не то задумавшись на миг.

Весьма загадочны при этом,
Как будто что в себе таят...
Но не спешат своим секретом
Делиться с кем-то наугад.

Не как российские березы,
Что так открыты и светлы.
И в май, когда приходят слезы,
И плачут белые стволы.

И в дни, когда, по грудь в сугробах,
По селам вдоль дорог стоят, –
Не государыни, не снобы,
А русский хор и детский сад.

Но я их сравнивать не стану.
Мне эти дороги и те...
Я выйду к морю спозаранок,
Чтоб изумиться красоте.

2004

«И вновь февраль...»

И вновь февраль...
И вновь цветет миндаль.
Наверно, прошлый век
Сюда вернулся...
И та же бесконечная печаль.
И все привычно, как биенье пульса.

Мне кажется, здесь жизнь моя прошла.
И снова память давней раной ноет.
И только нет ни года, ни числа,
Как будто все случилось не со мною.

Как будто все случилось не со мной,
А с кем-то, для кого я стал повтором.
И кто-то в бесконечности земной
Глядит на мир моим печальным взором.

И потому ловлю себя порой
На мысли, что я был уже когда-то.
И жизнь моя – как код или пароль,
Чтоб вновь войти во все года и даты.

Чтобы войти в твою любовь опять.
В былые дни, что возродятся с нами.
И ничего в себе не повторять,
Как будто мы друг друга не узнали.

2000

Новогоднее

До чего же мы устали
От московской суеты.
От писательских баталий
И от светской пустоты.

И, забыв про все на свете,
Мы летим в Иерусалим,
Чтобы Новый год здесь встретить
Рядом с небом голубым.

На Святой земле, как прежде,
И зимой цветут цветы...
Жаль, бываем мы все реже
В этом царстве красоты.

Жаль, что жизнь здесь стала круче
Со взрывчаткой и стрельбой.
И, страданием измучен,
Стал Израиль моей судьбой

И, хотя еврейской крови
Нет ни в предках, ни во мне,
Я горжусь своей любовью
К этой избранной стране.

2000

Арад

Але Рубин

Для меня пустыня Негев
Необычна и загадочна.
Как, наверно, снег для негров
Или фильмы для Хоттабыча.

На востоке той пустыни,
Где ветра дороги вымели,
По ночам оазис стынет –
Новый город с древним именем.

А вокруг него пустыня,
Обнаженная, как искренность.
И над скалами пустыми
Только небо и таинственность.

Но когда восходит солнце,
Город тот преображается.
Он сквозь лилии смеется,
Сам себе он поражается.

В живописном том укрытии
Я влюбился, будто смолоду,
И в его веселых жителей,
И еще в их верность городу.

Приезжаю, как на праздник,
На крутую землю Негева.
Навидался стран я разных,
А сравнить с Арадом некого.

2000

«Они хотели жить со всеми в мире...»

Они хотели жить со всеми в мире,
Иметь свой дом, свободную страну.
Но их святые Храмы разгромили
И жизнь саму поставили в вину.

Спасаясь от несправедного гнева,
Они искали мир в чужих краях.
Где общим было только небо
И где своими стали боль и страх.

Их уводили в рабство, истязали.
Не потому ли дети с давних пор
Рождаются с печальными глазами,
В которых замер вековой укор.

1992

«Я в Израиле, как дома...»

Я в Израиле, как дома...
На подъем душа легка.
Если ж мы в разлуке долго,
Точит душу мне тоска.

Там таинственные пальмы
Ловят в веер ветерок.
Как любил свой север Бальмонт,
Так люблю я свой Восток.

Море катит изумруды
И крошит их возле скал.
Если есть на свете чудо,
То его я отыскал.

Отыскал библейский остров –
Вечный берег трех морей,
Где живу легко и просто,
Вместе с Музою моей.

Всех душою принимаю.
Взглядом всё боготворю.
В ноябре встречаюсь с маем
Вопреки календарю.
Я в Израиле, как дома.
Только жаль, что дома нет.

Снова гул аэродрома.
И беру я в рай билет...

2004

Парад в Иерусалиме

Михаилу Зархи

Девятого Мая с утра
Уходят на фронт ветераны...
Уходят в кровавые годы,
В окопы свои и атаки.
Не всем суждено было выжить.
Но всем суждено победить.

И вновь они к подвигам годны,
Хотя разболелись их раны,
Как память болит в непогоды.
И громко проносятся танки
По судьбам, по горестным годам...
И так им не терпится жить.

Сверкают победно медали,
Блестят ордена, как обновы,
На стареньких кителях.
Они их на праздник достали,
Чтоб сердцем почувствовать снова
Великую нашу Победу,
Добытую ими в боях.

Идут ветераны сквозь годы,
Сквозь память свою и бессмертье.
Стараясь держать то равенье,
Что только солдатам дано.
И подняты головы гордо.
И кажется – замерло время,
Как вздох над солдатским конвертом,
Как ответ Победы в окно.

2000

Детский зал музея «Яд-Вашем»

На черном небе тихо гаснут звезды.
И Вечность называет имена.
И горем здесь пропитан даже воздух,
Как будто продолжается война.

Который год чернеет это небо,
Который год звучат здесь имена,
И кажется, что это смотрит слепо
На всех живущих горькая вина.

Простите нас, ни в чем не виноватых.
Виновных только в том, что мы живем.
Ни в жертвах не бывавших, ни в солдатах,
Простите нас в бессмертии своем.

На черном небе вновь звезда погасла...
Я выхожу из памяти своей.
А над землей, покатою, словно каска,
Зовут и плачут имена детей.

1999

«В Ашкелоне убили солдата...»

В Ашкелоне убили солдата.
Просто так, «за здорово живешь».
Видно, юность была виновата
В том, что кто-то схватился за нож.

А еще виновата Россия,
Потому что был русским солдат.
И не очень иврит он осилил,
И друзьям из Сибири был рад.

Не понравилось это соседям –
Речь его и веселая прыть.

...По России везут на лафете
Сына двух государств хоронить.

Уезжал он в Израиль не за смертью.
Не затем, чтобы лечь под гранит.
Не успел в жизнь чужую всмотреться,
Речь родную сменять на иврит.

2000

Парижская израильтянка

Они стояли на автобусной остановке – несколько мальчиков и девочек в военной форме, – когда молодой палестинец, разогнав грузовик, умышленно врезался в гущу ребят. Среди погибших оказалась и юная парижанка, недавно приехавшая в Израиль.

Тебе бы жить в иные годы.
Иные помыслы иметь.
Носить шелка, а не погоны.
И в двух шагах не видеть смерть.

Тебе бы жить в иной столице,
Где не стреляют по ночам
И где пришла б пора влюбиться
И обустроивать очаг.

Тебе бы...
Но уж так сложилось...
И, доли радуясь своей,
Ты приняла ее, как милость,
Как принимают здесь друзей.

А мать тревожится в Париже...
Порой всплакнет наедине.
О, как ей хочется быть ближе
К Святой земле,
К твоей стране.

...На остановке с автоматом
Стоит девчонка, цедит сок.
И улыбается ребятам,
Забыв, что под боком Восток.

Но, видно, все во власти Божьей.
И ненасытная война
Тебя настигла в день погожий...
И множит траур имена.

2001

Лот и его жена

Когда они бежали из Содома,
Бог запретил оглядываться им.
Но женщина, прощавшаяся с домом,
Не справилась с волнением своим
И оглянулась... камнем соляным.
С тех пор в неволе дух ее томится
И вырваться из камня норовит,
Чтоб запоздало Небу помолиться,
За давний грех испытывая стыд.

2001

Мертвое море

В Мертвом море столько соли,
Сколько мрака в темноте.
Ты, – как лодка на приколе, –
Отдыхаешь на воде.

Под тобою только камни
Да просоленный настил.
А вдали валун, как мамонт,
Бивни в воду опустил.

А вдали пустынный берег,
Иорданская земля.
Ты не хочешь мне поверить,
Что сейчас туда нельзя.

Что обманчив тихий берег
И жестоки времена.
Невзначай еще подстрелят.
Разбирайся – чья вина.

Ведь не зря на этом месте
Был Содом – библейский град.
И плывет со мною крестик,
И плывет с тобой мой взгляд.

2003

«В Иерусалиме выпал русский снег...»

В Иерусалиме выпал русский снег...
Наверное, мы поменялись небом.
Снег много лет в Иерусалиме не был.
И прежние пейзажи тут же сверг.

Был беспощаден белый гнет его.
Деревья молча мучились в бессилье.
И ветви, как поломанные крылья,
Печальное являли торжество.

И все же снег был радостен притом.
И дети, не видав доселе снега,
Ему смеялись... И такого смеха,
Наверное, не каждый помнил дом.

Но снег растаял...
Около Креста
Светило на мгновенье задержалось.
И сердце от любви и боли сжалось.
И обнажился Скорбный Путь Христа.

1992

«В стране, что любим мы по-разному...»

В стране, что любим мы по-разному,
Где начиналось все с нуля,
Весну с друзьями вместе праздную,
Когда в снегу моя земля.

И вновь среди цветов ухоженных
Грущу по русским холодам.
Дай Бог, чтоб мы с тобою дожили
До прошлых дней, не изменивших нам.

Но я не вправе осуждать сограждан,
Покинувших навек гнездо свое.
И землю Иудейскую избравших,
Поскольку Бог им завещал ее.

А мне навек завещана Россия.
И как бы ни любил Иерусалим,
Я боль и грусть, наверно, пересилю,
Чтоб и в Москве не расставаться с ним.

1999. Иерусалим

В больнице Шаарей-Цедек

Иосифу Альбертону

Слева от меня звучит иврит.
Что-то дед хирургу говорит.
Справа от меня лежит араб.
Как сосед – он так же стар и слаб.

Сын араба молится в углу,
Коврик постеливши на полу.
Сын еврея, отодвинув стул,
Первый раз за сутки прикорнул.

А меж ними русский. Это – я.
Интернациональная семья.
И спасает жизни всем хирург.
И тому – кто недруг,
И кто – друг.

И лежу я, как посредник, тут,
Зная, что опять бои идут.
И араб, что справа, и еврей –
Ждут чего-то от души моей.

А душа сгорела в том огне,
Что пронесся смерчем по стране.
И рыдает боль моя навзрыд...
Как мне близок в этот миг иврит.

2001. Иерусалим

«Немало встречал я в Израиле лиц...»

Немало встречал я в Израиле лиц
С глазами то мучениц, то озорниц.
С улыбкой Эстер и печалью Рахили...
Как будто сошли они с древних страниц
И светом добра мою жизнь озарили.

По улице, как галереей, иду.
С портретами женскими молча общаюсь.
Быть может, за то, что я так восхищаюсь,
Красавица мне приколола звезду.

В Израиле много божественных лиц,
Оживших легенд и библейских преданий.
Историю не увезешь в чемодане.
И даже на память не вырвешь страниц.

Поэтому, чтобы унять свою грусть,
На землю Святую я снова вернусь.

2001

Весенняя телеграмма

Рине Гринберг. Вице-мэру. Кармиэль.

Если можешь – приезжай в Иерусалим.
На дворе давно уже апрель.
Я хочу тебя поздравить с ним.

Пусть покинет душу суета...
В синих окнах – Гойя и Сезан.
И апрельских красок красота
Очень уж идет твоим глазам.

И хотя твой север несравним
С южными пейзажами пустынь, –
Все же приезжай в Иерусалим.
У Стены мы рядом постоим.

Вместе Старым городом пройдем.
И с балкона дома моего
Ты увидишь в полночи свой дом,
Ибо свет исходит от него.

И среди забот и добрых дел
Береги души своей уют.
Вот и все, что я сказать хотел.
Длинных телеграмм здесь не дают.

2000

Прощание с Израилем

Михаилу и Елене Богдановым

Мы постепенно покидаем
Сей край библейский...
Но когда
Нас позовет земля Святая,
Мы возвратимся вновь сюда.

Нам есть что вспомнить...
Это время
Прошло не даром и не зря.
Смешалось всё – успех и бремя,
На чем и держится Земля.

Дай Бог здоровья всем и счастья,
Удач нервующую нить.
Спасибо, что пришлось общаться
И так восторженно дружить.

2001

«Я все с тобой могу осилить...»

Ане

Я все с тобой могу осилить
И все могу преодолеть.
Лишь не смогу забыть Россию
Вдали от дома умереть.

Как ни прекрасна здесь природа
И сколько б ни было друзей,
Хочу домой.
И час исхода
Неотвратим в судьбе моей.

Когда вернемся мы обратно
В свои российские дела,
Я знаю, что ты будешь рада
Не меньше, чем уже была.

Но вдруг однажды к нам обоим
Придет во сне Иерусалим...
И если мы чего-то стоим,
Мы в то же утро улетим.

И, окунувшись в жаркий полдень,
Сойдем в библейскую страну.
И все, что было с нами, – вспомним.
И грусть воспримем, как вину.

1999

«Я иду по городу Давида...»

Я иду по городу Давида.
Возвращаюсь к прожитым годам.
Я иду... И по улыбке видно,
Как мне дорог этот Город-Храм.

Прохожу старинные кварталы,
Поднимаюсь на гору Сион.
Здесь душа надежду обретала,
Слыша зовы будущих времен.

Я иду по городу Давида.
По земле и горестям Христа.
И бредет за мною, словно свита,
Тень от разноцветного куста.

Много повидал я стран заморских.
Лез в азарт, как белка в колесо.
Отстучали азбукою Морзе
Все ступени Прадо и Д'Орсо.

Но второго Иерусалима
На планете не было и нет...
Я иду восторженным олимом
По Святому городу легенд.

Снова благодарно припадаю
Я к библейским датам и местам...
И молчит в ответ земля Святая,
Виидно, тоже благодарна нам.

2004

Вновь без тебя здесь началась весна Памяти сына

*Вновь без тебя здесь началась весна.
Всё без тебя теперь на этом свете –
И пенье птиц, и легкий взмах весла,
И тихая рыбалка на рассвете...*

«Вновь без тебя здесь началась весна...»

Вновь без тебя здесь началась весна.
Всё без тебя теперь на этом свете –
И пенье птиц, и легкий взмах весла,
И тихая рыбалка на рассвете...

Печален сад, где рухнул твой шалаш.
И старый домик, возведённый дедом,
Стал одинок, как и родной пейзаж,
Что оживал с твоим веселым детством.

Последний раз мы были здесь с тобой,
Когда уже за речкой жито жали.
Взбежали ели на обрыв крутой,
Которые с Мариной вы сажали.

1998

Не дай вам Бог терять детей...

Не дай вам Бог терять детей...
Ведь если следовать Природе,
Сперва родители уходят.
Но нету графика смертей.

И страшно – если гибнут дети.
От пуль, от боли, от измен.
А им бы жить да жить на свете.
И не спешить в бессрочный плен.

Я живу вне пространства...

Я живу вне пространства.
Вне времени, вне адресов.
Я живу в бесконечности
Горя и боли.
Потому и не слышу родных голосов,
Вызволяющих душу мою из неволи.

Я пока эту боль побороть не могу.
И, наверно, уже никогда не сумею.
Как пустынно теперь на моем берегу,
Навсегда разлученному с жизнью твоею.

4 октября 1969 года – День рождения сына

«Что же ты, сын, наделал?..»

Что же ты, сын, наделал?
Что же ты натворил?
Ангел твой, будто демон,
Даже не поднял крыл.

Даже не попытался
Предотвратить беду.
Где он там прохлаждался
В райском своем саду?

Господи, Ты прости мне
Горькую эту речь.
Что ж не помог ты Диме
Жизнь свою уберечь?

Чем я Тебя прогневал,
Если в потоке зла
Эта немилость Неба
Душу мою сожгла?

29 августа 1996 года – День его гибели

«Он тебе напоследок признался в любви...»

Он тебе напоследок признался в любви.
Не словами, не взглядом,
А пулей шальнойю.
С этой жуткой минуты
Все будни твои
Поплывут по душе бесконечной виною.

Он обидой своей зарядил пистолет.
Ты не знала, что слово страшней пистолета.
И оно сорвалось...
И прощенья нет.
И прощенья не будет на многие лета.

А в душе моей все еще горько звучит
Эхо выстрела,
Что прозвучал в вашем доме.
И я слышу, как внук мой
Негромко кричит,
Сиротливо к глазам прижимая ладони.

1996

«Днем и ночью я тебя зову...»

Днем и ночью я тебя зову.
Суеверно думаю о встрече.
Я не знаю – для чего живу,
Если жизнь порой заполнить нечем.

Все я жду, что ты приснишься мне.
Скажешь то, что не успел при жизни.
И, быть может, только в горьком сне
Я пойму нелепость этой тризны.

1996

«Остались фотографии...»

Остались фотографии.
Кассета.
Два-три письма.
И больше ничего.
Последний день
Безжалостного лета.
Стою у гроба сына своего.

Смотрю сквозь слезы.
Не могу смириться,
Что это правда,
А не страшный сон.
Ему хватило мужества решиться
Уйти,
Когда он был так искренне влюблен.

И, не простив и не успев проститься,
Из жизни, как из дома, вышел он.
И кажется – его душа, как птица,
Влетает слепо в колокольный звон.

1996

«Когда в сердцах нажал ты на курок...»

Когда в сердцах нажал ты на курок,
Быть может, тут же пожалел об этом.
Но было поздно...
Черным пистолетом
Уже владел неумолимый рок.

Тем выстрелом я тоже был убит.
Хотя живу
И, словно старый аист,
К высотам давним
Всё взлететь пытаюсь,
Где жизнь твоя не ведала обид.

А здесь цветами убрана земля.
С портрета смотришь ты
Печальным взглядом.
Придет мой день –
Я в землю лягу рядом.
И лишь тогда
Отпустит боль меня,

1996

«Каждый день я помню о тебе...»

Каждый день я помню о тебе.
С каждым днем всё на душе тоскливей.
Помню, в том далеком декабре
Над Москвою разразился ливень.

Боже мой, ты был еще так мал!
Тяжело, когда болеют дети...
Может, нас Господь предупреждал,
Что слезами жизнь твою пометил.

Ты не плакал – не хватало сил.
Плакал я
Сквозь боль твою и муки.
Бога я отчаянно просил,
Чтобы он не допустил разлуки.

В тот декабрь тебя спасла любовь.
Мальчик мой – единственный на свете.
Помню все...
Переживаю вновь,
Что слезами Бог
Твой путь отметил.

1996

«Когда луна свой занимает пост...»

Когда луна свой занимает пост
И тишина весь Божий мир объемлет,
Я чувствую, как под присмотром звезд
Душа твоя торопится на землю.

Андрюшка спит и ничего не знает,
Что дух твой над его судьбой парит,
Надеясь, что судьба его земная
Твоих обид и бед не повторит...

Я чувствую, что где-то близко ты
Далеким взором смотришь из былого.
Но не достичь твоей мне высоты,
Как и тебе не слышать это слово.

1996

«Как же я не почувствовал...»

Как же я не почувствовал,
Не уловил,
Что душа твоя медленно
Падала в пропасть.
Что в тебе не осталось
Ни веры, ни сил...
Лишь обида осталась
Да детская робость.

И в последние дни
Своей горькой любви,
Когда ты уходил в себя,
Словно в подполье,
Ты воздвиг себе храм
На грядущей крови,
Символический храм
Из надежды и боли.

Но молитвы твои
Не дошли до небес.
Не услышало их
Равнодушное сердце.
Чтоб все разом решить,
Ты навеки исчез.
Ничего не нашел ты
Надежнее смерти.

1996

«Я молюсь о тебе в Иудейской стране...»

Я молюсь о тебе в Иудейской стране.
Я молюсь за тебя на земле Иисуса.
Но от этих молитв
Только горестней мне.
Не сниму я с души
Непосильного груза.

Я в одном виноват –
Что в тяжелые дни,
Когда ты в моем слове
И в дружбе нуждался,
Твоя жизнь для меня
Оказалась в тени
И понять ее издали
Я не пытался.

Мне казалось,
Что всё образуется вновь.
Как уже не однажды бывало с любовью.
Я иду за тобою в ту страшную ночь...
И склонилась звезда к твоему изголовью.

1997

«Я живу, как в тяжелом сне...»

Я живу, как в тяжелом сне.
Вот очнусь, будет все иначе.
И вернется та жизнь ко мне,
Где тебя я с восторгом нянчил.

А когда ты чуть-чуть подрос,
Я придумывал на ночь сказки,
Чтобы слаще тебе спалось
От веселой отцовской ласки.

Помню первое сентября –
Школьный двор, твой огромный ранец.
Было внове все для тебя,
Мой растерянный «новобранец».

Годы шли... И уже твой сын
Пошагал в ту же школу с нами.
Так и дожил я до седин,
Не догадываясь о драме.

Ты не очень-то был открыт.
Потому в те крутые годы
Я не спас тебя от обид.
И, наверно, любви не додал.

1996

«Мне Героя Соцтруда...»

Мне Героя Соцтруда
Вождь не вешал.
Но взошла моя звезда
В небе вешнем.

Дали имя ей мое
И фамилию.
Жизнь промчалась без нее
Звездной пылью.

И нисходит к нам дрожа
Ливень света.
Может, Димина душа
Рядом где-то...

Обласкай ее теплом
В райских куцах...
Мы расстались с ней в былом
И в грядущем.

И когда настанет час
Новой встречи,
Пусть Звезда проводит нас
В Вечность.

1997

«Как я хотел бы в прошлое вернуться...»

Как я хотел бы в прошлое вернуться.
Проснуться вдруг
От раннего звонка.
Услышав голос сына,
Улыбнуться.
Поговорить...
Потом сказать – «Пока».
Не зная,
Что дорога коротка.

1997

«На Святую землю опустилась ночь...»

На Святую землю опустилась ночь.
Небо звезды уронило в город.
Я услышал голос:
– Чем тебе помочь?
Ты уже не так силен и молод. –

Я ответил:
– Мне помочь нельзя.
Оборвались все дороги к сыну.
И когда меня возьмет земля, –
Я без грусти этот мир покину.

Не могу я без его любви.
Он всю жизнь мою собою занял.
Тот же голос мне сказал:
– Живи...
Принял я и это наказание.

1997

«Несправедливо мир устроен...»

Несправедливо мир устроен:
Он то жесток, то суетлив.
И так мне не везло порою!
Но ты был жив...

Решив уехать из России
В край Откровений и олив,
Я знал: замучит ностальгия.
Но ты был жив...

Но ты был жив,
И мне казалось,
Я слышу голос твой: «Держись...».
А год иль два – такая малость,
Когда была в запасе жизнь.

Но ты не знал и я не думал,
Что рано кончится запас.
И, как пылинку, ветер сдунул
Надежду, что роднила нас.

И жизнь моя осталась в прошлом,
Где мы с тобой наедине...
И не в Кабуле, и не в Грозном –
Погиб ты в собственной войне.

И, проиграв ценою жизни,
И, победив ценой любви,
Ты был, наверно, Богом призван
На все сражения свои.

1998

«Мне очень тебя не хватает...»

Мне очень тебя не хватает.
Но слышится голос в тиши.
И мысли мои улетают
На поиски бедной души.

Я вновь суеверно пытаюсь
Почувствовать в холоде звёзд,
Что где-то там прячется аист,
Который мне сына принес.

1998

«Сегодня ты приснился мне...»

Сегодня ты приснился мне.
И крикнул весело: «Есть повод...»
О, Господи! Хотя б во сне
Тебя увидел я живого.

Тебя увидел я таким,
Каким ты был на самом деле.
Любил футбол... Ходил в «Пекин»,
Где вы с ребятами «гудели».

Любил ты сына и жену.
Возил их в августе на Каспий.
И далеко бросал блесну.
И не любил ни ссор, ни распрей.

Ты был романтиком во всем.
Не жаловал житейских тягот.
И жизнь крутилась колесом.
И ты в нее был шумно втянут.

Красив, улыбчив и остер,
Ты был душой любых компаний.
И мог разжечь в грозу костер.
И дать займы, и правдой ранить.

Сегодня ты приснился мне.
И на какое-то мгновенье
Остались мы наедине...
Но вдруг растаяло виденье.

1998

«Третий год я на Святой земле...»

Третий год я на Святой земле.
Третий год покой твой непробуден.
Я всё жду, что ты приснишься мне.
Встреч иных у нас уже не будет.

Я всё жду, что ты приснишься мне.
И когда Господь окажет милость, –
Я узнаю, что в ту ночь случилось,
Лишь бы нам побыть наедине.

Тайну смерти знаешь ты один.
Тайна жизни – тайной и осталась.
Ты меня не провожаешь в старость.
Я тебя в разлуку проводил.

1999

«Как много нас – людей одной судьбы...»

Как много нас – людей одной судьбы.
Одной беды...
Мы все похожи взглядом.
Я узнаю среди любой толпы
Тех,
С кем в несчастье
Мне стоять бы рядом.

К твоей могиле ходит чья-то мать.
Она, как я, похоронила сына.
Наверно, в одиночку ей страдать
Уже невыносимо.

Но я ничем помочь ей не могу,
Как и она ничем мне не поможет.
Стоим мы на нездешнем берегу,
На двух печальных призраков похожи.

1999

«Надо мне с тобой поговорить...»

Надо мне с тобой поговорить.
Многое сказать мы не успели,
И откуда в юных эта прыть?
Вы хотите сразу быть у цели.

Ну а если на пути стена
Или ложь в неодолимом чине –
К сердцу подступает слабина...
Впрочем, это не твоя вина.
Это мы вас жить не научили.

2000

«Я в память собираю по крупицам...»

Я в память собираю по крупицам
Подробности всех наших прошлых встреч.
Пускай в стихах твоя судьба продлится,
Коль жизнь тебе я не сумел сберечь.

Мы никогда не встретимся с тобою.
Мир рухнул вдруг на горьком рубеже.
И каждый день во мне наполнен болью.
И дней иных я не – дождусь уже.

Но, может быть, кому-нибудь поможет
Страданием напоенная строка.
И чей-то сын почувствует, быть может,
Что мать к нему уже не так строга.

И что отец теперь не сильно занят,
И время есть сходить в кино вдвоем...

Как часто наше невниманье ранит,
Как поздно это мы осознаем.

2000

«Пятый год как нет тебя со мною...»

Пятый год как нет тебя со мною.
Только начал жить –
Уже итог.
Видно, суждено так...
А с судьбою
Безнадёжны компромисс и торг.

Принимаю жизнь, как наказание,
Как неискупленную вину...
Ни молитвами и ни слезами
Я былое наше не верну.

И чем больше времени проходит,
Тем необъяснимей твой уход...

Ничего вокруг не происходит.
Ничего не происходит – пятый год.

2001

«Я верил – на Святой земле...»

Я верил – на Святой земле
Господь поможет выжить мне.
И выжил я.
И одолел беду.
И снова к ней иду, иду....

2001

Мы скаковые лошади азарта...

Строфы

*Мы – скаковые лошади азарта.
На нас еще немало ставят карт.
И, может быть,
Мы тяжело рухнем завтра.
Но это завтра...*

А сейчас – азарт.

Мы скаковые лошади азарта...

Мы – скаковые лошади азарта.
На нас еще немало ставят карт.
И, может быть,
Мы тяжело рухнем завтра.
Но это завтра...

А сейчас – азарт.

«У меня от хамства нет защиты...»

У меня от хамства нет защиты.
И на этот раз оно сильней.
А душа немеет от обиды.
Неуютно в этом мире ей.

«Лишь рядом со смертью...»

Лишь рядом со смертью
Вдруг сердце пронзит
Забывтое чувство вины
Перед теми,
С кем делишь привычно
Судьбу или быт.
К кому привыкаешь,
Как к собственной тени.

«У нас в России власть не любят...»

У нас в России власть не любят.
Быть может, не за что любить.
Но лишь от власти той пригубят
И всё готовы ей простить.

«Вновь по небу скатилась звезда...»

Вновь по небу скатилась звезда.
Грустно видеть,
Как падают звезды.
Провожая друзей в НИКУДА.
В непришедшие зимы и весны.

Провожая друзей в НИКУДА.
Слава богу, что ты молода.

«Я заново жизнь проживу...»

Я заново жизнь проживу,
Уйдя в твои юные годы.
Забуду знакомые коды
И старые письма порву.
А память, как белый листок, –
Где имя твое заструится.
Исчезнут прекрасные лица.
И станет началом итог.

«Чтобы сердце минувшим не ранить...»

Чтобы сердце минувшим не ранить
И не жечь его поздним огнем, –
Не будите уснувшую память,
А живите сегодняшним днем.
Вас судьба одарила любовью?
Осенила волшебным крылом?
Не гадайте, что ждет вас обоих,
А живите сегодняшним днем.

«Жизнь нуждается в милосердии...»

Жизнь нуждается в милосердии...
Милосердием мы бедны.
Кто-то злобствует, кто-то сердится,
Кто-то снова в тисках беды.
Жизнь нуждается в сострадании...
Наши души – как топоры:
Слишком многих мы словом ранили,
Позабыв, что слова остры.

«Мамы, постаревшие до времени...»

Мамы, постаревшие до времени,
Верят, что вернутся сыновья.
Жены их, сиротами беременны,
То боятся правды, то вранья.

«Наша жизнь немного стоит...»

Наша жизнь немного стоит.
Потому и коротка.
Вся Россия тяжело стонет
В стыдной роли бедняка.
Наша жизнь не много стоит,
Как недорого честный труд.
Нас то гимна удостоят,
То в заложники берут.

«Печально и трепетно письма твои...»

Печально и трепетно письма твои
Давно отпылали в камине.
А в сердце моем уголечек любви
Еще освещал твое имя.

«Нас разлучило с мамой утро...»

Нас разлучило с мамой утро.
Ее я обнял у дверей.
Взрослея, все мы почему-то
Стыдимся нежности своей.

«Я к этой жизни непричастен...»

Я к этой жизни непричастен.
В ней правит бал одно жулье.
Я к этой жизни непричастен.
И совесть – алиби мое.

«Прихожу в твой опустевший дом...»

Прихожу в твой опустевший дом
И виденье отогнать пытаюсь...
Ты стоишь, как одинокий аист,
Над своим разрушенным гнездом.

«Одни по воротам целят...»

Одни по воротам целят.
Другие играют в пас.
Неважно, как нас оценят.
Важней – чем вспомнят нас.

«Уезжают мои земляки...»

Уезжают мои земляки.
Уезжают в престижные страны.
Утекают на Запад мозги.
Заживают обиды, как раны.
Уезжают мои земляки.
Но бывшее ничем не заменишь.
От себя никуда не уедешь.
И несутся оттуда звонки...

«Если женщина исчезает...»

Если женщина исчезает,
Позабыв, что она твой друг, –
Значит, мир ее кем-то занят.
До бывшего ей недосуг.
Если женщина пропадает,
Не веди с ней ревнивый торг.
Значит, кто-то другой ей дарит
Непонятный тебе восторг.

«На фоне бедности российской...»

На фоне бедности российской
Постыдна роскошь торгашей.
Засилье «мерсов» и «поршей».
Банкеты, бриллианты, виски...

А где-то старики над миской
Добреют от чужих борщей.

«О, как порой природа опрометчива!...»

О, как порой природа опрометчива!
То подлеца талантом наградит,
То красотой поделится доверчиво
С тем, за кого испытываешь стыд.

«Уже ничто от бед нас не спасает...»

Уже ничто от бед нас не спасает.
Надежда, как и боль, – невоготу.
Вот так под фарой мчится заяц,
Не смея прыгнуть в темноту.

Над ним мерцают тускло звезды
И света злое колдовство.
И лишь нежданный перекресток
Спасет от гибели его.

«Неважно, кто старше из нас...»

Неважно, кто старше из нас,
Кто моложе.
Важней, что мы сверстники
Горьких времен.
И позже история все подытожит.
Россия слагалась из наших имен.

«Я из этого времени выпал...»

Я из этого времени выпал.
Как из Родины выбыл.
И мы уже не считаем потерь –
Кто там в какой стране.
Хорошо, что меня не оставила Тверь
С отчаяньем наедине.

Иерусалим

«Какая-то неясная тревога...»

Какая-то неясная тревога
Мне сердце вечерами холодит.
То ль ждет меня опасная дорога,
То ль рухну я под тяжестью обид,
То ли с тобою что-нибудь случится.
И я не знаю, как предостеречь.
То ли из сердца улетела птица
И замерла возвышенная речь.

«Я эти стихи для тебя написал...»

Я эти стихи для тебя написал.
Прочтешь – сохрани иль порви.
Душа твоя – это единственный зал,
Где верят стихам о любви.
Когда же судьба мне поставит печать
На пропуск уйти в мир иной,
Я знаю – в том зале все будут звучать
Стихи, разлучившись со мной.

«Московская элита...»

Московская элита
Собой увлечена.
И все в ней знаменито.
И всем вершит она.
В ней есть свои кумиры
И гении свои...
Роскошные квартиры.
Престижные чаи.

«Поэзия в опале...»

Поэзия в опале.
В забвенье имена.
О, как мы низко пали,
Как пала вся страна.
И что теперь мне делать
Без помыслов своих?
И вскинут флагом белым
Мой одинокий стих.

«Что же натворили мы с Природой?!...»

Что же натворили мы с Природой?!
Как теперь нам ей смотреть в глаза,
В темные отравленные воды,
В пахнувшие смертью небеса?
Ты прости нас, бедный колонок,
Изгнанный, затравленный, убитый...
На планете, Богом позабытой,
Мир от преступлений изнемог.

«Это вечная тема...»

Это вечная тема –
Конфликт поколений.
И когда нас не будет –
Продолжится спор.
Это было до нас,
Это будет со всеми.
Ведь былое – грядущему
Вечный укор.

«Живу в красотах пасмурного дня...»

Живу в красотах пасмурного дня.
И так легко мне под дождями дышится.
Но лишь одно здесь мучает меня:
Не пишется.

«Ты верни, судьба, мне прежний голос...»

Ты верни, судьба, мне прежний голос.
Ненависть вложи в мои слова.
Наша жизнь жестоко раскололась
На ворье и жертвы воровства.

«Я забываюсь работой и музыкой...»

Я забываюсь работой и музыкой.
Забываюсь от прошлых своих утрат.
Не хочу, чтобы жизнь
Стала улицей узенькой,
Откуда дороги нам нет назад.

«Как на земле сейчас тревожно!..»

Как на земле сейчас тревожно!
И все страшней день ото дня.
Не потому ль один и тот же
Кошмар преследует меня.
Как будто я смотрю в окошко,
Где, сажай в космосе пыля,
Как испеченная картошка,
Несется бывшая земля.

«Нам Эйнштейн все объяснил толково...»

Нам Эйнштейн все объяснил толково,
Что не абсолютен результат.
И порою вежливое слово
Много хуже, чем привычный мат.

«Богачам теперь у нас почет...»

Богачам теперь у нас почет.
Нет авторитета выше денег.
Жизнь «крутых» размеренно течет
Без тревог, без боли и сомнений.
Под рукой счета, престижные посты.
Визы в паспортах – на всякий случай.
Кажется им с этой высоты
Вся Россия муравьиной кучей.

«Если ты вдруг однажды уйдешь...»

Если ты вдруг однажды уйдешь,
Не оставив надежды на чудо,
Я скажу себе грустно: «Ну, что ж...
Все прошло. Ничего не забуду...»

И в душе не останется зла.
Ни упреков, ни просьб, ни амбиций.
Ты моею богиней была.
А богиням лишь можно молиться.

«ТВ в России – нудный сериал...»

ТВ в России – нудный сериал,
Сработанный из лоскутков рекламы.
Но кто-то в промежутках разбросал
И «Новости», и прочие программы.

«Я стою у могилы Сергея Есенина...»

Я стою у могилы Сергея Есенина.
И ромашки печально кладу на плиту.
Он любил их при жизни.
И рвал их рассеянно.
И воспел эту землю
В дождях и цвету.

«Ты еще не можешь говорить...»

Ты еще не можешь говорить.
И о жизни ничего не знаешь.
Спит в тебе мальчишеская прыть.
Неизвестно, кем ты в жизни станешь.
Как все дети, ты смешон и мил.
И, хотя еще так мало прожил,
Все ты в нашем доме изменил.
И, наверно, нас изменишь тоже.

«Приватизировав экран...»

Приватизировав экран,
Чиновник вышел в шоу-мены.
Но в этом был один изъян –
Не знал он в жажде славы меры.

«Прошу прощенья у друзей...»

Прошу прощенья у друзей
За нетерпимость и бестактность.
Умчалась юность, как газель.
Явилась старость, словно кактус.
Но я, как прежде, однолюб.
Влюбляюсь в день, который будет.
Прошу прощенья на людях
За то, что в юности был глуп.
За то, что в старости зануден.

«Я с женщинами спорить не могу...»

Я с женщинами спорить не могу.
Не потому, что все переиначат.
А потому, что лошадь на скаку
Не стоит останавливать...
Пусть скачет.

«Пока мы боль чужую чувствуем...»

Пока мы боль чужую чувствуем,
Пока живет в нас сострадание,
Пока мечтаем мы и буйствуем, –
Есть нашей жизни оправдание.
Пока не знаем мы заранее,
Что совершим, что сможем вынести, –
Есть нашей жизни оправдание...
До первой лжи иль первой хитрости.

«Мы вновь летим в чужую благодать...»

Мы вновь летим в чужую благодать.
В чужой язык, к чужим пейзажам.
Но вряд ли мы кому-то скажем,
И даже вида не покажем,
Как тяжело Россию покидать.

«Три года мучений и счастья...»

Три года мучений и счастья,
Три года любви и разлук.
Как хочется в дверь постучаться,
Увидеть восторг и испуг.

«Не говорю тебе – “Прощай!”...»

Не говорю тебе – «Прощай!»
Земля Христа, страна Давида.
Но есть во мне одна обида,
Одна безмерная печаль,
Что поздно я пришел сюда.
Что лишь на грани жизни долгой
Взошла во мне твоя Звезда,
Соединясь с зарей над Волгой.

«Не знаю, сколько мне судьба отмерит...»

Не знаю, сколько мне судьба отмерит,
Но если есть в запасе год,
Вернусь на озеро Киннерет,
Построю там библейский плот.

И уплыву на нем в легенду.
По той воде, где шел Христос.
И красоту возьму в аренду,
Ту, что увидеть довелось.

«Я вспомнил Волгу возле Иордана...»

Я вспомнил Волгу возле Иордана.
И это было радостно и странно.
И музыка воды во мне звучала,
Как будто нас одна волна качала.

«Над горами легкая прохлада...»

Над горами легкая прохлада.
И чисты, как слезы, небеса.
У развалин крепости Масада
Слышатся мне чьи-то голоса.

«Мне в Россию пока нельзя...»

Мне в Россию пока нельзя.
Я умру там от раздражения.
Дорогая моя земля.
Бесконечное унижение.
Безнадежная нищета.
Наворованные богатства.
От обмана до хомута
Уместилось родное братство.

Иерусалим

«Столько накопилось в мире зла...»

Столько накопилось в мире зла, –
Сколько в небе окиси азота.
Чересчур земля моя мала,
Чтоб вместить все беды и заботы.
Потому-то и живут во мне
Чья-то боль, отчаянье и горе.
Спят спокойно мертвые в земле.
А живым – ни счастья, ни покоя...

«Годы – как кочующие звезды...»

Годы – как кочующие звезды,
Что глядят прозрачно с вышины.
Вспоминаю прожитые вёсны.
Забываю виденные сны.
Я о них печалиться не стану.
И по мне ты, юность, не грусти.
Вышел я однажды рано-рано.
Солнце в небе... Я еще в пути.

1978–2003

Мы – дети Пасмурного времени

*Мы – дети Пасмурного времени.
На нас лежит его печать.
В моей душе, как в старом Бремене,
Устала музыка звучать.*

«Мы – дети Пасмурного времени...»

Мы – дети Пасмурного времени.

На нас лежит его печать.
В моей душе, как в старом Бремене,
Устала музыка звучать.

Но не молчанье удручает,
А безнадежность тишины.
Никак корабль наш не отчалит
От берегов чужой вины.

А так хотелось выйти в море,
В его простор и звездопад!
Где мир приветлив, как «Good morning»,
И справедлив – как русский мат.

2001

«Я в равенство не верил никогда...»

Я в равенство не верил никогда.
Прощай, экономическое чудо.
Кому – богатство, а кому – нужда.
Кому – хоромы, а кому – лачуга.

Права и льготы у былых вельмож
Забрали, чтоб отдать их депутатам.
Певцы сменились, да осталась ложь.
И стрелки мчат по старым циферблатам.

Уходят годы, а в моем краю
Родные деревеньки так же жалки.
Учительницу первую мою
Лишь выселила смерть из коммуналки.

1993

«А Россия сейчас, как Голгофа...»

А Россия сейчас, как Голгофа.
Мы несем обреченно свой крест.
Никогда нам так не было плохо.
Кто-то грустно готовит отъезд.

Век двадцатый уходит в былое.
И мое поколение с ним.
А грядущее скрыто за мглою.
Неужели мы все повторим?!

Повторим эти братские войны,
Обворованный банками быт.
Мы теперь безнадежно спокойны,
Если даже смеемся в кредит.

А мое поколенье в опале
И у времени, и у властей.
Жаль, что лет мы в войну не добрали,
Было б легче в земле, чем на ней.

Ничего не сумели крутые,
На корысть израсходовав пыл.
И осталась Россия без тыла,
Потому что надежда – наш тыл.

Невезучая наша держава
Побирается где-то вдали...
И от славы своей удержала
Только имя великой земли.

Неужели мы это позволим,
Чтоб толпилась в прихожих она?!
Мир от собственной жадности болен,
Как от власти Россия больна.

И порой опускаются руки
У достойных ее сыновей.
Рядом с ней – мы с Россией в разлуке,
В первый раз разуверившись в ней.

И она от реформ натерпелась,
До сих пор не поднявшись из тьмы...
И ничья не спасет ее смелость,
Если это не сделаем мы.

1998

«Наше время ушло...»

Наше время ушло...
Это мы задержались,
Потому что Россия без нас пропадет.
Мы свободой уже допьяна надышались.
И не раз заслоняли ее от невзгод.

И да будет счастливым грядущее время!
А когда нас не станет,
Не делайте вид,
Будто не было нас...
В землю брошено семя.
Собирать урожай вам еще предстоит.

Наше время ушло...
Мы чуть-чуть задержались,
Потому что с себя не снимаем вину.
Как мое поколение унизила жалость,
Так унизили бедностью нашу страну.

1998

Шестидесятники

Как бы бедно мы ни жили,
Нас разденут короли.
Мы в стране своей чужие,
Словно старые рубли.

На пиру былых развалин
Мы остались не у дел.
Так страну разворовали,
Что сам Гиннесс обалдел.

Мы по-прежнему наивны,
Молча верим в честный труд.
Но под звук бывшего гимна
Снова нашу жизнь крадут.

У воров богатый опыт
Красть под носом у властей.
А пока их всех прихлопнут,
Кожу нам сдерут с костей.

Все боролись с той напастью –
От Петра и до ЦК.
Но ворье хитрее власти,
Если есть в верхах рука.

Кто-то лечь хотел на рельсы,
Чтобы жизнь переменить,
Кто-то нас мечтал по-сельски
Кукурузой накормить.

Только жизнь не стала раем.
Как не стал порукой гимн.
Власть мы сами выбираем,
Чтоб потом и выть самим.

И, намаявшись работой,
Разуверившись в любви,
Мы уходим в анекдоты,
Чтобы слезы скрыть свои.

2002

«Ненадежные друзья...»

Ненадежные друзья
Хуже недругов крутых.
Эти, если бьют вподдых,
Так иного ждать нельзя.

Надо лишь держать удар,
Чтобы знали наперед, –
В чью бы пользу ни был счет,
Мы из племени гусар.

Ненадежные друзья
Ненадежностью своей
Стольких предали друзей,
Честно глядя им в глаза.

2003

«Мне б научиться легко расставаться...»

Мне б научиться легко расставаться
С тем, что уже не продолжится вновь:
С эхом недавних похвал и оваций,
С нежностью, не удержавшей любовь.

Мне б научиться легко расставаться
С теми, кто предал в отчаянный час.
С улицей детства в цветенье акаций,
С песней, которая не удалась.

Я ж до сих пор тяжело расставался
С тем, с чем проститься настала пора:
С музыкой нашего первого вальса,
С прошлым, что было грядущим вчера.

2002

«Запад развалил державу нашу...»

Запад развалил державу нашу.
Ну, а мы лишь тупо помогли.
И теперь разваливаем дальше...
Позабыв про суд и гнев земли.

Может быть, пора остановиться?
Сохранить себя и свой престиж?
Но пока нас учит заграница –
Ничего уже не возвратишь.

Ни стыда перед похабным словом,
Что поссорит душу с красотой,
Ни почета к тем седоголовым,
Что остались где-то за чертой.

Все равно я верую в наш разум,
В здравый смысл российских мужиков...
Нас не испугаешь медным тазом,
Не удержишь в ржавчине оков.

2004

Гадание на книге

Анатолию Алексицу

Гадаю по книге поэта...
Страницу открыв наугад,
Вхожу в чье-то горькое лето
И в чей-то измученный взгляд.

Мне грустно от этих страданий,
От боли, идущей с лица.
И я, позабыв о гаданье,
Читаю стихи до конца.

И вновь открываю страницу,
Чтоб сверить с судьбою своей
Летящую в прошлое птицу
Среди догоревших огней.

Гадаю по книге поэта,
А кажется – просто иду
По улице, вставшей из света,
Хранящей ночную звезду.

По жизни, ушедшей куда-то,
И памяти долгой о ней.
Иду, как всегда, виновато
По горестям мамы моей.
И весь я отныне разгадан,
Открыт, как вдали облака.
Иду от восходов к закатам,
Пока не погаснет строка.

2000

Вежливый чин

Раньше тебя родилась твоя вежливость,
Все заменив – и порывы, и честь.
Душу твою я напрасно выслеживал...
Нет души...
Только вежливость есть.

Как же ты вежлив бываешь в общении:
Просьбе с улыбкой откажешь.
Солжешь...
Кто-то, поверив умелому щебету,
Примет за правду лукавую ложь.

Ну, а Россия по-прежнему бедствует...
Стелишь ты мягко, да жестко ей спать.
И с ницетою бесстыдно соседствует
Новая знать.

2003

Вождь

Предайте его земле.
Он столько ей зла принес.
Россия была во мгле,
Почти слепая от слез.

Измученная нуждой,
Порастеряв народ,
Осталась она вдовой
В тот непотребный год.

Предайте земле его.
Не мучайте скорбный дух.
Ушло его торжество
И факел давно потух.

И хватит портретов нам
И памятников его.
А Мавзолей – не Храм.
И мумия – не божество.

1984–2004

Поэты и власть

Власти нас не жалуют вниманием.
Был бы ты банкир иль олигарх, –
Мог, к примеру, на проект дать мани им.
А какая выгода в стихах?!

Власти нас вниманием не жалуют.
Мы не гоним нефть, не шьем бюджет.
И стихи для них – подобно жалобе,
Если гонор власти не воспет.

Ну, а то, что дарим мы надежду,
В душах зажигаем добрый свет, –
Это безразлично самодержцам.
Прибыли от вдохновенья нет.

Но и эта власть уйдет когда-то,
Уступив другим чинам черед...

У поэзии – всего одна лишь дата,
Та, что ей определит народ.

2004

«Никогда не читал анонимок...»

Никогда не читал анонимок.
Я на эти дела не горазд.
Было все в моей жизни взаимно –
От признаний до горестных фраз.

Презирать иль любить анонимно,
Все равно что на пальцах играть
Фугу Баха иль музыку гимна,
Или складывать фиги в тетрадь.

Никогда не терпел анонимок,
Закрывал свой покой на засов...
Мне понятней молчание мима,
Чем трусливые выпады слов.

2004

«С тех горючих дней «Норд Оста»...»

С тех горючих дней «Норд Оста»
Не стихает в сердце боль.
До чего же было просто
Завязать с Москвою бой.

До чего же просто было
По свободному пути,
Обернув себя тротилом,
Прямо к сцене подойти.

Обандитился наш город...
И теперь любой хиляк,
Что с утра уже наколот,
Может всех перестрелять.

А менты на перехвате
Вновь очнутся в дураках.
Скоро нам страны не хватит
Уместить свой гнев и страх.

И тревожно время мчится,
Словно горькая молва.
Хороша у нас столица –
Криминальная Москва.

2003

Черный лебедь

Памяти Владимира Высоцкого

Еще одной звезды не стало.
И свет погас.
Возьму упавшую гитару.
Спою для вас.

Слова грустны, мотив невесел,
В одну струну.
Но жизнь, расставшуюся с песней,
Я помяну.

И снова слышен хриплый голос.
Он в нас поет.
Немало судеб укололось
О голос тот.

А над душой, что в синем небе,
Не властна смерть.
Ах, черный Лебедь, хриплый Лебедь,
Мне так не спеть.

Восходят ленты к нам и снимки.
Грустит мотив.
На черном озере пластинки
Вновь Лебедь жив.
Лебедь жив...

1982

«Мне судьба не оставила шанса...»

Юрию Полякову

Мне судьба не оставила шанса
Жить иначе, чем некогда жил.
И когда я не с теми общался,
И не с теми бездумно дружил.

Лучезарно неслась моя юность
Мимо чьих-то невзгод и обид.
Перед сильными мира не гнулась,
Не искала высоких орбит.

Жил, как жил...
Не стыдясь прожитого,
Не грустя по былым временам.
Ничего, кроме доброго слова,
Я не брал у судьбы своей внаим.

2000

«Как мне больно за российских женщин...»

Как мне больно за российских женщин,
Возводящих замки на песке...
Не за тех, что носят в будни жемчуг
И с охраной ездят по Москве.

Жаль мне женщин – молодых и старых,
Потемневших от дневных забот,
Не похожих на московских барынь
И на их зажавшийся «бомонд».

Что же мы позволили так жить им,
Не узнавшим рая в шалаше...
Уходящим, словно древний Китеж...
С пустотой в зажавшейся душе.

2004

«Отшумели выборы...»

Отшумели выборы...
Распродан
Весь пиар и весь рекламный бум.
Власть предпочитает быть с народом
С голубых экранов и трибун.

А Россия так же в бедах корчится.
Негодует, мучится, скорбит.
Вымирает в гордом одиночестве
От недоедания и обид.

Вновь Россию краснобаи кинули,
Потому что верила она.
Машет птица бронзовыми крыльями,
Но взлететь не может с полотна.

2004

«А в метро на переходах...»

А в метро на переходах
Много нищих, как в войну.
Просят денег у народа,
Ну, а кто подаст ему?

Раскошеливайся, Запад!
Аппетит неукротим.
Мы стоим на задних лапах,
Потому что есть хотим.

А поодаль барахолка.
Вся Москва торгует тут.
Ждать, наверное, недолго –
И страну распродадут.

И, устав от словоблудий,
Я кричу у стен Кремля:
– Что же с нами завтра будет?
Что же с нами будет, бля?!

1995

«Разворована Россия...»

Разворована Россия.
Обездолена страна.
Никого мы не просили
Жизнь менять и времена.

Но уже нам жребий роздан.
И подсунут новый миф...

Так же вот крестьян в колхозы
Загоняли, не спросив,
Как теперь нас гонят к рынку,
Будто к собственной беде.
Ты ловись, ловися, рыбка,
В мутной рыночной воде.

И уж вы «не подведите»,
Олигархи-рыбаки...

Я иду к строке на митинг,
Всем запретам вопреки.

2003

«Я отвык от России...»

Я отвык от России.
И сказала она:
«Где вас черти носили?
Я – другая страна.

Та, которую знал ты,
Отгуляла свое,
Где ни взрывы, ни залпы
Не терзали ее».

Что ж ты сделала с нею,
Голубая шпана,
Что теперь всех беднее,
Всех несчастней она?!

И кричит Кахамада:
«Чтоб воскреснуть стране,
Крест поставить бы надо
На замшелом старье».

Вымирайте без музык,
Ветераны войны.
Вы большая обуза
Для любимой страны.

Пусть приходит скорее
К нашим бабушкам смерть.
Сколько можно на шее
У России сидеть.

Пусть повесточки на дом
Им из моргов несут.
И тогда кахамадам
Будет кайф и уют.

2000

Памяти Сергея Юшенкова

В этой жизни фатальной
Все во власти Небес.
Из колоды игральной
Карту вытащил бес.

И была эта карта
Черным знаком судьбы...

Ты признался мне как-то,
Что устал от борьбы.

От бесплодных баталий,
И предательств друзей.
В этой жизни фатальной
Ты был искренен с ней.

Ах, Сережа, Сережа,
Дорогой мой земляк,
Без тебя здесь все то же:
Тот же гимн, тот же флаг.

Между властью и долгом
Та же Дума сидит.
Не поймешь ее толком –
Чей она сателлит.

Жаль, что век уже прожит.
Твой, упавший во тьму.
Ты прости нас, Сережа,
За чужую вину.

И за то, что ни завтра,
Ни потом, никогда
Не вернешься внезапно
В мир, где крепнет вражда.

И за то, что уходят
Не по воле своей
Те, чья память в народе
Все грустней и грустней.

2003

Лица кавказской национальности

Мы живем в тисках крутой формальности –
И уже на подозренье весь Кавказ.
И лицо чужой национальности
Почему-то раздражает нас.

Я смотрю в растерянные лица.
Чувствую, как в них бунтует кровь.
Наша всенародная столица
Выборочно дарит им любовь.

Нам бы всем по-доброму собраться,
Недоверье поборов и страх.
Но уходят в горы новобранцы
И люгует ненависть в горах.

Мы и раньше уходили в горы
В окруженье дружбы и любви.
А теперь влиятельные воры
Греют руки на чужой крови.

2003

Из прошлого

О друге своем узнаю от других.
Он мечется где-то
Меж дел и свиданий.
И дружба моя –
Как прочитанный стих –
Уже затерялась среди новых изданий.

О друге своем узнаю из газет.
Он строго глядит
С популярной страницы.
Ну что же, на «нет»
И суда вроде нет.
Не пивший вовек,
Я хочу похмелиться.

О друге своем вспоминаю порой.
Читаю открытки его и записки.
Но кто его тронет –
Я встану горой,
Поскольку священные у нас обелиски.

1978

Чиновнику

За вами должность, а за мною имя.
Сослав меня в почетную безвестность,
Не справитесь вы с книгами моими, –
Я всё равно в читателях воскресну.

Но вам такая доля не досталась.
И, как сказал про вас великий критик, –
Посредственность опасней, чем бездарность.
А почему – у классика прочтите.

Кайфуйте дальше – благо, кайф оплачен.
Он вам теперь по должности положен.
Но только не пытайтесь что-то значить –
Чем в лужу сесть, сидите тихо в ложе.

1999

Солдатские матери

Матери солдат, воюющих в Чечне,
Все еще надеются на чудо.
И в тревоге ждут вестей оттуда.
И свои проклятья шлют войне.

Те, кто могут, едут на войну,
Чтобы вырвать сыновей из ада.
Власть считает – все идет как надо.
Лишь бы на себя не брать вину.

Но позора этого не смыть,
Не сокрыть его верховной ложью.
Материнский суд, что кара Божья,
Не позволит ничего забыть.

1995

Сторожа

Что-то много у нас
Развелось сторожей.
Своровали страну –
И теперь сторожат:
Бедняков – от огромных
Своих барышей.
От властей сторожат
На себя компромат.

Кто чего сторожит,
То ему и в доход:
Нефтяная труба
Или телеэкран
При любой непогоде
Проценты дает.
Был бы лишь наготове
Широкий карман.

При раскладе таком
Не при деле народ.
Не при деле лукавых
Своих сторожей.
И когда они делят
Привычный доход,
Всех сторонних
Из барского дома – взашей.

Правда, есть у сограждан
Возможность одна –
Посмотреть по ТВ
Жизнь высоких господ.
И когда в нищете
Прозябает страна,
У экранов кайфует
Наивный народ.

2000

«Президенты сменяют друг друга...»

Президенты сменяют друг друга.
Только жизнь наша без перемен.
Всё никак мы не выйдем из круга,
Не поднимем Россию с колен.

Как жилось моим сверстникам трудно,
Так и дальше придется им жить.
Президенты сменяют друг друга,
Продолжая бывшему служить.

И с усердьем бюджет наш латают,
Как латает портниха штаны.
Мы сбиваемся в легкие стаи
В ожидании новой весны.

И она в свое время приходит,
Растянув журавлиную нить...
И пока есть надежда в народе,
Может всё он понять и простить.

1999

«Мы все из XX века...»

Мы все из XX века,
Из Времени бед и побед,
Где каждая жизнь – словно веха
Для тех, кто отправится вслед.

И ты из XX века,
Из времени горьких утрат.
Разбитая молнией ветка.
Печальный ее листопад.

И долго ль придется скитаться
Средь новых имен и идей?
Не лучше ли было остаться
В том веке, в эпохе своей...

2001

Касты

Всю страну поделили на касты...
Каста власти и каста вельмож –
Это ныне и есть государство.
Только нам этот кукиш негод.

Поделили на касты Россию...
И, слагая свой выгодный миф,
От соблазнов вконец обессилов,
Верит власть, что раздел справедлив.

Но при этом разделе досталась
Миллионам моих земляков –
Непосильная горькая старость,
Унижающий звон медяков.

Поделили Россию на касты...
Возродили в плебейх господ:
Все на выдумки ныне горазды.
Но при чем здесь Российский народ?..

2001

«Сколько же вокруг нас бл-ва!..»

Сколько же вокруг нас бл-ва!
Как в рулетке – ставок...
Не хочу приспособляться.
Воевать не стану.

С кем сражаться-то? С ворами?!
С их придворным званием?
Я и так опасно ранен
Разочарованием.

Жизнь пошла не по законам, –
Провались всё пропадом!
Припаду к святым иконам,
Помолюсь им шепотом.

Всё, что нам с тобою надо, –
Во Всевышней власти:
Чтоб от взгляда и до взгляда
Умещалось счастье.

2000

«Смерть всегда преждевременна...»

Смерть всегда преждевременна.
И с годами сильней
В нас бессмертная, древняя
Зреет ненависть к ней.

Сколько ты бы ни прожил,
Что ни сделал бы ты –
Это все станет прошлым
С подведением черты.

Сколько ты бы ни сделал,
Все покажется мало –
От вакцины Пастера
До интеграла...

Сделать многое хочется,
Даже что-то в запас.
Чтобы жизнь, как пророчество,
Непреренно сбылась.

1963

Я сбросил четверть века...

*Я сбросил четверть века,
Как сбрасывают вес.
Луч из созвездья Вега
Ко мне сошел с небес.*

«Я сбросил четверть века...»

Алексею Пьянову

Я сбросил четверть века,

Как сбрасывают вес.
Луч из созвездья Вега
Ко мне сошел с небес.

И высветил те годы,
Что минули давно,
Где жили мы вольготно,
И честно, и грешно.

Еще в стране порядок
И дальние друзья
Душою с нами рядом,
Как им теперь нельзя.

Еще у нефти с газом
В хозяевах – страна.
И нет гробов с Кавказа,
И не в чести шпана.

Еще читают книги
В трамваях и метро.
И не сорвались в крике
Ни совесть, ни добро.
Как жаль, что всё распалось...
И братская земля
Теперь в крови и залпах.
И надо жить с нуля.

И все мои потери,
И горести твои
Уже стучатся в двери
С угрозой: «Отвори!»

Я сбросил четверть века
И ощутил себя
Азартным человеком,
Сорвавшимся с седла.

2001

«Пока мои дочери молоды...»

Пока мои дочери молоды,
Я буду держаться в седле.
А все там досужие доводы
О годах... – Оставьте себе.

Пока мои внуки готовятся
Подняться на собственный старт,
Я мудр буду, словно пословица.
И весел, как детский азарт.

И пусть им потом передастся
И опыт мой, и ремесло...
А мне за терпенье воздастся,
Когда они вскочат в седло.

2000

«Нам жизнь дается напрокат...»

Виктору Бехтиеву

Нам жизнь дается напрокат
Лишь на один сезон.
Пытаюсь выведать у карт,
А где мой горизонт.

Где та нежданная черта,
Что обозначит край.
И как же все-таки проста
Дорога в ад и в рай.

Да будет долгим тайный срок,
Отпущенный судьбой.
Я в этой жизни был игрок.
Я рисковал собой.

И подводил меня азарт,
И к звездам поднимал...

Пытаюсь выведать у карт,
Где мой девятый вал.

2004

«Все придет, и все случится...»

Азику Сигалу

Все придет, и все случится.
Но приметы говорят:
Не ищите встреч с волчицей,
Охраняющей волчат.

Не сердитесь по-пустому –
Мы стареем от обид.
Долгий путь к родному дому
Пусть не будет позабыт.

Все придет, и все случится
В этой жизни непростой.
Не кончается граница
Между делом и мечтой.

Не спешите быстрой птицей
По годам и по судьбе.
Все придет, и все случится.
Знаю это по себе.

1995

«Я в зоне риска...»

Я в зоне риска...
Время, что настало,
И есть та зона риска для меня.
Еще один промчался полустанок.
И в тайном списке меньше на полдня.

Я в зоне риска...
Каждое мгновение
Последним может оказаться вдруг.
И обернулось риском вдохновение.
Но мне об этом думать недосуг.

Я в зоне риска...
И в напевах звонниц
Вновь забываю про свои года.
Из всех моих доверчивых поклонниц
Лишь ты одна осталась молода.

И я прошу у Господа отсрочки.
Не так уж много у меня грехов.
Еще я не успел поставить точки
В десятках ненаписанных стихов.

И зона счастья рядом с зоной риска.
Живу взахлеб – то влет, то наугад.
Вот снова солнце опустилось низко.
И вновь переживаю я закат.

2004

Моим читателям

Когда надежда вдруг провиснет
И вера падает во мне,
Я вновь читаю ваши письма,
Чтоб выжить в горестной стране.

Исповедальная Россия
Глядит с бесхитростных страниц,
Как будто сквозь дожди косые
Я вижу всполохи зарниц.

За каждой строчкой чья-то доля,
Мечта, обида или грусть.
О, сколько в мире бед и боли!
И как тяжел их горький груз.

И перехватывает горло
От этих трепетных страниц.
Не знаю, кто еще так гордо
Мог выжить и не падать ниц.

Благодарю вас за доверье,
За эти отсветы любви...
И если я во что-то верю,
То потому лишь,
Что есть вы.

2003

«Я к врагам теряю интерес...»

Я к врагам теряю интерес.
Не встречаю глупости обидой.
Я иду молве наперерез,
Столько раз в ее лохани мытый.

На чужую зависть отмолчусь...
Злые люди чем-то очень схожи.
Я их козни знаю наизусть,
Ибо много пережил и прожил.

Я иду сквозь боль и пересуд,
Потирая на ходу ушибы.
Пусть они не скоро заживут.
Но за то отучат от ошибок.

2004

«Нелегко нам расставаться с прошлым...»

Иосифу Кобзону

Нелегко нам расставаться с прошлым,
Но стучит грядущее в окно.
То, что мир и пережил, и прожил, –
Музыкой твоей освящено.

Жизнь спешит... Но не спеши, Иосиф.
Ведь душа по-прежнему парит.
Твой сентябрь, как Болдинская осень,
Где талант бессмертие творит.

Ты сейчас на царственной вершине.
Это только избранным дано.
То добро, что люди совершили, –
Музыкой твоей освящено.

Вот уже дожди заморосили.
Но земле к лицу янтарный цвет.
Без тебя нет песен у России.
А без песен и России нет.

1997

«Мы на Земле живем нелепо!...»

Ольге Плеваковой

Мы на Земле живем нелепо!
И суетливо... Потому
Я отлучаюсь часто в небо,
Чтобы остаться одному.

Чтоб вспомнить то, что позабылось,
Уйти от мелочных обид,
И небо мне окажет милость –
Покою душу напоит.

А я смотрю на Землю сверху
Сквозь синеву, сквозь высоту –
И обретаю снова веру
В земную нашу доброту.

И обретаю веру в счастье,
Хотя так призрачно оно!
Как хорошо по небу мчаться,
Когда вернуться суждено!

Окончен рейс... Прощаюсь с небом.
Оно печалится во мне.
А всё вокруг покрыто снегом
И пахнет небом на Земле.
И жизнь не так уж и нелепа,
И мир вокруг неповторим
То ль от недавней встречи с небом,
То ль снова от разлуки с ним.

1979

Предсказание

Я люблю смотреть, как мчится конница
По экрану или по холсту...
Жаль, что всё когда-то плохо кончится,
Жизнь, как конь, умчится в пустоту.

Всё когда-нибудь, к несчастью, кончится.
Солнце станет экономить свет.
И однажды выйдут к морю сочинцы –
Ну а моря и в помине нет.

То ли испарится, то ли вытечет,
То ли всё разрушит ураган...
И Господь планету нашу вычеркнет
Из своих Божественных программ.

И она в космические дали
Улетит среди других планет...
И никто ей песен не подарит,
Не вздохнет, не погрустит вослед.

И Земля вовеки не узнает,
Что часы остановили ход...
Оборвется наша жизнь земная,
Хоть недолог был ее полет.

2001

«Снова зажигаю в доме свечи...»

Снова зажигаю в доме свечи.
Всматриваюсь в прожитую даль.
Мы одни... И праздник наш не вечен.
Жаль.

Я когда-то безмятежно думал,
Если жизнь начнут ломать с хребта,
Мне помогут молодость да юмор.
Ни черта...

А еще в друзей я верил свято.
Впрочем, это – как игра в лото, –
Не сошлось... А кто же виноват-то?
Да никто.

И выходит, что напрасно верил,
Как напрасно я «качал» права.
Жизнь прошла сквозь беды и потери.
И жива.

Все обиды я возьму на память,
Ибо в них душа твоя слаба...

И пылают свечи между нами.
И слова.

2000

После нас

А. Вознесенскому

Все будет так же после нас.
А нас не будет.
Когда нам жизнь сполна воздаст –
У мира не убудет.

По небу скатится звезда
Слезой горячей.
И не останется следа –
Обычный случай.

Я вроде смерти не боюсь,
Хотя нелепо
Порвать загадочный союз
Земли и неба.

Пусть даже ниточкой одной,
Едва заметной,
Став одинокой тишиной
Над рощей летней.

Негромкой песней у огня,
Слезой поздней.
Но так же было до меня.
И будет после.
И все ж расстаться нелегко
Со всем, что было.
И с тем, что радостно влекло
И что постыло.

Но кто-то выйдет в первый раз
Вновь на дорогу.
И сбросит листья старый вяз
У наших окон.

Все будет так же после нас.
И слава богу!

1980

«Еще не спел я главной песни...»

Еще не спел я главной песни,
Хотя прошло немало лет.
И я взошел на ту из лестниц,
Откуда дальше хода нет.

Успею или не успею
Открыться людям до конца?
Чтоб рядом с песнею моею
Добрели взгляды и сердца.

«Успеешь... – шелестят страницы.
И не казись пустой виной...»

Быть может, что-нибудь
Продлится
В душе людей,
Воспетых мной?

1978

«Я ничего и никому не должен...»

Я ничего и никому не должен.
Не должен клясться в верности стране
За то, что с ней до нищеты я дожил.
За то, что треть земли моей в огне.

Я ничего и никому не должен.
Мне «молодые волки» не указ.
Они, конечно, много нас моложе,
Но вовсе не талантливее нас.

И новый мир по-старому ничтожен
Среди своих раздоров и корыт.
Я ничего и никому не должен,
Поскольку никогда не жил в кредит.

1992

«Как весны меж собою схожи...»

Как весны меж собою схожи:
И звон ручьев, и тишина...
Но почему же все дороже
Вновь приходящая весна?

Когда из дому утром выйдешь
В лучи и птичью кутерьму,
Вдруг мир по-новому увидишь,
Еще не зная, почему.

И беспричинное веселье
В тебя вселяется тогда.
Ты сам становишься весенним,
Как это небо и вода.

Хочу веселым ледоходом
Пройтись по собственной судьбе.
Или, подобно вешним водам,
Смыть все отжившее в себе.

1964

«Кто на Западе не издан...»

Василию Лановому

Кто на Западе не издан,
Тот для наших снобов ноль.
Я ж доверил русским избам
И любовь свою и боль.

Исповедывался людям,
С кем под небом жил одним.
Верю я лишь этим судьям.
И подсуден только им.

Не косил глаза на Запад.
Не искал уютных мест.
И богатств здесь не нахапал.
Нес, как все, свой тяжкий крест.

И России благодарен,
Что в цене мои слова.
Что они не облетают,
Как пожухлая листва.

2003

«Мы меняемся с годами...»

Мы меняемся с годами.
Набираем высоту.
И встревоженно гадаем,
Где споткнемся о черту.

Сколько строк мы накопили,
Огорчаясь и любя.
Кто-то хочет стать в России
Больше самого себя.

И сурово смотрит мастер
Вслед успеху моему.
Он не любит, чтобы счастье
Приходило не к нему.

Будь добрее, друг Евгений,
Как пристало мастерам.
Мы призванью не изменим.
Изменяет дружба нам.

Мы в поэзии не слабы.
Но живем не для утех.
И на всех достанет славы,
Был бы подлинным успех.

Мы меняемся с годами.
Но мерцает прежний свет.
Я дарю тебе на память
Нашу дружбу прошлых лет.

«В том, что рядом твое крыло...»

Бырганым Айтимовой

В том, что рядом твое крыло,
Я, наверно, судьбе обязан.
Мне на светлых людей везло,
Как старателям – на алмазы.

Мне на светлых людей везло,
Как на музыку – речке Сетунь.
И когда воцарялось зло,
Я спасался их добрым светом.

Говорят, чтобы сильным быть,
Надо, чтобы душа парила...
Ну, а мне по земле ходить,
У нее набираться силы.

И во власти земных красот
Время жизнь мою подытожит...
Мне на светлых людей везет.
Я ведь с ними светлею тоже.

2001

«Куда бы ни вела меня дорога...»

Куда бы ни вела меня дорога,
Какие книги б ни легли на стол,
Но в таинствах великого Востока
Я мудрость для души своей обрел.

Перед бедой не опускаю руки.
Перед врагом не отведу глаза...
Хочу быть сильным в горе и в разлуке.
И милосердным – как учил Хамза.

Во мне живут и боль его, и память...
В глазах моих о нем слеза дрожит.
И пусть ложатся годы между нами, –
Бессмертье их ему принадлежит.

1980

Круговая порука

Круговая порука для дружбы – закон.
Круговая порука надежных имен.

Кто-то мерзость сказал за спиной моей.
Ты ответил от имени старых друзей.
Потому что обиделся ты за меня.
И теперь он боится тебя, как огня.

Мы не столько гусары... – скорей гусяры.
Но приветливы мы и добры до поры.
А настанет пора – за себя постоим.
Вспоминаю при этом Иерусалим....

Мне в друзьях и врагах бесконечно везло.
Побеждала надежность всегда – не число.
Ну, а кто оплошал – да простит его Бог.
То ли он не сумел, то ли просто не мог...

А когда мы начнем уходить в никуда, –
Вместе с нами уйдут – и бои, и вражда.
И останется только великая грусть
Дружбы нашей с тобой,
Знавшей всех наизусть.

2004

«Я друзьям посвящаю стихи...»

Андрею Гредасову

Я друзьям посвящаю стихи.
Словно пестую маки в степи.
Словно выстелил в поле ковер
И в свой дом их на праздник привел.

Я стихи посвящаю друзьям.
Чтоб души не коснулся изъян.
Не ушла доброта бы от нас.
Чтобы свет ее вдруг не погас.

Я друзьям посвящаю стихи.
Я беру на себя их грехи,
И заботы, и беды, и грусть.
Ибо знаю их жизнь наизусть.

Я хочу наши встречи продлить.
Чтобы рядом в разлуке побыть.

2004

«Никогда ни о чем не жалеете вдогонку...»

Никогда ни о чем не жалеете вдогонку,
Если то, что случилось, нельзя изменить.
Как записку из прошлого, грусть свою скомкав,
С этим прошлым порвите непрочную нить.

Никогда не жалеете о том, что случилось.
Иль о том, что случиться не может уже.
Лишь бы озеро вашей души не мутилось,
Да надежды, как птицы, парили в душе.

Не жалеете своей доброты и участия,
Если даже за все вам – усмешка в ответ.
Кто-то в гении выбился, кто-то в начальство...
Не жалеете, что вам не досталось их бед.

Никогда, никогда ни о чем не жалеете –
Поздно начали вы или рано ушли.
Кто-то пусть гениально играет на флейте,
Но ведь песни берет он из вашей души.

Никогда, никогда ни о чем не жалеете –
Ни потерянных дней, ни сгоревшей любви.
Пусть другой гениально играет на флейте,
Но еще гениальнее слушали вы.

1976

«Я счастлив с тобой и спокоен...»

Ане

Я счастлив с тобой и спокоен,
Как может спокоен быть воин,
Когда он выходит из битвы,
В которой враги его биты.

Мы вновь возвращаемся в город,
Где серп в поднебесье и молот.
Давай же – серпом своим действуй
По барству, по лжи и лакейству.

А там по традиции давней
Я молотом с маху добавлю.
Нам так не хватало с тобою
Российского ближнего боя!

Не все наши недруги биты,
Не все позабыты обиды,
Кому-то по морде я должен...
И что не успел – мы продолжим.

2001